

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSEE RUSSE

№173/5-6 (5044)
МАЙ – ИЮНЬ 2026

На русском
и английском языках

Журнал основан
в 1880 году
www.RussianMind.com

«За мной,
читатель!»

М. Горький

9 772046 868005

UK £4.00
Germany, Austria, Italy,
Luxembourg, Portugal, Estonia ...€5.50
Belgium, Greece €5.50
France, Spain €5.60
Switzerland 5.60 CHF
Hungary 2290 HUF
Poland 26.90 PLN

СТОИМОСТЬ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «РУССКАЯ МЫСЛЬ» НА 12 МЕСЯЦЕВ

На территории Великобритании – 65 GBP **ГОДОВАЯ**
По странам Евросоюза – 70 EUR **электронная подписка –**
Остальные страны – 88 EUR **30 EUR**

ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПОДПИСКИ ВЫ МОЖЕТЕ:

1. Оплатить подписку на сайте журнала
«Русская мысль»:
russianmind.com/payment/
2. Оплата через
платформу
Isubscribe:

ВАЖНО:

После осуществления оплаты Вам нужно отправить подтверждение оплаты и Ваш домашний адрес на электронную почту subscription@russianmind.com с пометкой «Подписка»

СЛОВО РЕДАКТОРА

КУЛЬТУРА БЕЗ ГРАНИЦ

Без сомнения, главный литературный юбилей этой весны – 135-летие со дня рождения Михаила Булгакова, одного из самых читаемых писателей в Отечестве. Не только великий роман «Мастер и Маргарита», но и другие его произведения выпущены в прошлом году тиражом полмиллиона экземпляров. По нынешним гаджетным временам – цифра просто фантастическая! О самом бесспорном и одновременно спорном российском писателе в новом выпуске «Русской мысли» рассуждает его биограф Алексей Варламов. Вполне допускаю, что в чем-то читатели с автором книги о Михаиле Афанасьевиче в легендарной серии «Жизнь замечательных людей» могут и не согласиться. Ведь у каждого свой Булгаков...

А начало лета напрямую связано с памяtnыми датами российской культуры, которой посвящен этот номер нашего журнала. 6 июня их сразу две – Пушкинский день России и Международный день русского языка.

227 лет назад появился на свет Александр Сергеевич Пушкин – «наше всё». День рождения великого поэта отмечается не только в России, но и во всех странах мира, где есть русскоязычное население. Значит, практически везде. Пушкин – родоначальник современного русского литературного языка, и его памятный день учрежден Организацией Объединенных Наций в 2010 году. Настоятельно советую: не пропустите интереснейшую статью нашего нового автора, доктора филологических наук Александра Рудякова «Этюд о мире русского языка».

О современной нашей культуре можно и нужно судить по книжному фестивалю «Красная площадь», который традиционно проходит в начале июня в самом центре российской столицы. Это масштабное литературное событие года с грандиозной программой: десятки тысяч читателей встречаются с писателями, поэтами, драматургами, издателями, библиотекарями, учеными, актерами, режиссерами. Более 400 издательств России на пятнадцати площадках представляют свои издания.

Приятно отметить, что старейшее общеевропейское русскоязычное издание «Русская мысль» тоже было представлено на фестивальной площадке. Не прерывается связь времен...

К 140-летию удивительного поэта и переводчика Владислава Ходасевича мы публикуем эссе Владимира Набокова. И стихотворение, которое Ходасевич напечатал в «Русской мысли» в 1912 году.

Круговорот русской культуры продолжается.

Леонид Колпаков

РУССКАЯ МЫСЛЬ
№173/5–6(5044)
МАЙ – ИЮНЬ 2026

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
Кирилл Привалов

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Митрополит Антоний
Ренэ Герра
Петр Шереметев
Сергей Ястржембский

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Леонид Колпаков
lk@russianmind.com

ОТВЕТСТВЕННЫЙ
И ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР
Карина Энфенджян
karina@russianmind.com

РЕДАКТОР ИСТОРИЧЕСКОГО ОТДЕЛА
Вячеслав Катамидзе

КРЕАТИВНЫЙ ПРОДЮСЕР
Василий Григорьев
cr@russianmind.com

ДИЗАЙН
Роман Малофеев
design@russianmind.com

ПЕРЕВОДЧИК
Дмитрий Лапа

ПО ВОПРОСАМ
РАЗМЕЩЕНИЯ РЕКЛАМЫ:
sales@russianmind.com

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:
distribution@russianmind.com

ПОДПИСКА:
subscription@russianmind.com

ИЗДАТЕЛЬСТВО:
RuMind DOO, ул. Юрия Гагарина 231,
11073, Белград, Сербия.
Регистрационный номер 21962945
Генеральный директор Константин Филимонов

ТИПОГРАФИЯ:
ArtPrintMedia DOO, ул. Профессора Ричица 2,
21000, Нови-Сад, Сербия.
Регистрационный номер 20686375

РУССКАЯ МЫСЛЬ (ISSN)
2046-8687 | 2046-8695

ОБЛОЖКА:
М.А. Булгаков в 1928 году

ПРИ ПОДГОТОВКЕ НОМЕРА БЫЛИ
ИСПОЛЬЗОВАНЫ СЛЕДУЮЩИЕ
ИСТОЧНИКИ:
ru.wikipedia.org, en.wikipedia.org, wikireading.ru,
culture.ru; фото: wikimedia.org/wikipedia/commons,
commons.wikimedia.org, unsplash.com

Редакция не несет ответственности
за достоверность информации, опубликованной
в сообщениях информационных агентств,
рекламных материалах и объявлениях. Редакция
не имеет возможности вступать в переписку
и не возвращает рукописи и иллюстрации. Редакция
не предоставляет справочной информации.
Перепечатка материалов из журнала «Русская
мысль» – только по согласованию с редакцией.

ТИРАЖ: 7000 ЭКЗ.

МИР СЛОВА

6 ЭТЮД
О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Способность создавать «национальные варианты» – это показатель силы нашего великого языка.

9 ВЕЛЕНЬЮ БОЖИЮ, О МУЗА,
БУДЬ ПОСЛУШНА...

6 июня празднуется Пушкинский день России и Международный день русского языка.

ВЕЛИКИЕ ИМЕНА

12 СУДЬБА ОБМЕНУ
НЕ ПОДЛЕЖИТ

135 лет со дня рождения Михаила Бугакова.

ПИСАТЕЛИ РУССКОГО
ЗАРУБЕЖЬЯ**18** «ВСЕМУ ЖИВУЩЕМУ
ИДТИ ПУТЕМ ЗЕРНА...»

Владимир Набоков о Владиславе Ходасевиче (эссе, 1939).

ЛИТЕРАТУРА

22 СОВЕСТЬ РУССКОЙ
ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

215 лет со дня рождения Виссариона Белинского.

24 ФЕДОР ШАЛЯПИН
И РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ
ВО ФРАНЦИИ

Мы продолжаем знакомить читателей с фрагментами из книги Елены Лебедевой. Начало читайте в № 171/01–02 и 172/03–04.

28 В ДЕРЕВНЮ, К ТЕТКЕ,
В ГЛУШЬ, В САРАТОВ!

Продолжение. Начало читайте в № 171/01–02.

40 ЗВЕЗДЫ
ПРОРОЧАТ

Представляем вниманию читателей подборку новых стихов Анатолия Арестова.

БИБЛИОСФЕРА

42 СИБИРСКИЙ ГЕРОЙ
НАШЕГО ВРЕМЕНИ

В московском издательстве «Вече» в 2025 году вышел роман Равиля Зарипова «Енисейский сплав. Сибирский приключенческий роман».

КУЛЬТУРА

44 ТРЕТЬЯКОВСКАЯ
ГАЛЕРЕЯ: 170 ЛЕТ
СЛУЖЕНИЯ ЛЮДЯМ

Павел Третьяков: «Для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств».

50 ЮВЕЛИРНЫХ ДЕЛ
МАСТЕР

180 лет назад родился великий Карл Фаберже.

52 ПРЕКРАСНОЕ
СИЯНИЕ

Они оставили сияющий след в духовном сердце России.

58 СВЕТ, КОТОРЫЙ
НЕ ЗНАЕТ ПРЕГРАД

Ольга де Лакруа создала не просто серию книг, а новую этическую координату в современном искусстве, где во главе угла стоит достоинство Человека Творящего.

ИНТЕРВЬЮ

62 «НЕНУЖНАЯ»
КОЛЛЕКЦИЯ

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский поделился историей одной из своих коллекций.

НАШИМ
СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ**66** ВИЛЛА В СОРРЕНТО:
КОЧУБЕИ
И ГОРЧАКОВЫ

Беседа Неониеллы Пасичник с Александром Кочубеем.

ОЧЕРК

72 НЕСТАНДАРТНЫЙ
ЧЕЛОВЕК

Во все века врачу надо было вырваться из прокрустова ложа диагнозов и находить тот единственно верный способ лечения, который выявляет корни болезни.

78 В НАЧАЛЕ БЫЛ
CHANSON...

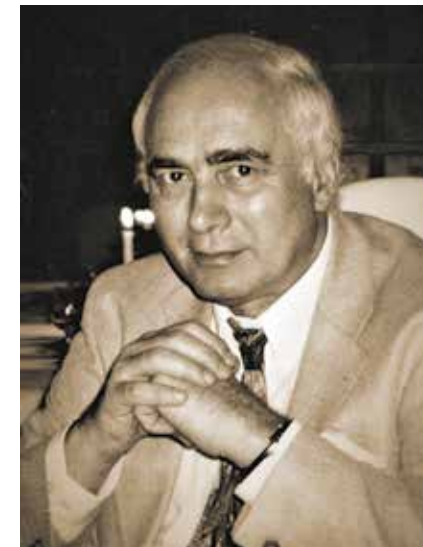
Продолжение. Начало – в № 169/09–10 и № 172/01–02.

ИСТОРИЯ

86 ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ
ИМПЕРИИ

Окончание. Начало читайте в № 169/9–10 и 171/01–02.

УТРАТА

94 ПАМЯТИ ВЯЧЕСЛАВА
КАТАМИДЗЕ

Редакция журнала «Русская мысль» с глубоким прискорбием сообщает читателям о кончине Вячеслава Ивановича Катамидзе.

КНИГИ

95 «ШЕКСПИР ИЛИ
МАРЛО?»

В книге В. И. Катамидзе «Шекспир или Марло?» выдвигается смелая гипотеза, основанная на многолетних исследованиях автором британских архивов.

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ВЕСТНИК**98** ПРАЗДНИКИ
И СМЫСЛЫ
СВЯЩЕННОГО
ВРЕМЕНИ

Все, что говорил и делал Иисус Христос во время Своей земной жизни, было неискаженным непосредственным божественным Откровением.

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ

104 ИЗ РЫБИНСКА
В НИЦЦУ

Путь Святого адмирала Федора Ушакова.

РУССКИЙ ПАНТЕОН

108 ПАМЯТНИКИ
СОВЕТСКИМ
ВОИНАМ
В ГЕРМАНИИ

Рядом с этими мемориалами время словно замедляется, позволяя почувствовать масштаб событий, когда-то определивших судьбы мира.

СОБЫТИЯ
И ИНФОРМАЦИЯ**110** «РУССКАЯ МЫСЛЬ»
ВУКОЛА ЛАВРОВА

Книга Анны Лавровой «Вукол Лавров. Издатель журнала «Русская Мысль»», несомненно, заинтересует наших читателей.

111 90-ЛЕТИЕ
«СОЮЗМУЛЬТ-
ФИЛЬМА»

Работы легендарной анимационной студии стали неотъемлемой частью культурного наследия России.

ЧИТАЙТЕ В НАШЕМ
ЖУРНАЛЕ СТАТЬИ НА
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

ЭТЮД О РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Способность создавать национальные варианты –
это показатель силы нашего великого языка

АЛЕКСАНДР РУДЯКОВ,
доктор филологических наук

Есть стереотип, требующий, чтобы витальность, сила, мощь и мировое значение великого и могучего русского языка доказывались количеством русофонов – людей, владеющих русским языком. И действительно, сотни миллионов говорящих на русском – это неплохой аргумент.

Но исчерпывается ли свидетельство силы языка только числом его носителей? Да и не слишком ли это примитивно: сводить устройство планетарного мира русского языка к множеству индивидов?

Человек не есть множество клеток. А автомобиль – не множество деталей.

Но если реальное устройство мира русского слова нельзя свести к простому множеству русофонов, то каковы его составные части, его подсистемы? И каковы отношения между ними?

Существует и, более того, господствует точка зрения, согласно которой русский языковой мир (для его именования можно использовать термин «руссофония») устроен так: есть русский язык в России, являющийся инвариантным, каноническим, образцовым, и есть в той или иной степени от него отличающиеся «русские языки» в других странах, в которых в той или иной степени русский язык «искажают и портят».

Так ли это? Нет, не так.

Русский язык, который всегда был, есть и будет мировым и который обеспечивает социальное взаимодействие своих носителей не только в России, но и за ее

пределами, давно знает, что реальность, в которой его носители существуют за пределами, значительно отличается от той, которая есть в колыбели русскости – в Российской Федерации.

И русскому языку далеко не все равно, что картины мира его носителей – в России и других частях мира русского слова – имеют существенные закономерные и реально существующие отличия, которые язык просто не имеет права игнорировать.

Иначе говоря, русский язык не должен продолжать предоставлять оказавшемуся вне России своему носителю языковые единицы с внутрироссийскими значениями, потому что эти значения не отражают внероссийскую реальность!

И конечно же, русский язык не может себе позволить такую, деликатно говоря, вольность. Русский язык очень ответственно относится к своей святой обязанности полностью обеспечивать коммуникативные потребности своих носителей, в какую бы страну их ни занесла судьба. И он закономерно (нет! не портится) совершенствуется в том направлении, о котором предельно точно сказал Николай Крушевский: обеспечивает максимально полное соответствие мира слов миру понятий.

Иначе говоря, русский язык, как, впрочем, и любой иной язык в подобной ситуации, создает свою новую разновидность, свой новый вариант, свою новую реализацию, предназначенную для

граждан ЭТОЙ страны, потому что картина мира, которую язык должен адекватно отражать для обеспечения успешного социального взаимодействия, в разных странах разная! Язык социален: он по сути своей не способен игнорировать особенности того социума и государства, в котором функционирует.

Способность создавать национальные варианты (термин В. Ю. Михальченко вызывает споры, но другого нет!) – это показатель силы и витальности русского языка, его замечательной способности не оставлять своих носителей, оказавшихся вне РФ, без великолепного средства социального взаимодействия.

Именно совокупность национальных вариантов и определяет устройство мира русского слова. Возникновение таких разновидностей – какие бы имена мы им ни присваивали – не каприз, не причуда носителей языка, политиков или лингвистов. Это – закономерный процесс, обязательный для каждой страны, для каждого государства (и – важно – разновидности эти не имеют ничего общего с так называемыми территориальными или региональными вариантами языка).

Решающее значение для возникновения национального варианта русского языка (каким бы термином мы этот феномен ни именовали) имеет то, в каком именно государстве он должен обеспечивать потребность в социальном взаимодействии своих носителей.

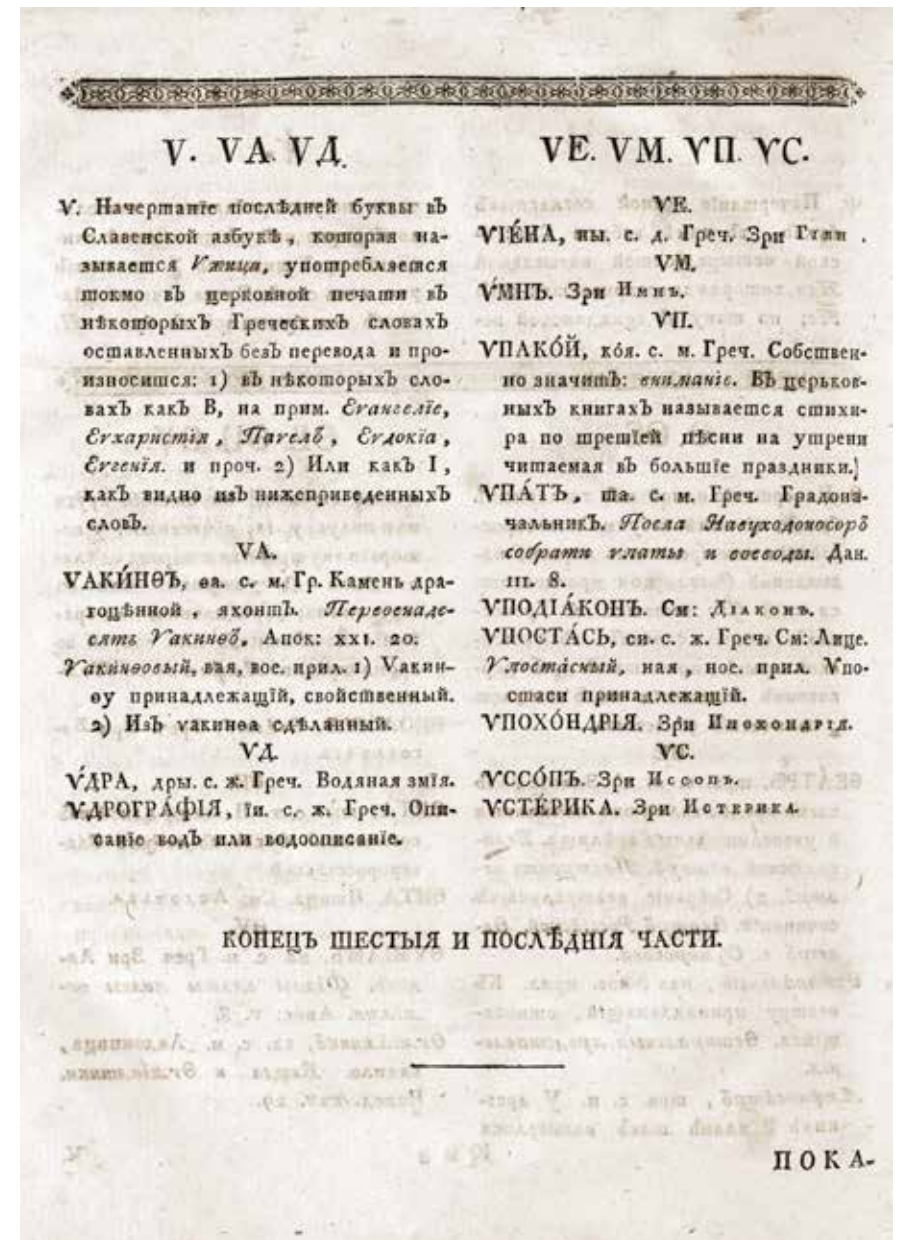
Именно поэтому глобальный русский языковой мир состоит из множества его вариантов, возникающих во множестве же стран.

Очевидно, что центром мира русского слова является российский вариант русского языка. Не могу не упомянуть о притягательном для многих соблазне отождествлять национальные варианты русского языка с территориальными его разновидностями. Очевидное заблуждение, не имеющее ничего общего с реальностью.

Сложность осознания того факта, что ты говоришь на одном из вариантов своего языка, велика. И это закономерно: человек видит русский язык только через призму своего родного варианта. Это своего рода шоры. Но лингвисту и государственному деятелю преодолеть эту ограниченность восприятия жизненно необходимо. Без такого преодоления реальное устройство мира русского слова, представляющего сложнейшую метасистему, формируемую многочисленными реализациями русского языка в различающихся цивилизационных условиях, останется непостижимым.

Расскажу о том, как меняется сознание русиста в тот момент, когда он видит мир русского слова как мир, формируемый множеством активно взаимодействующих вариантов русского языка, необратимо возникающих в тех странах, в которых русский язык работает (конечно же, в разной степени) средством социального взаимодействия, на собственном опыте.

Сейчас я лучше понимаю суть того феномена, который мы именуем термином «акцент». Акцент – это непреодолимое сопротивление системы родного языка усвоению системы нового. Это тот последний рубеж, до конца преодолеть который могут единицы, обладающие редчайшим талантом овладения иным языком.

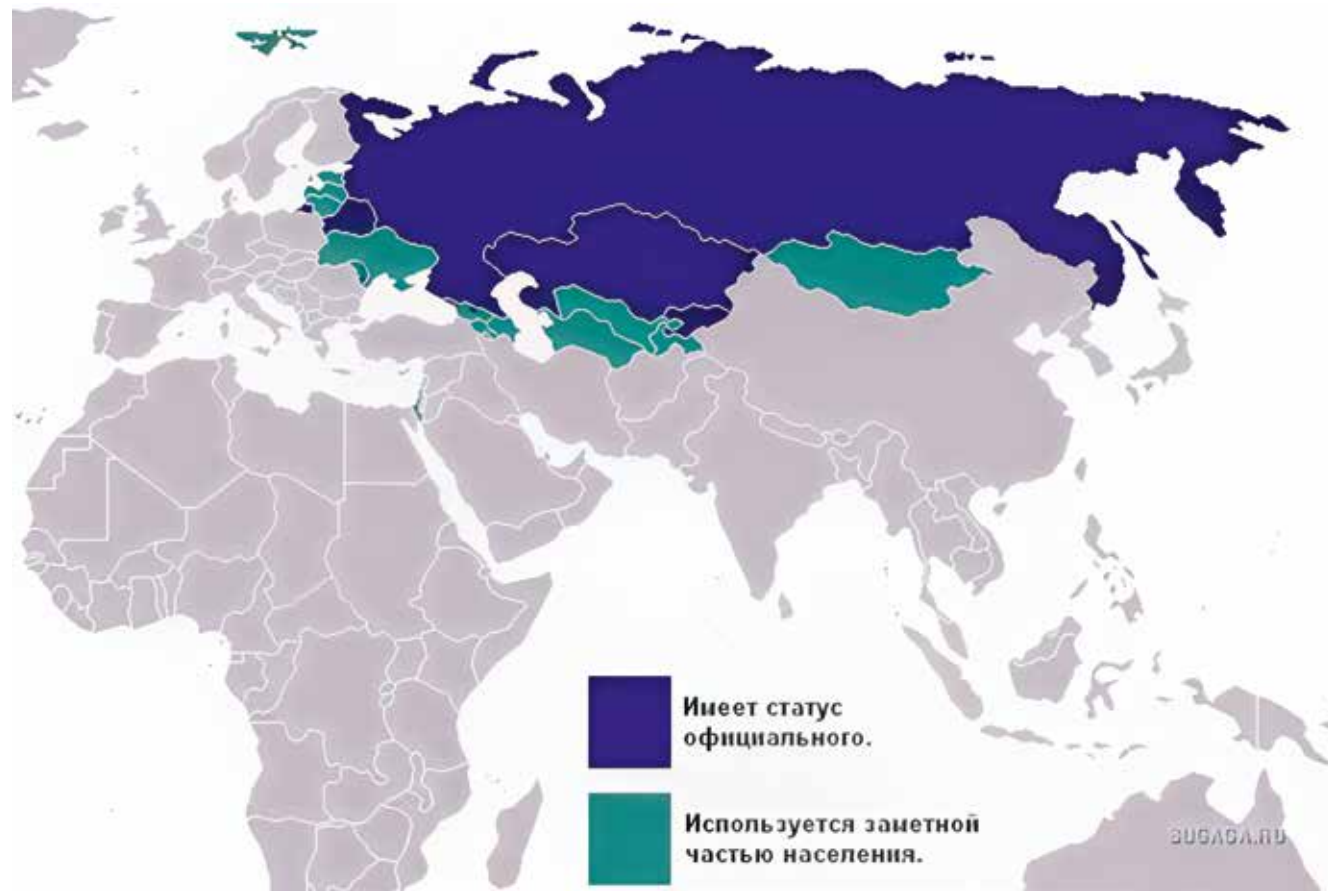

Словарь Академии Российской – первый толковый словарь русского языка в шести частях. 1783–1794

Сейчас я понимаю, что не всякий русский язык на нашей планете должен быть и способен быть абсолютно похожим на российский русский, функционирующий в нашей великой стране. Сейчас я осознаю, что те отличные от российского русского черты, закономерно возникающие в белорусском или казахстанском русском, не есть ошибки и испорченности.

Как относиться к существованию множества вариантов русского языка? Да так же, как к смене дня и ночи! Эти явления существуют объективно и не зависят от нашего мнения. Их нужно адекватно познать и использовать это знание на практике.

Мир русского слова велик, многообразен и – к нашему стыду – практически не изучен. Убежден,

Распространенность русского языка

что нам пора признать, что все составные части русского языкового мира – уже упомянутые национальные варианты русского языка – нуждаются в тщательном и доброжелательном изучении. Нам, на мой взгляд, давно пора приступить к созданию русской геофонологии, которая призвана дать научное описание объективно существующих в мире русского слова вариантов наших – русских – фонем во внероссийских реализациях русского.

Нам, с моей точки зрения, давно пора задуматься о создании русской геолексикографии, призванной фиксировать то, как варьируются значения наших слов в не наших цивилизационных условиях.

Никто из пребывающих в здравом уме не станет отрицать, что

именно российский русский является центром, ядром, фундаментом, залогом величия и витальности мира русского слова.

Но очень важно понимать, что в огромном и прекрасном мире русского слова русский язык остается самим собой в каждом из своих воплощений. Он видоизменяется только в той степени, которая достаточна для того, чтобы его носители, оказавшиеся волею истории в иной стране, в иной реальности, в иной государственной системе, могли использовать его, не испытывая сложностей из-за несоответствия семантики, но не теряя при этом своей принципиальной русскости.

Изучать мировой русский следует, не коллекционируя ошибки и порчи русского

за границами Российской Федерации, а с восхищением наблюдая, каким образом великий и могучий русский язык творит и поддерживает планетарный мир русского слова, обеспечивая своих носителей идеально соответствующим любой цивилизационной ситуации средством социального взаимодействия.

Именно такой взгляд на мир русского слова соответствует жизни в многополярном мире. Сила не только в количестве на нем говорящих, но и в числе его национальных вариантов.

Наше стремительное время не позволяет долго оставаться в плену уютных, но не отражающих реальность представлений. И правильно делает: такое прекрасное бьет по тому, кто в этом плену остался.

ВЕЛЕНЬЮ БОЖИЮ, О МУЗА, БУДЬ ПОСЛУШНА...

6 июня празднуется Пушкинский день России
и Международный день русского языка

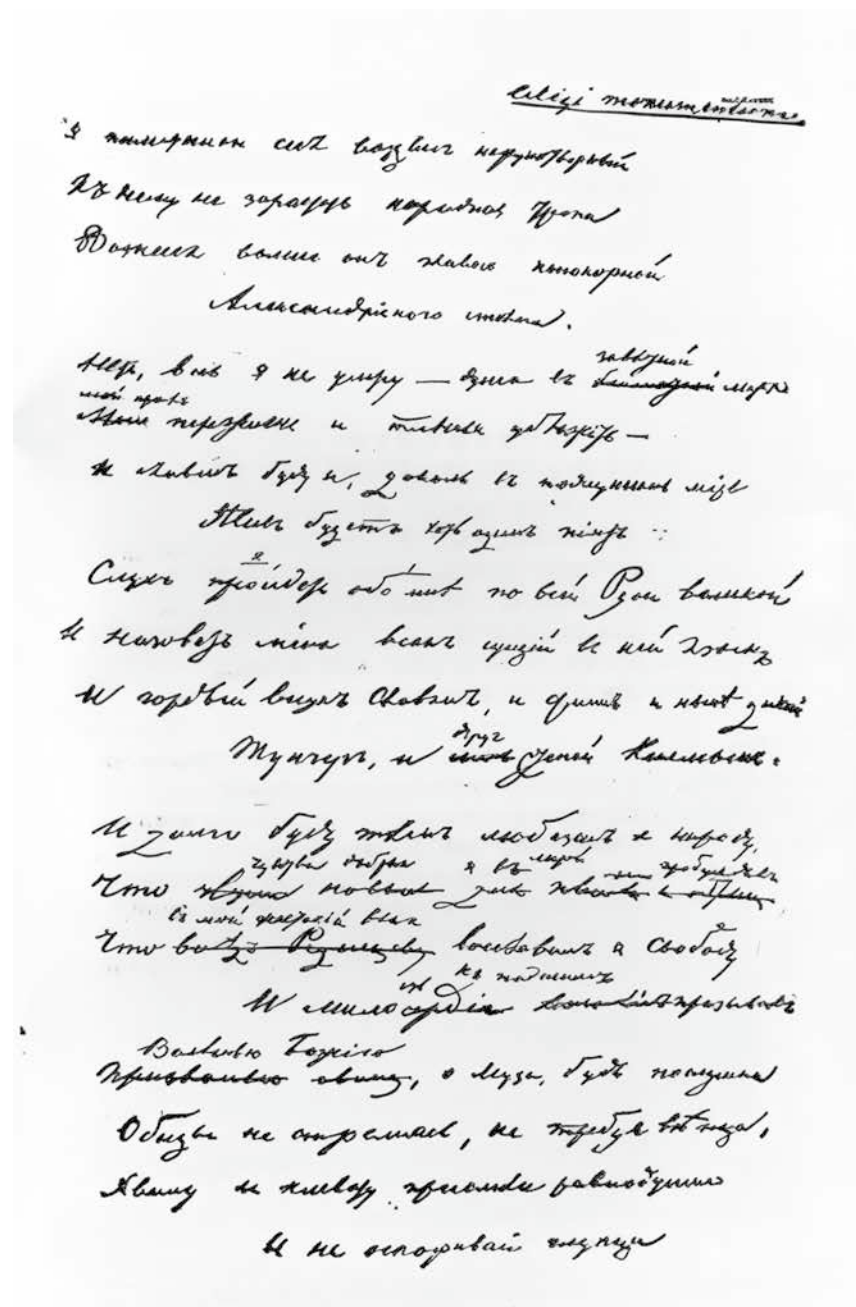

Портрет Александра Пушкина кисти Ореста Кипренского. 1827

Памятник

Я памятник себе воздвиг
нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа,
Вознесся выше он главою непокорной
Александрійского столпа.
Нет, весь я не умру – душа
в заветной мире
Мой прах переживет
и тленья убежит –
И славен буду я,
доколь в подлунном мире
Жив будет хоть один пиит.
Слух обо мне пройдет по всей
Руси великой,
И назовет меня всяк сущий
в ней язык,
И гордый внук славян, и финн,
и ныне дикой
Тунгус, и друг степей калмык.
И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой
пробуждал,
Что в мой жестокий век
восславил я Свободу
И милость к падшим призывал.
Веленью божию, о Муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

А. С. Пушкин
1836

Родной язык

Мой верный друг! мой враг коварный!
Мой царь! мой раб! родной язык!
Мои стихи – как дым алтарный!
Как вызов яростный – мой крик!

Ты дал мечте безумной крылья,
Мечту ты путами обвил,
Меня спасал в часы бессилья
И сокрушал избытком сил.

Как часто в тайне звуков странных
И в потаенном смысле слов
Я обретал напев – неожиданных,
Овладевавших мной стихов!

Но часто, радостью измучен
Иль тихой упоен тоской,
Я тицетно ждал, чтоб был созвучен
С душой дрожащей – отзвук твой!

Ты ждешь, подобен великану.
Я пред тобой склонен лицом.

И все ж бороться не устану
Я, как Израиль с божеством!

Нет грани моему упорству,
Ты – в вечности, я – в кратких днях,

Но все ж, как магу, мне покорствуй,
Иль обрати безумца в прах!

Твои богатства, по наследству,
Я, дерзкий, требую себе.
Призыв бросаю, – ты ответствуй,
Иду, – ты будь готов к борьбе!

Но, побежден иль победитель,
Равно паду я пред тобой:
Ты – Мститель мой, ты – мой Спаситель,

Твой мир – навек моя обитель,
Твой голос – небо надо мной!

В. Я. Брюсов
1912

Русский язык

Язык, великолепный наш язык.
Речное и степное в нем раздолье,
В нем клеткоты орла и волчий рык,
Напев, и звон, и ладан богомолья.

В нем воркованье голубя весной,
Взлет жаворонка к солнцу – выше, выше.
Березовая роца. Свет сквозной.
Небесный дождь, просыпанный по крыше.

Журчание подземного ключа.
Весенний луч, играющий по дверце.
В нем Та, что приняла не взмах меча,
А семь мечей в провидящее сердце.

И снова ровный гул широких вод.
Кукушка. У колодца молодицы.
Зеленый луг. Веселый хоровод.
Канун на небе. В черном – бег зарницы.

Костер бродяг за лесом, на горе,
Про Соловья-разбойника былины.
«Ау!» в лесу. Светляк в ночной поре.
В саду осеннем красный грозд рябины.

Соха и серп с звенящею косой.
Сто зим в зиме. Проворные салазки.
Бежит савраска смирною рысцой.
Летит рысак конем крылатой сказки.

Пастуший рог. Жалейка до зари.
Родимый дом. Тоска острее стали.
Здесь хорошо. А там – смотри, смотри.
Бежим. Летим. Уйдем. Туда. За дали.

Чу, рог другой. В нем бешеный разгул.
Ярит борзых и гончих доезжащий.
Баю-баю. Мой милый. Ты уснул?
Молюсь. Молись. Не вечно неудачи.

Я снаряжу тебя в далекий путь.
Из тесноты идут вразброд дороги.
Как хорошо в чужих краях вздохнуть
О нем – там, в синем – о родном пороге.

Подснежник наш всегда прорвет свой снег.
В размах грозы сцепляются зарницы.
К Царь-граду не ходил ли наш Олег?
Не звал ли в полночь нас полет Жар-птицы?

И ты пойдешь дорогой Ермака,
Пред недругом вскричишь: «Теснее, други!»
Тебя потопит льдяная река,
Но ты в века в ней выплывешь в кольчуге.

Поняв, что речь речного серебра
Не удержать в окованном вертепе,
Пойдешь ты в путь дорогою Петра,
Чтоб брызг морских добросить в лес и в степи.

Гремучим сновиденьем наяву
Ты мысль и мощь сольешь в едином хоре,
Венчая полноводную Неву
С Янтарным морем в вечном договоре.

Ты клад найдешь, которого искал,
Зальешь и запоешь умы и страны.
Не твой ли он, колдующий Байкал,
Где в озере под дном не спят вулканы?

В. П. Сомов

грамота

СЛОВАРЬ ПОЭТИЧЕСКИХ ИНОСКАЗАНИЙ ПУШКИНА

• Аонида • Бог лиры и свирели • Возвышенный галл • Герой дивный Альбиона • Друг мудрости прямой • Единый из седых орлов Екатерины • Жилец Пафоса и Киферы • Златой Горацийев фиал • Иная Иппокрена • Кастальская вода • Лемносский бог • Муже единственный • Новый Долгорукой • Отец «Телемахида» • Потомок Аристиппа • Раб Эпафродита • Святая библия харит • Трезвый Аристарх • Умов и моды вождь пронырливый и смелый • Фернейский старичок • Хлебнув кастальских вод бокал • Циник поседелый • Чахоточный отецнемного тощей «Энеиды» • Шалун, увенчанный Эратой и Венерой • Эраты нежный друг • Ювеналов бич • Япетовы дети

Добросил ты свой гулкий

табор-стан,
Свой говор златозвонкий,
среброкрылый,
До той черты, где Тихий океан
Заворожил подсолнечные силы.

Ты вскрикнул: «Пушкин!» Вот он,
светлый бог,
Как радуга над нашим водоемом.
Ты в черный час вместишься
в малый вздох.
Но Завтра – встанет!
С молнией и громом!

К. Д. Бальмонт
1924

Слово

Молчат гробницы, мумии и кости, –
Лишь слову жизнь дана:
Из древней тьмы,

на мировом погосте,
Звучат лишь Письмена.
И нет у нас иного достоянья!
Умейте же беречь
Хоть в меру сил, в дни злобы
и страданья,
Наш дар бессмертный – речь.

Иван Бунин
1915

СУДЬБА ОБМЕНУ НЕ ПОДЛЕЖИТ

135 лет со дня рождения Михаила Булгакова

Беседу вела
ВАЛЕРИЯ ГАЛКИНА

Михаил Булгаков в 1928 году

О жизни и творчестве великого писателя мы беседуем с его биографом, ректором Литературного института имени А. М. Горького Алексеем Варламовым.

В своей книге вы назвали Михаила Булгакова одним из самых бесспорных и спорных русских писателей. Почему?

Я думаю, что абсолютная бесспорность Булгакова прозаика и драматурга сомнений ни у кого не вызывает. Сколько бы ни проходило времени и как бы ни менялся мир вокруг нас, он остается превосходным, непревзойденным мастером по наглядности, точности и яркости своего письма, с поразительным умением создавать живые образы и характеры, с завораживающей интонацией, музыкальностью и поэтичностью. А что касается спорности, то в большей степени я имел в виду аудиторию православных, воцерковленных читателей, которых себе представлял, когда писал книгу о Михаиле Булгакове. И тут, конечно, есть о чем поспорить, с чем не согласиться, в чем усомниться. Причем это касается не только «Мастера и Маргариты», но и пьесы «Бег», например. Или другие спорные булгаковские моменты: история с «Батумом», трактовка этой пьесы, мотивы ее написания, как, впрочем, и биография Булгакова в целом, его отношение к Сталину, к «пречистенскому кругу», конфликты с писательским

и театральным сообществом, отношения в семье, использование родственных связей в качестве литературного материала...

Говоря о творческих людях, мы часто говорим об истоках личности, о детстве. Булгаков был одним из немногих классиков, чье начало жизненного пути было очень благополучным. Как это сказалось на его мировоззрении и творчестве?

Я действительно писал в своей только что переизданной биографии Булгакова о его счастливом детстве на самой прекрасной улице в мире, противопоставляя тяжело-му детству большинства русских писателей. Однако быть до конца уверенным в совершенном благополучии этого периода в жизни Булгакова не приходится. Михаил Афанасьевич был, безусловно, очень привязан к своей семье, к братьям и сестрам, к Киеву, в который он был влюблен, но примечательно, что при этом сам он о своем детстве, отрочестве и юности почти ничего не написал. Очевидно, все там было не так безоблачно, как может на первый взгляд показаться. Про его отношения с отцом, профессором Киевской духовной академии Афанасием Ивановичем Булгаковым, мы знаем совсем немного, а с Варварой Михайловной, его мамой, весьма волевой и яркой личностью, у юного Булгакова было много разногласий, которые привели в конце концов к открытому конфликту. По сути, именно этот конфликт и повлиял на ранний отход будущего писателя от церкви и той системы ценностей, в которой он воспитывался. А кроме того, Булгаков не мог простить матери ее второго замужества и не случайно «не взял» ее в роман «Белая гвардия».

«Мастер и Маргарита» сегодня – едва ли не самое читаемое

„НАША БИБЛИОТЕКА“
XVIII

Мих. Булгаковъ

БѢЛАЯ ГВАРДІЯ (Дни Турбиныхъ) РОМАНЪ

Вступительная статья Петра Пильского
Портрет автора работы худ. А. П. Апсита

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЛИТЕРАТУРА“
РИГА, ЦЕРКОВНАЯ УЛ. 4а
1 9 2 7

произведение из русской классики. В чем секрет популярности этого романа? И что он значит лично для вас?

Не могу сказать, что это самое любимое мое произведение Булгакова. Скорее, выбор мой колеблется между «Белой гвардией» и «Театральным романом», который я просто

обожаю как редкую по своей достоверности вещь, написанную не для славы, а для чтения в узком кругу и оттого особенно милую, камерную, искреннюю. Задуманную как месье отвергшему писателя Художественному театру и обернувшуюся признанием в любви к нему. Но, конечно, «Мастер и Маргарита» – это великолепная эпохальная

Дом на Большой Садовой в Москве, в котором с конца 1921 по 1924 год жил М. А. Булгаков

книга, некогда поразившая и продолжающая поражать весь читающий мир. И читатель прав, потому что читатель прав всегда! Булгаков придумал классную историю, связав современность с древностью, смешав сатиру с романтикой, лирику с сарказмом, злость с щедростью, печаль с весельем в таких пропорциях, что никто и не догадался, какая это на самом деле безнадежная, тоскливая история о сокрушительном поражении человека, о слабости добра и силе зла, о Голгофе без Воскресения. Автор замаскировал эту безвыходность, это наркотическое видение Ивана Николаевича Понырева, который лишь после укола морфия видит то, о чем с таким восторгом читаем мы, не догадываясь, в какой тоске и усталости

Михаил Афанасьевич «Мастера и Маргариту» писал. В этой книге, правда, несмотря на видимый смех, очень много невидимых слез. Но, может быть, поэтому она так к себе и притягивает.

Какие произведения Булгакова, на ваш взгляд, оказались в тени «Мастера и Маргариты», не получив должного внимания?

Булгакову в общем-то грех жаловаться на то, что современному читателю что-то принципиально важное о нем неизвестно. Его много издают, переиздают, переводят, экранизируют, инсценируют, изучают. Конечно, меньше известна деятельность Булгакова-либреттиста в Большом театре, не все его пьесы пользуются

одинаковой популярностью, забыто большинство фельетонов, которые он писал для «Гудка», но это, в общем-то, и понятно. А в целом можно сказать так: насколько несчастливой и несправедливой, за редким исключением, была прижизненная судьба Булгакова, настолько же счастливой оказалась судьба его произведений после его смерти. Другое дело, что он это сам видел, знал, предчувствовал и приходил от этого кричащего несоответствия в ярость. Хотел бы обменять материк посмертной славы на кусочки прижизненного признания, да только этого ему не было дано.

Особого разговора заслуживает тема противоречивых взаимоотношений писателя с властью.

Знак, размещенный на Патриарших прудах в Москве

С одной стороны, запрет на публикацию и резкая критика в советской печати, с другой – покровительство Горького и Сталина, несмотря на нескрываемое инакомыслие... Можно ли сказать, что он стал скорее жертвой завистников, чем жертвой режима?

Булгаков считал себя жертвой не Сталина, не ОГПУ, не цензуры, а Судьбы. А еще обвинял в собственных несчастьях своих же героев, что в общем-то было по-своему тоже справедливо. Завистников у него было не так уж много, чтобы считать его исключительно их жертвой. Ну то есть в 20-е годы, когда в Москве с успехом шли три его пьесы, конечно, врагов хватало, и в конце концов благодаря украинским

писателям, которые на встрече со Сталиным в феврале 1929 года потребовали запретить «Дни Турбиных», темные силы своего добились. Но вряд ли из зависти. Во всяком случае, когда двумя месяцами ранее то же самое попытались сделать советские драматурги во главе с Билль-Белоцерковским, назвавшие Булгакова контрреволюционным и белогвардейским автором, Сталин их коллективным доносом пренебрег и сурово ответил: научиться писать, как Булгаков, а потом приставайте ко мне со своими глупостями.

Вообще, сталинское покровительство было весьма недолгим и относительным, а горьковское и того меньше. Алексей Максимович, правда, поспособствовал возобновлению

«Дней Турбиных» в 1932 году, когда украинский вопрос временно потерял свою актуальность, но отказал Булгакову в публикации биографии Мольера, самой его лихорадочной и автобиографической книги, которая значила для нашего героя очень много. Наконец, Горький не поддержал Булгакова в его желании отправиться за границу, как не помог ему здесь и Сталин, и для Михаила Афанасьевича заточение в московской «золотой клетке» было страшным ударом и разочарованием всей его жизни.

Произведения Михаила Булгакова много экранизируют – не только в России, но и за рубежом. Какие фильмы кажутся вам удачными, какие – нет?

Мне кажется, что фильм Владимира Бортко «Мастер и Маргарита» в целом был не таким уж и плохим, как о нем писали. И актеры там хорошие, и операторская работа, и зрелищность. Но это такая уж судьба, каждый считает себя в творчестве Булгакова специалистом, а особенно в трактовке «Мастера».

Пересмотрел я недавно фильм Алова и Наумова «Бег», который некогда был очень популярен, но, кроме сцены, где Ульянов обыгрывает Евстигнеева в карты, да потрясающего Дворжецкого

в роли Хлудова, остальное сегодня смотрится, на мой взгляд, не очень убедительно. Все-таки позавчерашний день. Как, по-моему, кстати, и несколько устарело «Собачье сердце» того же Бортко, хотя, когда этот фильм только вышел, слава у него была огромная и совершенно заслуженная. Но в том, наверное, и заключается разница между литературой и кино, что даже хорошие экранизации ветшают быстрее, чем их оригиналы.

Сериал по «Белой гвардии», снятый несколько лет назад, по-моему, изначально никуда не годился, хотя

сценарий писали очень талантливые люди, и режиссер толковый, и актеры чудесные, а смотреть невозможно. Во всяком случае, фильм Владимира Басова был куда лучше. Очень интересная картина Алексея Балабанова «Морфий», хотя, конечно, сильно извращающая идею «Записок юного врача», книги торжествующей, светлой, но талант Балабанова свое дело сделал. А вот что касается работы в кино не устаревающей, то я бы назвал фильм Анджее Вайды «Пилат и другие». Вот настоящая классика, хоть и снятая для телевидения.

ДРУГАЯ ДРАМА

В Молодежном театре на Фонтанке (Санкт-Петербург) с успехом идет пьеса Михаила Булгакова «Кабала святош»

Художественный руководитель театра Семен Спивак отказался от традиционной трактовки знаменитой пьесы Михаила Булгакова как конфликта художника с властью и посвятил свой спектакль жизнеутверждающей силе театра.

Нет-нет, разговор не о взаимоотношениях художника и власти. Они-то как раз вполне предсказуемы: при любом строе, любой экономической и политической системе власть из всех сил стремится, во-первых, дать художнику меньше, чем он того заслуживает, а во-вторых, при первой же возможности отобрать назад свои милости.

В спектакле Спивака Людовик XIV (Андрей Шимко) предстает не в королевском одеянии XVIII столетия, а в элегантном спортивном костюме и надетой поверх него «кольчугой» фехтовальщика — ни дать ни взять бизнесмена высшего эшелона. И свита... что в кружевах и атласе, что

в офисной униформе: холуй — он и есть холуй!

Вообще, надо отдать должное изящной иронии, с какой София Зограбян одела персонажей спектакля. Придуманные ею костюмы самоигральны в самом высоком значении этого слова. Дельартовское буйство красок в нарядах актеров труппы господина де Мольера, хтоническая серость облачений служителей Кабалы, слепящая белизна «хьюгобоссовских» одежда короля. Визуальный ряд спектакля — не «иллюстрация» режиссерских решений, но своего рода параллельная драматургия. Сценография Степана Зограбяна решена как конкуренция спусков и подъемов, избежать которых не дано ни одному смертному.

Жан-Батист продолжает творить даже тогда, когда все его мечты и надежды летят в тартарары. Сергей Барковский виртуозно справляется с поставленной перед ним задачей:

явить зрителю главный талант своего героя — любовь к жизни. Этой любовью пронизано все, что он делает, озарены все, кто его окружает. Она многогранна и многолика — не зря же древние разделяли любовь на целых семь подвигов.

Агапе руководит Мольером в отношении к Мадлене Бежар (Светлана Строгова) — угасшая любовь человеческая переплавилась в неугасимое профессиональное братство. Эрос правит его страстью к Арманде Бежар (Анастасия Тюнина) — юному источнику его поседевшего вдохновения. Сторге осеняет отношение к труппе — единственной настоящей семье. Людус заставляет комедианта вести фатальный поединок с королем и принять смертельный вызов от неукротимого маркиза д'Орсиньи (Алексей Одинг). Фила позволяет простить предавшего его Муаррона (Сергей Яценюк). Ну а театр для Мольера давно уже

Спектакль «Кабала святош» на сцене Молодежного театра на Фонтанке. Санкт-Петербург. 2026

стал манией — божественным безумием, которому он жертвенно служит до последнего своего вздоха. Но дело, конечно, не в том, какая любовь за что отвечает в жизни Мольера, а в том, что для него эта жизнь сама по себе и есть любовь. К жизни. Во всех ее проявлениях.

Спивак не пытается предъявить обвинение несовершенному мирозданию и его еще более несовершенно обитателям: люди как люди, обыкновенные, и милосердие иногда стучится в их сердца...

Актеры становятся адвокатами своих персонажей. Людовик-Шимко не может поставить под удар репутацию королевской власти: ему по-человечески Мольер очень симпатичен, но брак-то его, как ни крути, незаконен, пусть и не по его вине. Архиепископ Шаррон (Роман Нечаев) не может не блюсти честь мундира,

сиречь сутаны, так что странно было бы от него ожидать восторгов по адресу обличительной остроты мольеровского «Тартюфа». И д'Орсиньи-Одинг не может не схватиться за шпагу при одной только мысли что его, потомка знатного рода, какой-то фигляр вывел в своей комедии — ведь, по сути, кроме фамильной гордости у него и нет ничего. Но, пожалуй, самое точное попадание — это самонадеянный красавец Муаррон: такое впечатление, что Сергей Яценюк подсмотрел своего героя в каком-нибудь ночном клубе.

Но давайте будем честны до конца — сам Жан-Батист тоже не безгрешен. Фактически кара, настигшая Мольера, это плата за две искореженные жизни — Мадлены, которая, как любая женщина хотела семейного счастья (когда она говорит, что преданную собаку

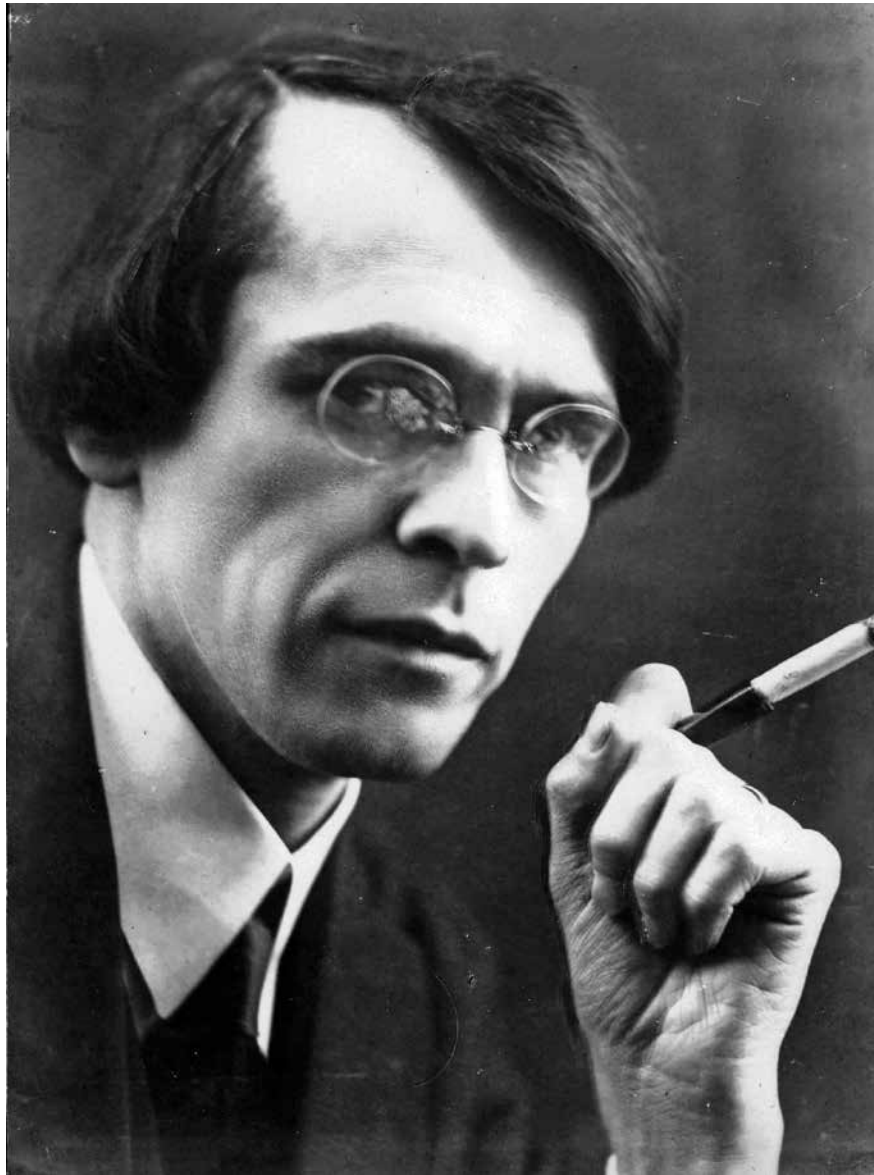
нельзя выгнать на улицу, сердце замирает), и Арманды, выросшей без отца.

Да, Мольеру приходится вести сражение «с целым морем бед». Но режиссера волнует прежде всего не исход битвы (он, в общем-то предрешен), а то, как Жан-Батист ведет сражение. Мольера могут оставить силы, может ненадолго дать слабину достоинство, но вера в то, что жить стоит, его не покидает никогда. Он и умирает в спектакле не перед глазами публики: что происходит на сцене Пале-Рояля мы так и не увидим. Зато увидим, как «воскресший» мэтр собирает своих артистов, чтобы вывести на финальные поклоны — театр существует до тех пор, пока в нем есть зрители. Он же для них и придуман.

Виктория Пешкова

«ВСЕМУ ЖИВУЩЕМУ ИДТИ ПУТЕМ ЗЕРНА...»

Владимир Набоков о Владиславе Ходасевиче (эссе, 1939)

Владислав Ходасевич. Фотография П. Шумова.
Париж. 1920-е — начало 1930-х годов

Крупнейший поэт нашего времени, литературный потомок Пушкина по тютчевской линии, он останется гордостью русской

поэзии, пока жива последняя память о ней.

Его дар тем более разителен, что полностью развит в годы отупения

нашей словесности, когда революция аккуратно разделила поэтов на штат штатных оптимистов и заштатных пессимистов, на тамошних здоровяков и здешних ипохондриков, причем получился разительный парадокс: внутри России действует внешний заказ, вне России — внутренний. Правительственная воля, беспрекословно требующая ласково-литературного внимания к трактору или парашюту, к красноармейцу или полярнику, т.е. некой внешности мира, значительно могущественнее, конечно, наставления здешнего, обращенного к миру внутреннему, едва ощутимого для слабых, презираемого сильными, побуждавшего в двадцатых годах к рифмованной тоске по ростральной колонне, а ныне дошедшего до религиозных забот, не всегда глубоких, не всегда искренних.

Искусство, подлинное искусство, цель которого лежит напротив его источника, то есть в местах возвышенных и необитаемых, а отнюдь не в густонаселенной области душевных излияний, выродилось у нас, увы, в лечебную лирику. И хоть понятно, что личное отчаяние невольно ищет общего пути для своего облегчения, поэзия тут ни при чем, схема или Сена компетентнее.

Общий путь, какой бы он ни был, в смысле искусства плох именно потому, что он общий. Но, если в пределах России мудро себе представить поэта, отказывающегося гнуть выю, т.е. достаточно безрассудного, чтобы ставить свободу музыки выше собственной, то в России запредельной легче, казалось бы,

найтись смельчакам, чуждающимся какой-либо общности поэтических интересов, — этого своеобразного коммунизма душ. В России и талант не спасает; в изгнании спасает только талант.

Как бы ни были тяжелы последние годы Ходасевича, как бы его ни томила наша бездарная эмигрантская судьба, как бы старинное, добротное человеческое равнодушие ни содействовало его человеческому угасанию, Ходасевич для России спасен — да и сам он готов признать, сквозь желчь и шипящую шутку, сквозь холод и мрак наставших дней, что положение он занимает особое: счастливое одиночество недоступной другим высоты. Тут нет у меня намерения кого-либо задеть кадиллом: кое-кто из поэтов здешнего поколения еще в пути и — как знать — дойдет до вершин искусства, коль не загубит себя в том второсортном Париже, который плывет с легким креном в зеркалах кабаков, не сливаясь никак с Парижем французским, неподвижным и непроницаемым.

Ощущая как бы в пальцах свое разветвляющееся влияние на поэзию, создаваемую за рубежом, Ходасевич чувствовал и некоторую ответственность за нее: ее судьбой он бывал более раздражен, нежели опечален. Дешевая унылость казалась ему скорей пародией, нежели отголоском его «Европейской ночи», где горечь, гнев, ангелы, зияние гласных — все настоящее, единственное, ничем не связанное с теми дежурными настроениями, которые замутили стихи многих его полуучеников.

Говорить о «мастерстве» Ходасевича бессмысленно и даже кощунственно по отношению к поэзии вообще, к его стихам в резкой частности; понятие «мастерство», само собой рожая свои кавычки, обращаясь в придаток, в тень, и требуя логической компенсации в виде любой положительной

величины, легко доводит нас до того особого душевного отношения к поэзии, при котором от нее самой, в конце концов, остается лишь мокрое от слез место. И не потому это грешно, что самые *purs sanglots* (франц. истинные, настоящие) все же нуждаются в совершенном знании правил стихосложения, языка, равновесия слов; и смешно это не потому, что поэт, намекающий в стихах неряшливых на ничтожество искусства перед человеческим страданием, занимается жеманным притворством, вроде того, как если бы гробовых дел мастер сетовал на скоротечность земной жизни; размолвка в сознании между выделкой и вещью потому так смешна и грязна, что она подрывает самую сущность того, что, как его ни зови — «искусство», «поэзия», «прекрасное», — в действительности неотделимо от всех своих таинственно необходимых свойств.

Другими словами, стихотворение совершенное (а таких в русской литературе наберется не менее трехсот) можно так поворачивать, чтобы читателю представалась только его идея, или только чувство, или только картина, или только звук — мало ли что еще можно найти от «инструментовки» до «отображения», — но все это лишь произвольно выбранные грани целого, ни одна из которых, в сущности, не стояла бы нашего внимания и, уж конечно, не вызвала бы никакого волнения, кроме разве косвенного: напомнила какое-то другое «целое» — чей-нибудь голос, комнату, ночь, — не обладай все стихотворение той сияющей самостоятельностью, в применении к которой определение «мастерство» звучит столь же оскорбительно, как «подкупающая искренность».

Сказанное — далеко не новость, но хочется это повторить по поводу Ходасевича.

В сравнении с приблизительными стихами (т.е. прекрасными именно своей приблизительностью — как бывают прекрасны близорукие глаза — и добивающимися ее также способом точного отбора, какой бы сошел при других, более красочных обстоятельствах стиха за «мастерство») поэзия Ходасевича кажется иному читателю не в меру чеканной — употребляю умышленно этот неаппетитный эпитет. Но все дело в том, что ни в каком определении «формы» его стихи не нуждаются, и это относится ко всякой подлинной поэзии.

Мне самому дико, что в этой статье, в этом быстром перечне мыслей, смертью Ходасевича возбужденных, я как бы подразумеваю смутную его непризнанность и смутно полемизирую с призраками, могущими оспаривать очарование и значение его поэтического гения. Слава, признание — все это и само по себе довольно неверный по формам феномен, для которого лишь смерть находит правильную перспективу. Допускаю, что немало наберется людей, которые, с любопытством читая очередную критическую статью в «Возрождении» (а критические высказывания Ходасевича, при всей их умной стройности, были ниже его поэзии, были как-то лишены ее биения и обаяния), попросту не знали, что Ходасевич — поэт. Найдутся, вероятно, и такие, которых на первых порах озадачит его посмертная слава. Кроме всего, он последнее время не печатал стихи, а читатель забывчив, да и критика наша, взволнованно занимающаяся незастаивающейся современностью, не имеет ни досуга, ни слов о важном напоминать.

Как бы то ни было, теперь все кончено: завещанное сокровище стоит на полке, у будущего на виду, а добытчик ушел туда, откуда, быть может, кое-что долетает

СОВЕСТЬ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

215 лет со дня рождения Виссариона Белинского

ВЯЧЕСЛАВ МИЛЯЕВ

Виссарион Григорьевич Белинский – великий русский литературный критик, теоретик реализма, публицист, борец за справедливость, за честность письма от короткой строчки до большого произведения...

Родился будущий классик 11 июня 1811 года в крепости Свеаборг Великого княжества Финляндского в Российской империи. Учился в уездном городке Чембар Пензенской губернии (ныне город Белинский), в возрасте 14 лет перешел в Пензенскую губернскую гимназию, а в августе 1829 года был зачислен в студенты Московского университета. При поступлении в университет изменил свою фамилию с Бельнский на Белинский, как более благозвучную.

В университете студенты объединялись в кружки. У Виссариона появились друзья – Герцен, Огарев, Станкевич, Кетчер и др. Они жили философией Гегеля, возбужденные новизной его идей. Очевидно, именно тогда Белинский впервые отметил прогрессивную роль молодежи, ее способность изменить общество к лучшему.

Одной из сильных черт творчества Белинского было страстное стремление к истине. Личные убеждения формировались на пути

Портрет Виссариона Белинского работы Кирилла Горбунова. 1843

к познанию и поиску правды, он активно боролся с несправедливостью, ратовал за идеи свободы личности, вдохновлял молодых писателей, был их наставником.

По инициативе Белинского в журналах «Отечественные записки» и «Современник» объединились писатели, разделявшие идеи «натуральной школы». По сути, это был первый этап русского критического

реализма, главные принципы которого – отказ от идеализации жизни, интерес к «маленькому человеку» и правдивое изображение реальности («Шинель» Н. В. Гоголя, «Бедные люди» Ф. М. Достоевского).

В статье «О русской повести и повестях г. Гоголя» (1835) Белинский пишет: «Отличительный характер повестей г. Гоголя составляют простота вымысла, народность, совершенная истина жизни, оригинальность и комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния. Причина всех этих качеств заключается в одном источнике: г. Гоголь – поэт, поэт жизни действительной».

Критик считал, что именно с появлением повестей Гоголя русская литература стала правдивым зеркалом окружающей действительности.

Александра Пушкина Белинский называл «величайшим национальным поэтом», основоположником новой русской литературы и «первым поэтом-художником» в России. В цикле статей «Сочинения Александра Пушкина» (1843–1846) критик представил детальный разбор его главных произведений.

«Энциклопедией русской жизни» называл он роман «Евгений

Онегин», подчеркивая точность, с которой автор изобразил русское общество. По его словам, эта поэма стала «актом сознания для русского общества, почти первым, но зато каким великим шагом вперед для него! Этот шаг был богатырским размахом, и после него стояние на одном месте сделалось уже невозможным».

Высоко ценил Белинский и то, что Пушкин освободил язык поэзии от искусственного классицизма, сделав его естественным и гармоничным.

Из произведений Ивана Сергеевича Тургенева Белинский выделял поэму «Помещик», где автору особенно удалось изображение помещичьего общества, и «Записки охотника» с их критикой крепостного общества.

В своей последней программной статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Белинский подвел итоги развития «натуральной школы» и обозначил главные принципы реализма: «верность характеру героя», «смысл и идейность», «современность». От авторов он требовал реалистичного изображения жизни, протестовал против изломов и фальши, оторванности от насущных проблем общества. Белинский считал, что литература должна служить общественным интересам, освещать социальные проблемы и способствовать прогрессу.

Статьи и критика Белинского будоражили умы его современников, формировали новые литературные взгляды, заставляли задуматься о необходимости перемен в обществе. Однако николаевская цензура становилась все жестче. Белинский для власти был личностью нежелательной.

В июле 1847 года Белинский написал открытое письмо Гоголю, которое расходилось по России в списках и легально было опубликовано лишь после революции 1905 года.

Письмо затрагивало вопросы отмены крепостного права, ограничения самодержавия, социального спасения и развития литературного творчества. Он писал: «России нужны не проповеди, а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, права и законы, сообразные не с учением церкви, а со здравым смыслом и справедливостью, и строгое, по возможности, их выполнение...»

Белинский умер от чахотки 7 июня 1848 года, не дожив нескольких дней до 37 лет.

«Совесть русской интеллигенции» – так называли Белинского современники. Великий критик не забыт, его имя носят улицы, площади, библиотеки и учебные заведения. В 1938 году в городе Чембар был открыт литературно-мемориальный музей, посвященный выдающемуся литературному и театральному критику. Пензенский городской парк (один из старейших в России) уже много лет носит имя Белинского, а в центре города установлен прекрасный памятник Белинскому: кажется, будто он читает нам свою очередную статью.

Памятник Виссариону Белинскому, установленный в Пензе (Россия)

ФЕДОР ШАЛЯПИН И РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ ВО ФРАНЦИИ

*Мы продолжаем знакомить читателей с фрагментами из книги Елены Лебедевой.
Начало читайте в №171/01–02 и 172/03–04*

Правнучки Шаляпина Анна (слева) и Салли в Музее-квартире Ф.И. Шаляпина в Санкт-Петербурге

В Санкт-Петербурге в 2020 году. Визит правнучек Шаляпина

Спустя почти 100 лет после отъезда Федора Ивановича Шаляпина с его второй семьей из России за границу в конце июня 1922 года в Санкт-Петербург приезжали две правнучки певца. Они посетили Музей-квартиру Шаляпина на Петроградской

стороне на улице Графтио. В начале XX века эта улица называлась Пермской. В этой квартире Шаляпин жил со своей второй семьей с 1915 по 1922 год. С 1975 года квартира стала музеем Шаляпина.

Визит сестер Анны и Салли Райт в город на Неве проходил в начале апреля. Правнучки певца – внучки его старшей дочери Марфы Федоровны (1910–2003) от второго брака с Марией Валентиновной

Петцольд (1882–1964). Анна и Салли родились в Англии у дочери Марфы Федоровны – Наташи Фиерфилд (р. 1930), рожденной в первом браке с Даниэлем Гарднером (1906–1983). Мать Даниэля Гарднера – Евгения Гарднер (1880–1972) была русской эмигранткой из Минска. До брака она носила фамилию Беловецкая.

Салли родилась в Лондоне в 1956 году. Долгое время она жила и работала в Австралии. Сейчас

она живет в Англии и работает в муниципальном Центре защиты детей в Дорсете. Графство Дорсет расположено в регионе Южная Англия в 200-х километрах от Лондона на побережье пролива Ла-Манш. Для Салли это первый визит в Россию. Но, по ее признанию, живя в Англии, она сочиняла романтические истории о нашей стране и записывала их. По-русски она не говорит, но знает несколько русских песен. Одна из ее любимых песен – «Катюша».

Анна родилась в 1960 году в Молдоне (город в Восточной Англии в 70 км от Лондона). С 1981 года она живет во Франции. Сначала она жила в Париже, где работала в нескольких крупных компаниях, позже переехала в маленький поселок в департаменте Луары и Шер. Департамент расположен в долине Луары, где много старинных замков. Его административный центр Блуа находится в 180 км к юго-западу от Парижа. Анна занимается дизайном интерьеров. Анна, как и Салли, по-русски не говорит. Это ее второй визит в Россию. В первый раз она приезжала вместе с матерью в 1974 году. Ей тогда было 14 лет. Но она сказала, что почти ничего не помнит об этой поездке.

Анна и Салли передали фотографии из архива семьи в музей Шаляпина в Санкт-Петербурге. Среди них были фотографии, снятые в Америке. На них изображены дочери от первого брака певца Ирина (1900–1978) и Лидия (1901–1975) и дочь от второго брака Марфа. «Все они общались и дружили», – рассказала Салли. На другой фотографии изображен Шаляпин, занимающийся лепкой.

Правнучки провели в Санкт-Петербурге неделю. В их планах было посетить Эрмитаж и другие основные достопримечательности города, съездить в Царское село и Петергоф, посмотреть балет «Жизель» в Мариинском театре.

Анна (слева) и Салли в Музее-квартире Ф.И. Шаляпина в Санкт-Петербурге

Они очень хотели посмотреть и оперы, партии в которых исполнял когда-то их прадед. Но в афише опер не было. Все остальные намеченные планы были выполнены.

Анна и Салли рассказали, что они любят искусство. Однако известных артистов и певцов сейчас среди потомков Шаляпина в их семье нет. Русское происхождение в них сказывается в темпераменте, который, по мнению Анны, невозможно скрыть. В семье сохраняются традиции, связанные с Федором Ивановичем – от любви к хорошей музыке до блюд русской кухни.

Почти за полувековое существование музея его не раз посещали потомки Шаляпина. В 1975 году на открытии музея присутствовала Ирина – старшая дочь Шаляпина от первого брака. Она приехала на это торжественное событие из Москвы. Однако она очень враждебно отнеслась к памяти второй жены певца Марии Валентиновны, хозяйки квартиры. Ирина не могла простить ей, что она увела отца из его первой семьи.

Осенью 1984 года после перезахоронения праха певца в Москве в музей приезжали дочери певца от второго брака: из Ливерпуля – Марфа Федоровна вместе с дочерью

Катей (р. 1950), внучкой Шаляпина; из Рима – Марина (1912–2009). Вместе с ними приезжала из Парижа и падчерица Шаляпина Стелла (1904–1998). Об их посещении музея рассказывается в фильме режиссера Александра Сокурова (р. 1951) «Петербургская элегия» (1990 г.).

Пару раз приезжала в музей правнучка певца Дася (р. 1970), живущая в США, в Чикаго. Она внучка самой младшей дочери певца Даси (1921–1977). Правнучка Дася проходила стажировку в Москве в начале 1990-х годов. Сейчас она иногда приезжает в Москву в командировки. Она единственный потомок Шаляпина, который прекрасно говорит и пишет по-русски и использует эти знания в работе.

Дочь Шаляпина Марина приезжала из Рима в Москву и Санкт-Петербург в 1996 году вместе со своей дочерью Анжелой (1942–2022) и зятем Маурицио Монтефорте. Однако музей был тогда закрыт на капитальный ремонт. Им показали памятные места, связанные с именем Шаляпина в городе.

В 1998 году после длительного ремонта в течение семи лет состоялось торжественное открытие музея. Отмечалось 125-летие Шаляпина. На открытие приезжала из Стокгольма

Дом 2-Б в Санкт-Петербурге на улице Графтио (бывшая Пермская), в котором Ф. И. Шаляпин прожил с 1915 по 1922 год и откуда навсегда уехал за границу

внучка певца Наташа Фиерфилд (мать Марии и Салли, о которых я рассказывала выше). Среди иностранных гостей был коллекционер и меценат из Лихтенштейна барон Эдуард фон Фальц-Фейн (1913–2018). Он привез

в подарок чемоданчик с вещами Шаляпина и альбом фотографий. Эти реликвии были куплены им после смерти сына певца Федора (1905–1992) в Риме у знакомой сына. Эдуард фон Фальц-Фейн оказывал большое

внимание внучке Шаляпина Наташе, беседуя с ней по-английски в дни пребывания в Санкт-Петербурге.

Музей принимал у себя потомков великого певца, которые интересуются его жизнью и творчеством. Завязывались дружеские отношения. И если в 1970-е и 1980-е годы это были дочери певца, то в 1990-е годы это были внучки. В 2000-е и 2020-е годы приезжают уже правнуки Шаляпина.

* * *

В музее Шаляпина на улице Графтио, открытом более 45 лет назад, показан уголок гримерной комнаты певца в Мариинском театре и основные интерьеры квартиры его семьи – большая и малая гостиные, столовая, спальня и прихожая. В экспозиции можно увидеть письма, фотографии, личные вещи Шаляпина и коллекционное оружие, которое подарил ему Максим Горький (1868–1936), а также многочисленные афиши, программы, театральные костюмы и эскизы декораций к спектаклям Шаляпина.

В музее представлен известный портрет Шаляпина, выполненный Борисом Кустодиевым (1878–1927) в 1921 году. Артист увез его с собой за границу, и портрет висел у него сначала в парижской квартире, а затем на вилле «Ля Шансон» в Жанври. После продажи виллы портрет вернулся в парижскую квартиру.

В начале 1960-х годов вдова Шаляпина Мария Валентиновна продала дом в Париже и переехала в Рим к дочери Марине. Портрет находился у нее в Италии. В 1968 году, когда уже умерла вдова Шаляпина, дочери певца Марфа и Марина передали картину в дар Театральному музею в Ленинграде. Она была в плохом состоянии, и ее пришлось серьезно реставрировать.

Продолжение следует

Портрет Федора Шаляпина кисти Бориса Кустодиева. 1922

В ДЕРЕВНЮ, К ТЕТКЕ, В ГЛУШЬ, В САРАТОВ!

Продолжение. Начало читайте в №171/01–02

В ДРУГОМ ГОРОДЕ
Александра Жадан

Листопад

У меня ничего не осталось.
И будить уже, стало быть, нечего.
Что-то где-то под сердцем сломалось,
И исчезла тупая доверчивость.

Как-то душно с тобою нам стало.
Давит грустно-красивая осень.
Ты пойми, нас совсем не стало,
Мы же выцвели, словно проседь.

Заметет все зима чисто-белая,
Усытит. Мир живой станет тихим.
Я останусь такой же несмелою,
Ты же – холодом...
ветром... вихрем...

В другом городе

Ветер сильный.
Душу рвет – в клочья.
Но с настроем большой оптимистки
Я уеду сегодня же. Ночью.
Не оставив прощальной записки.
И прибуду в пустой электричке
В неизвестный истрепанный город,
Где такие же в точности спички...
И проезд непростительно дорог...
Где такие же грешные души
Входят в храм и звенят
там монетой.
Те, кто мельче и попростодушней,
Ищут здесь же прощенья, совета.
Ветер стих. Вижу, с рейсом последним
Он приехал. Стоит на вокзале.
Скажем все этим вечером летним,
Что друг другу мы недосказали.

Антураж

Я тебе посвящала стихи,
Я тебе посвящала жизнь.
С каждой новой моей строки
Буквы тихо шептали: «Держись».
Слово к слову стояли в ряд,
Выражая мой гнев и пыл.
По сей день так они стоят,
Как надгробия у могил.
Можно сжечь всю мою тетрадь,
И вообще, к черту сжечь тираж.
Но из памяти не убрать
Нарисованный антураж.

Подруге

Помнишь, вместе на кухне сидели?
На столе остывал крепкий чай.
Было время, когда средь недели
Не давали друг другу скучать.
Вместе с пары, и вместе на пары
По холодным трамвайным путям...
Ведь с тобою подруги не даром...
А теперь мы сидим лишь в сетях.
Далеко ты. В сети вроде близко.
И никак не столкнет нас Земля.
По щербатому старому диску
Наберу номерок «до тебя».
Помнишь, вместе с тобою сидели,
Остывал в кружках крепкий наш чай.
А пошлю-ка тебе средь недели
Пачку чая! На почте встречай!

Встреча

Вновь пришел заснеженный ноябрь –
Нашей долгой жизни круговерть.
Нам с тобою раз всего хотя бы
Посмотреть глаза в глаза успеть.
Нам бы ощутить тепло друг друга
В дымке отрывных календарей.
Пусть тебе я буду лишь подруга,
Но с тобою стали мы родней.
Наша встреча вовсе не случайна.
Мы о ней условились. И вот...
Я мешаю кофе ложкой чайной,
Растворив на дне поток забот.
Пусть тебе я буду лишь подруга.
Стали просто опытно родней.
Мы условно живы друг без друга,
Потому что мы страстей сильнее.

ТАЙНЫ ГОРОДА С.
Станислав Орленко

Список классиков, упоминавших
Саратов в своих произведениях,
велик. И серьезные труды местных
краеведов на эту тему имеются.
Какие же образы вызывали даже
мимолетные упоминания волж-
ского города в головах россиян
разных эпох?

Грибоедов припечатал...

Самые неначитанные саратовцы
непрерывно вспомнят перл Фаму-
сова из комедии «Горе от ума»:
«В деревню, к тетке, в глушь, в Са-
ратов, там будешь горе горевать»,
который дал название и этому
сборнику. Московский вельможа
собирается отправить непослуш-
ную дочь в тот край, куда в XIX веке
сылали сначала пленных из напо-
леоновской армии – европейцев
«двунадесяти языков», потом
участников бесчисленных польских
восстаний, а заодно и всех неблаго-
надежных разных национальностей
и вероисповеданий. Тогда за Сред-
ним и Нижним Поволжьем закрепи-
лась слава «европейской Сибири».

Первое же известное упомина-
ние Саратова в классике (комедию
Грибоедов написал в 1822 году, на-
печатана в 1833-м), похоже, и опре-
делило дальнейший имидж города
на страницах литературных произ-
ведений. Место ссылки, но ссылки
мягкой – не Сибирь, не Сахалин,
куда сылали отъявленных и совсем
пропащих, а окраина цивилизован-
ного «русского мира», где снару-
жи «глушь», а под ее покровом –
вольномудство, мечты, порывы, как
высокие, так и низкие. Город в по-
граничном состоянии во всех смыс-
лах – между Европой и Азией, меж-
ду столицей и захолустьем, между
реальностью и фантастикой.

Здесь можно вспомнить фразу
из черновых набросков Михаила

Лермонтова к «Герою нашего вре-
мени»: «Кто из людей, начиная
жизнь, не думал кончить ее как
Александр Великий, а между тем
претихо умирал от... в Саратовской
губернии...»

Тропами Хлестакова
и Бендера

Великий Николай Гоголь навечно
прописал в Саратовской губернии
повесу Хлестакова, которого сво-
ра уездных жуликов-чиновников
во главе с городничим приняла
за ревизора из Петербурга. Ука-
зав его адрес в письме к приятелю
Тряпичкину: «Пиши ко мне в Са-
ратовскую губернию, а оттуда
в деревню Подкабиловку», – автор
«Ревизора» закрепил за нашими
краями славу земли, где плутовство
определяет сознание. Конечно,
эту версию поддерживают не все
из знатоков истории и литературы,
но само ее рождение очень пока-
зательно. Для «детей лейтенанта
Шмидта» – советских аферистов
середины 1920-х годов – «золотой
Арбатковский участок, примыкав-
ший к Республике немцев», стано-
вится мечтой. Именно здесь кривые
стежки судьбы сводят квартет жули-
ков: Бендера, Балаганова, Паников-
ского и Козлевича.

Босяки Гиляровского
и проститутки Куприна

«Далеко за городом, под Лысой
горой, были пустыри оврагов, на-
селенных летом галаховцами, пере-
кочевывшими из ночлежного дома
Галахова на эту свою летнюю дачу.
Здесь целый день кипела игра в ор-
лянку. Пьянство, скандалы, драки.
Играли и эти оборванцы, и бурлаки,
и грузики, а по воскресеньям шли
толпами разные служащие из города
и обитатели «Тараканьих выползков»,
этой бедняцкой окраины города».

Это отрывок из «Моих скитаний» Владимира Гиляровского, знаменитого «дяди Гиляя», знатока русского босячества, хитровских воров и саратовских «галаховцев». Король московских репортеров очень любил Саратов, не один раз в нем бывал и описал самые яркие впечатления от него.

*Бывало, захожу в «Саратов»,
Швейцар бежит ко мне стрелой,
Теперь же гонят все по шее,
На икалик дай мне, братец мой!*

А это «дряблой фистулой» поет Ванька-Встанька, бывший землемер и бывший человек, кормящийся в качестве шута и паяца при публичном доме в повести Александра Kupрина «Яма». Злачное место, описанное в ней, находится не на Волге, а «на дальней окраине большого южного города», да и поется не о городе, а о старейшем московском трактире «Саратов», весьма приличном заведении. Еще одно упоминание в весьма характерном контексте.

«Живой труп» на «Пароходе “Саратов”»

Для полноты картины остается вспомнить пьесу Льва Толстого «Живой труп», рассказывающую о губительной силе пороков. Там возникает тема шантажа – и герои, чтобы не быть опороченными, вынуждены переводить деньги на подставное лицо в провинцию. Куда именно? Да в Саратов, конечно же! Где же еще укрываться шантажистам?

Ну и незабываемый «Пароход “Саратов”» из знаменитого цикла нобелевского лауреата Ивана Бунина «Темные аллеи». Блестящий кавалерийский офицер, сраженный изменой своей кокотки-содержанки, убивает ее, совсем как

в мелодраме, и попадает на каторгу. Везут его туда через Индийский океан пароходом Добровольческого флота «Саратов» в компании таких же, как он, «голых арестантов с наполовину выбритыми страшными головами, в штанах из белой пакусины, с кольцами кандалов на щиколотках босых ног». При чем тут Саратов? Во-первых, такой пароход был на самом деле, во-вторых, можно увидеть в названии мгновенный переход от пресловутой «красивой жизни» с гусарскими замашками к грубой, низменной прозе, из которой уже никогда не вырваться.

В Саратове, на афише, вот такими буквами...

Стоит отметить, что в классике есть страницы, где город приводит-ся в пример.

«Я же мировой аттракцион. Меня же в Саратове на афише вот такими буквами печатали. (Показывает, какими буквами его печатали в Саратове.) “Неустрасимый капитан Язычников и его говорящая собака Брунгильда”. <...> Зачем же обижать собачку? Ее саратовская общественность на руках носила. Разве станет саратовская общественность простого барбоса на руках носить?»

Это говорит цирковой артист в пьесе Ильи Ильфа и Евгения Петрова «Под куполом цирка». Кстати, уместно вспомнить, что Саратов воспринимался не только как город воров, мошенников и босяков, но и как пристанище артистов – цирковых и театральных. Сам Гиляровский на нашей сцене играл. Выдающийся драматург Александр Островский в письмах и записях вспоминает театральную жизнь Саратова.

И рассказ Антона Чехова «Невидимые миру слезы» начинается тирадой воинского начальника Рибротесова: «В хороших городах,

в Саратове, например, в клубах всегда ужин получить можно, а у нас, в нашем вонючем Червянке, кроме водки да чая с мухами, ни белмеса не получишь».

Так что у «сливок» – чиновных и богемных – российской провинции Саратов был на очень даже неплохом счету.

То ли Глупов, то ли...

А сам Александр Сергеевич Пушкин в «Истории Пугачевского бунта» описывал трагические события в Саратове, и Лермонтов в неоконченном романе «Вадим» называет Саратовскую губернию тоже в связи с жестокостью бунтовщиков, что много написано о раскольниках-старообрядцах, укрывавшихся в скитах на берегах Волги и в завожских степях. И романы Алексея Толстого, где Волга близ Саратова выглядит пустынной, как в те времена, когда к ней подходила конница Чингисхана. Да мало ли что еще.

Саратов в классической русской литературе выглядит местом, с одной стороны, абсолютно типичным для провинции, почти нарицательным, с другой – территорией, где происходят фантастические вещи.

Как в рассказе Александра Kupрина «Люция», начинающегося портретом цирковой дрессировщицы Зениды, у которой «не то в Пензе, не то в Саратове, вырвался <...> из клетки во время представления лев». Все в ужасе и панике, но «отчаянный помещик этой губернии Ознобишин, наездник, охотник, бретер, выскочил на манеж – он единственный не потерялся в этой суматохе и безумии толпы – и очень смело открыл против морды зверя дождевой зонт». Лев растерялся и вернулся в клетку.

Финал же рассказа выглядит так: «Чрез несколько месяцев я услышал, что тигрица Люция разтерзала Зениду не то в Саратове,

не то в Самаре. Впрочем, так почти все укротители и укротительницы оканчивают свою жизнь».

А вот что писал Михаил Салтыков-Щедрин, отвечая на вопрос, какой город он описал в «Истории одного города»: «Очень наивные и очень невинные люди утверждают, что я под Глуповым разумею именно Пензу, Саратов или Рязань... Во избежание дальнейших недоразумений я вынужден громогласно объявить следующее: Глупов есть Глупов; это большое населенное место, которого аборигены именуются глуповцами».

Точнее не скажешь – если подумали, что про саратовцев, так это про всех.

Затерянный след классики

Остается добавить, что на карте Саратова самое большое место из писателей отдано Чернышевскому и Горькому, гораздо меньшее – Пушкину, Лермонтову, Гоголю и Чехову. А вот Грибоедову, Островскому, Гиляровскому и обоим Толстым – Льву и Алексею – ни одного переулочка пока не досталось. А ведь первый из них проезжал через Саратов, направляясь на Кавказ, второй и вовсе земляк. Нет следа и Достоевского, родственники которого здесь проживали. Про Kupрина, Бунина, Ильфа и говорить нечего...

ФЕДОР ШЕХТЕЛЬ. ГЕНИЙ БЕЗ ДИПЛОМА*

Русский модерн стал одним из самых ярких явлений мировой архитектуры. И Федору Шехтелю он обязан этим как никому другому.

Предки выдающегося архитектора переселились в Россию из Баварии (по другим сведениям – из Швабии) во времена Екатерины Великой и обосновались в колонии Шукк в 90 верстах от Саратова, неподалеку от тракта, соединявшего его с Астраханью.

Сегодня на этом месте волнуются травы, и только зоркий глаз может определить линии улиц и следы фундаментов некогда процветавшего селения.

Из Шукка в Саратов Шехтели перебрались в начале 1820-х годов, поселившись на одной из главных купеческих улиц города – Московской. Торговлю держали разнообразную: золотые и серебряные изделия, вино, табак и многое другое. Собственные магазины, гостиница, ткацкая фабрика, крахмальный завод, доходные дома. Осип Шехтель, дед будущего зодчего, был в городе уважаемым человеком. Семейное дело «в нераздельном капитале» унаследовали пятеро его сыновей: Франц, Антон, Иван, Алоиз и Иосиф. Троим средним судьба отпустила недолгий век. Старший, Франц, не только отлично справлялся с торговыми делами, но и был одним из основателей первого в Саратове купеческого литературно-музыкального общества.

Младшего, Иосифа (Осипа), в свое время отправили в Петербург учиться в Технологическом институте. Там он встретил свою судьбу – Розалию Доротею (Дарью Карловну) Гетли. 26 июля 1859 года у них родился сын Франц-Альберт. (Православие Федор Осипович примет, достигнув 60-летия). Неизвестно, как сложилось бы их петербургское житье, но болезнь старшего брата заставила младшего вернуться в Саратов и принять на себя руководство семейным делом. Удача отвернулась от братьев

Шехтелей, один за другим они ушли из жизни, и Дарья Карловна после смерти мужа осталась с шестью малыми детьми на руках и мужнины долги. Маленькому Францу было всего восемь лет. И тут в его жизнь вошел замечательный человек – Тимофей Ефимович Жегин.

Гласный саратовской Городской думы, именитый купец и щедрый меценат, Жегин входил в московское окружение братьев Третьяковых, увлекался музыкой и литературой, собирал произведения искусства. «Не помню за все свое детство, чтобы мой отец так тепло и нежно относился к кому-нибудь из своих друзей», – отзывалась о нем дочь Павла Михайловича Вера.

Тимофей Ефимович взял на себя заботы о детях Дарьи Карловны, а ее саму рекомендовал Третьякову в качестве экономки. Жегин оплатил Францу учебу в Саратовской мужской гимназии, и осенью 1871 года он был принят во второй класс. Особыми успехами Франц похвастаться не мог, но хорошие отметки по чистописанию, рисованию и черчению, которые преподавал А. С. Годин, выпускник Императорской академии художеств, явно указывали на скрытое пока дарование.

После смерти Жегина его вдова с семейством отправилась в Москву. Франц жил у матери в особняке Третьяковых в Лаврушинском. Собрание Павла Михайловича произвело на него ошеломительное впечатление. В его доме молодой человек познакомился с преуспевающим московским архитектором Александром Каминским, и это определило его участь.

Первым официально задокументированным шагом будущего архитектора на избранном поприще стало соавторство в разработке проекта фасада Исторического

* Здесь и далее тексты без указания авторства написаны Викторией Пешковой.

Федор Шехтель

музея, поданного Каминским на конкурс летом 1875 года. Александр Степанович, знаток средневековой архитектуры, как русской, так и европейской, оказал большое влияние на формирование художественного вкуса и стиля будущего архитектора.

Набравшись опыта в мастерской Каминского, Шехтель поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Его соучениками стали Исаак Левитан и Николай Чехов, младший брат писателя. Франц очень хотел учиться, но регулярно посещать занятия не получалось: Дарья Карловна заболела, оставила работу, и ухаживать за ней, кроме сына, было некому. Неудивительно, что из училища его вскоре отчислили. Впрочем, Шехтель всегда считал, что для архитектора главное – практика, а это он с лихвой получал в мастерской Каминского. Они работали вместе почти десять лет, пока тот не отошел от дел. К тому времени Франц-Альберт в наставниках уже не нуждался.

Из-за отсутствия диплома Шехтель не имел права ставить свою подпись на проектах. Но это его не слишком огорчало: он увлеченно работал в провинции, строя особняки и дачи для состоятельных заказчиков. Довольные результатом, они буквально передавали молодого архитектора из рук в руки. Династии железнодорожных королей фон Дервизов он перестраивает четыре усадьбы в Рязанской губернии, Савве Тимофеевичу Морозову строит дачу на реке Киржач, а представителю старшей ветви именитой купеческой фамилии Викуле Елисеевичу Морозову перестраивает усадьбу в подмосковном Одинцово-Архангельском.

Только за проект особняка Зинаиды Григорьевны Морозовой на Спиридоновке, который он начал разрабатывать в 1893 году, Шехтель получил свидетельство

от Техникостроительного комитета Министерства внутренних дел, дававшее ему право производить строительные работы. Произошло это в середине 1890-х годов. В 40 лет «недипломированный гений» Шехтель представит в Академию 45 завершенных проектов и будет удостоен звания академика архитектуры.

В Саратове есть здание, которое, возможно, проектировал Шехтель, – особняк мукомольного короля Константина Константиновича Рейнеке на Соборной площади. Документальных подтверждений, увы, не имеется, что странно: дом выстроен в 1912–1914 годах, то есть в то время, когда ставший знаменитым архитектор уже имел все права архитектурного гражданства. Однако по стилю – «вылитый Шехтель». Вот что пишет о нем в книге «Века и камни» саратовский архитектор Сергей Терехин: «Можно долго ходить вокруг него, открывая все новые повороты, углы зрения, эффектные сочетания объемов. Лицевой кирпич, поливные изразцы, кованая сталь, формованный бетон, керамическая и металлическая плитки, тонированное стекло и даже черепица – из всего этого мастер вылепил вдохновенный, свежий образ».

Зато Балаково Саратовской области посчастливилось стать обладателем одного из шехтелевских шедевров. Церковь Троицы Живоначальной (ныне Свято-Троицкий кафедральный собор) была возведена архитектором в 1909 году на средства купцов Мальцевых для старообрядческой общины села. Заказчики обратились в Московское архитектурное общество с предложением устроить конкурс проектов, но ни один в итоге их не устроил, и Мальцевы предложили, чтобы строительством занялся сам председатель жюри – Федор Шехтель. Храм чудом сохранился до наших дней, уцелело даже

мозаичное панно на фасаде, изображающее архангелов, возносящих молитву Богородице с Иисусом на руках.

Считается, что архитектор занимался переделкой и убранством усадьбы одного из братьев Мальцевых – Паисия. Если это так, то по желанию заказчика Шехтель отказался от любимого модерна ради блистательного ампира.

Федор Осипович Шехтель оставил после себя богатейшее наследие. Созданного им другому архитектору хватило бы на несколько жизней. «Работаю я очень много, впрочем, одно это меня и удовлетворяет и делает более или менее счастливым; я уверен, что без работы я был бы никуда не годен – как часы, не заводимые аккуратно и постоянно», – признавался он Антону Павловичу Чехову, с которым дружил много лет. И эти «часы» до сих пор идут...

«ДОМ НАШ НАМ ПОЛЮБИЛСЯ»

Мария фон Бок

Старшая дочь Петра Столыпина оставила воспоминания о своем юношеском восприятии семейной и политической жизни, в центре которых – фигура отца, выдающегося политика, реформатора, чье высокое назначение она осознала уже в те годы.

Жена капитана 1-го ранга, российского военного атташе в Германии Бориса фон Бока, после 1917 года она оказалась в эмиграции, на чужбине дождалась до глубокой старости. Время от времени в прессе публиковались ее мемуары. «Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине» вышли отдельной книгой в 1953 году в Нью-Йорке в издательстве имени Чехова. Мы предлагаем вашему вниманию отрывки из книги Марии фон Бок, посвященные саратовскому периоду

жизни Петра Столыпина. В то время Марии Столыпиной было 18–20 лет, она разделяла принципы отца, интересовалась политикой, приглядывалась к русской жизни. В ее мемуарах предстают не только отец, но и Саратов того времени, увиденный глазами девушки.

Папá в Саратове понемногу привыкал к новым условиям работы, осваивался с окружающим и очень звал нас всех скорее к себе в новый отделанный им дом. Мы и уехали в город так рано, как этого никогда прежде не бывало – уже в октябре. <...>

Когда мы выезжали из Ковенской губернии, была осень, с гольми деревьями, туманом, слякотью, а в Саратове, через три дня пути, не считая остановки в Москве, нас встретил жаркий летний день. Папá в белом кителе и летней фуражке, пыльные улицы, духота – все это поразило нас. Хотя уже и по дороге становилось все теплее и теплее, но такого контраста мы все же не ожидали... Чистая русская речь мужиков, их внешний вид, знакомый мне лишь по картинкам, виды из вагона на необъятные, без конца, без края, уходящие в даль поля, церкви в каждом виднеющемся издали селе – все непривычное, все знакомое лишь по книгам.

Дом наш всем нам полюбился – просторный с красивыми большими высокими комнатами, весь новый, чистый, и, о, радость! – освещенный электричеством. Но мамá этого новшества не признавала и завела у себя на письменном столе керосиновую лампу. Говорила, что электричество портит глаза.

<...> Одним словом, жизнь налаживалась. Одно, к чему трудно было привыкнуть – это к тому, что папá так мало мог принимать участия в нашей жизни... Полчаса отдыха после обеда, во время которого он с мамá ходил взад и вперед по зале, и потом полчаса за вечерним чаем – вот и все. Все остальное время

Петр Столыпин

он работал. Так протекло время до Рождества.

Весело провели мы праздники. Ночью, в двенадцать часов, в нашей семье никогда не встречали Новый Год, пока дети были маленькими. Ограничивались поздравлениями в самый день первого января.

<...> В Саратове этот обычай был заменен «взаимными поздравлениями». Это было и приятно и весело. Все желающие поздравить друг друга, и дамы, и мужчины, съезжались к известному часу в большую залу городской думы – желали друг другу счастья, пили чай и разъезжались по домам. Картина этих съездов получалась довольно пестрая и оживленная. Непривычную в провинцию ноту вносила съезжающаяся на праздники к родителям учащаяся в столицах молодежь. А мы, провинциальные девицы, с жадным интересом смотрели на голубые воротники студентов и их, по нашему мнению, поразительно элегантные сюртуки; на треуголки лицеистов и правоведов и, конечно, больше всего на юнкеров и кадетов, представляющих нам воплощением военной лихости и отваги.

<...> Первым моим балом в Саратове, да и вообще первым моим «взрослым» балом должен был быть костюмированный вечер, устраиваемый моей матерью с благотворительной целью. Для меня из Петербурга был выписан японский костюм, и перспектива этого вечера меня и моих подруг очень радовала. Бал назначили в конце января, но перед самым днем бала стали ползти какие-то зловещие слухи, и я помню, как на балу один молодой человек, глядя на мое кимоно, спросил меня:

– Скоро вы собираетесь объявить нам войну?

А 27 января война и разразилась. Стали собираться отряды Красного Креста, один за другим исчезали наши бальные кавалеры,

организовывались работы на раненых. Но театр военных действий находился так далеко, настолько непонятно было русскому солдату, почему, куда и за что его посылают драться, что настоящего подъема, как тот, что мы потом видали в 1914 году, не было.

Я, только что прочитавшая «Войну и мир» Толстого, преисполненная патриотизма, недоумевала, почему это так, и навела на эту тему разговор с papà, на что он мне ответил:

– Как может мужик идти радостно в бой, защищая какую-то арендованную землю в неведомых ему краях? Грустна и тяжела война, не скрашенная жертвенным порывом.

Но пережили мы в Саратове один вечер, наполнивший нас таким энтузиазмом, что на всю жизнь остался у меня в душе глубокий след от пережитого тогда. Это был обед – проводы отряда Красного Креста, отправляющегося на фронт под управлением графа Д. А. Олсуфьева. Во время этого обеда, очень многолюдного, на который собралось все саратовское общество, мой отец встал и сказал речь. Что это была за речь! Я вдруг почувствовала, что что-то капает мне на руку, и тогда лишь заметила, что я плачу: смотрю вокруг себя – у всех слезы на глазах. И чем дальше, чем вдохновеннее и страстнее становятся слова моего отца, тем больше разгораются лица и глаза слушателей, тем горячее льются слезы...

Многие уже громко рыдают. Забыто, что не за русскую землю дерется русский солдат, что далеко от наших домов поля, где многим суждено найти смерть и куда спешат им на помощь и поддержку те, кого мы сегодня провожаем, и лишь ярко сияет одна вечная правда о том, что каждый сын России обязан, по зову своего царя, встать на защиту Родины от всякого

посягательства на величие и честь ее, и что, забывая все на свете, обязаны спешить ему на помощь те, кто волей Божьей имеет счастье служить под Красным Крестом.

Никогда еще мне не приходилось слышать такое единодушие, такое продолжительное ура, как то, которое покрыло речь отца, и редко видишь столько людей, разных убеждений и характеров, соединенных таким общим, могучим подъемом.

Когда мы вечером возвращались домой, papà в карете сказала моему отцу:

– Как ты великолепно говорил! На что papà ответил:

– Правда? Мне самому кажется, что сказал я неплохо. Не понимаю, как это вышло: я ведь всегда считал себя косноязычным и не решался произносить больших речей.

<...> Саратовская губерния, особенно ее Балашовский уезд, издавна славилась левыми буйными элементами. Видно, дух Стеньки Разина не покинул привольных Волжских берегов. Либеральные представители земства стали открыто выступать против мероприятий правительства. Мой отец много положил сил, чтобы не дать чувству злобы и вражды, все более овладевающему земскими деятелями и их приверженцами, разрастаться и парализовать всякую возможность совместной работы. Все силы своего ума и энергии клал он на то, чтобы не дать общественной работе ослабевать под влиянием деморализующих сил, порожденных затянувшейся несчастной войной.

<...> В стремлении соединить враждебные элементы мой отец устроил этой зимой банкет человек на шестьдесят земцев. Это было весьма интересное собрание. <...> Хотя речи лились непринужденно, хотя любезно беседовали друг с другом политические противники и казалось возможным

найти общий язык, сойтись на общих идеалах, но лишь только те же люди сходились на земских собраниях, всем становилось ясно, что слишком глубока рознь между людьми разных направлений и что чем дальше, тем глубже будет становиться эта рознь.

<...> С прибытием papà в Саратов приверженцы порядка, благодаря выявленному моим отцом спокойствию и уверенности, приободрились, поняли, что нельзя ожидать событий сложа руки.

МИХАИЛ ВРУБЕЛЬ. ДО РОЖДЕНИЯ ЛЕГЕНДЫ

Михаил Врубель – одна из самых мифологизированных фигур русского искусства рубежа XIX–XX столетий. Живопись и мозаика, театральные декорации и костюмы, фреска и икона, книжная иллюстрация и скульптура – отпущенных ему талантов с лихвой хватило бы на полдюжины мастеров. «Он идеально выражал свою мысль. Есть какая-то безошибочность во всем, что он сделал», – восхищался собратом по цеху художник Александр Головин. Между тем в дворянском роду Врубелей мужчины шли либо по юридической, либо по военной линии, к художествам никто склонности не имел. Дед будущего художника дослужился до генерал-майора, отец, принимавший участие в Кавказском походе и Крымской кампании, достиг тех же чинов. Вероятно, художественная одаренность была унаследована мальчиком от матери, дочери астраханского губернатора, выдающегося картографа Григория Гавриловича Басаргина. Но Анна Григорьевна, подарив супругу четверых детей, скончалась от чахотки. Мише тогда исполнилось всего три года.

Михаил Врубель

В январе 1865 года Александр Врубель получил под командование Саратовский внутренний гарнизонный батальон и со всем семейством прибыл к новому месту службы. Вскоре последовало и новое звание – подполковник. К тому времени Александр Михайлович был уже женат на Елизавете Вессель, заменившей осиротевшим детям мать. Обосновались Врубели в казармах батальона, где командиру была отведена казенная квартира. Улица так и называлась – Казарменная. Здание это существует до сих пор, ныне в нем располагается Саратовское художественное училище им. А. П. Боголюбова, а на стене установлена памятная доска.

После военных походов гарнизонные будни тяготили braveго подполковника:

«Батальонные смотры в Саратове отравляли папаше всю прелесть летних каникул», – вспоминал впоследствии художник. Зато сколько радости приносили праздники. В доме Врубелей часто ставили домашние спектакли и музицировали.

Елизавета Христиановна, прекрасная пианистка, принимала участие в литературно-музыкальных вечерах и благотворительных концертах, устраивавшихся в Городском театре. Миша мог слушать ее игру часами, буквально прирастая к роялю. Драматическое искусство в доме Врубелей тоже ценили, нередко бывая на спектаклях и в Городском театре, и в летнем саду «Шехтель».

Десятилетнего Мишу надо было готовить к школе. Александр Михайлович пригласил к сыну преподавателей Саратовской мужской гимназии, самого престижного учебного заведения, успешное окончание которого давало воспитанникам право без экзаменов поступать в Казанский университет. По воспоминаниям Анны Александровны, Михаил «начал более или

менее серьезные занятия предметами гимназического курса под руководством широко понимающего свое дело преподавателя, некоего Н. А. Пескова, который помимо учебников доставлял еще нередко интересные наглядные пособия к преподаваемым предметам и уделял время для экскурсий в холмистые окрестности города (причем результатом являлись, между прочим, такие геологические находки, как зубы акулы)».

Чистописание, рисование и черчение в гимназии преподавал Андрей Сергеевич Годин. Именно он пробудил в будущем художнике скрытые дотоле способности, познакомив с принципами рисования с натуры. Саратовский уроженец, Годин в 1839 году окончил Императорскую Академию художеств, получив звание «свободного художника живописи портретной», и вернулся в родной город. Андрей Сергеевич прослужил в гимназии без малого тридцать пять лет, не раз получал награды за беспорочную службу и дослужился до чина коллежского секретаря. Годин, хороший акварелист и рисовальщик, брал заказы на портреты. Наибольшую известность получил написанный им портрет одного из прославленных земляков, героя войны 1812 года ротмистра Петра Сидоровича Подъяпольского, в эскадроне которого служила девица-кавалерист Надежда Дурова.

Труды педагога, регулярно занимавшегося с Мишей, давали потрясающие плоды. В воспоминаниях Анны Врубель есть такой эпизод: «В Саратов была привезена однажды, по всей вероятности, для католической церкви, копия с фрески Микеланджело «Страшный суд». Отец, узнав об этом, повел брата смотреть ее. Брат усиленно просил повторить осмотр ее и, возвратясь, произвел ее во всех характерных

подробностях». Анна Александровна писала свои воспоминания спустя полвека. Вероятно, ее подвела память. Краеведы обнаружили в архивах выпуск «Саратовского справочного листка» от 5 ноября 1865 года, где было напечатано следующее сообщение: «Имеем честь уведомить почтеннейшую публику, что копия со знаменитой около 500 лет, всемирно известной колоссальной картины, изображающей второе пришествие Христа спасителя, писанной знаменитым художником ван Эйком, выставлена на Никольской улице, в новом доме при лютеранской церкви, напротив консистории».

И тут есть над чем поломать голову. Фреска Микеланджело действительно поражает размерами: «Страшный суд» занимает всю стену позади алтаря Сикстинской капеллы. Яну ван Эйку приписывают диптих «Распятие» и «Страшный суд», но он представляет собой две небольшие деревянные панели размером 56,5×19,7 см. Что же показывали почтеннейшей саратовской публике?

Рисунки маленького Миши не сохранились. По ним истину установить невозможно. А дом, в котором выставлялся загадочный шедевр, простоял на Никольской (ныне улице Радищева) до 70-х годов прошлого века. Сейчас на этом месте высится новое здание сельскохозяйственного института.

Семейство будущего художника прожило в Саратове почти два с половиной года. Последний приказ подполковник Врубель подписал 15 апреля 1867 года, а вскоре отбыл вместе с чадами и домочадцами в Санкт-Петербург, поскольку был принят в Александровскую военно-юридическую академию. Александр Михайлович мечтал, чтобы сын пошел по его стопам. По его настоянию Михаил поступил на юридический факультет

Петербургского университета, но призвания он не чувствовал, учеба давалась с трудом, и в итоге Врубель диплома не защитил. А в 1881 году стал студентом Академии художеств.

В собрании Саратовского художественного музея, носящего имя Александра Николаевича Радищева, хранится эскиз Врубеля к картине «Муза» и несколько графических работ. А вот главная врубелевская реликвия, которой обладал город, к сожалению, до наших дней не сохранилась. 2 декабря 1911 года в доме на углу Александровской (ныне Максима Горького) и Малой Казачьей (ныне Яблочкова) был открыт синаматогрaф под названием «Мурава». Перестраивал здание специально приглашенный из Москвы архитектор Николай Николаевич Дивов.

Фасады были стилизованы в неорусском стиле, в нем же были выдержаны и интерьеры фойе: расписные потолки, кованные светильники и решетки, массивная темная мебель. А в одном из углов воцарилась невиданная сказочная печь, выложенная изразцами, изготовленными по рисункам Врубеля в знаменитых абрамцевских мастерских. Саратовские газеты сообщали, что на открытие «...собралось около 1000 человек, преимущественно интеллигентной публики, в том числе: архитекторы, художники, директор Боголюбовского училища г. Боев, представители печати».

После революции в помещении синаматогрaфа разместился рабочий клуб, сохранив за собой название предшественника. В 1925 году здесь открыли кинотеатр «Красный строитель», и постепенно чуждые пролетариату «буржуазные» интерьеры были ликвидированы. Но Саратов хранит память о гениальном художнике с трагической судьбой, «для которого мир был бесконечной радостью и бесконечным мучением».

МИХАИЛ БУЛГАКОВ. САРАТОВСКИЕ СТРАДАНИЯ

Что бы ни утверждали литературоведы, саратовцы точно знают: самое глубокое чувство в жизни Булгакову подарил именно их город. Миша познакомился с Тасей летом 1908 года, когда подруга его матери, Веры Михайловны, пригласила свою племянницу в Киев на каникулы. Знала бы тетушка Софья Николаевна, чем обернется ее затея. Миша, обожавший великий Город, водил по нему свою новую знакомую днями напролет. Наступила осень, Татьяна вернулась в Саратов, а летний роман, подогретый разлукой, перерос в серьезное увлечение. Михаил даже учебу забросил. Девушка надеялась на Рождество приехать в Киев, но родные всполошились и не пустили. В надежде охладить пыл влюбленных на следующее лето новоявленную Джульетту отправили к бабушке в Москву.

Время летело, чувства пылали, а родители, как и положено, их не одобряли. Вере Михайловне (Афанасия Ивановича уже не было в живых) Тася нравилась, но брак, о котором сын говорил все чаще, приводил ее в ужас: как и на что молодые собираются жить? У семейства Лаппа возражения были еще серьезнее. Николай Николаевич, столбовой дворянин и действительный статский советник, даже думать не хотел, чтобы мужем дочери стал недоучившийся еще медик, внук простого сельского священника. Евгения Викторовна, представительница старинного польского рода Пахотинских, была с мужем совершенно согласна. Молодых спасали только письма. Тася упорствовала и в конце концов убедила отца с матерью хотя бы познакомиться с Михаилом. Молодого человека пригласили на рождественские

праздники 1912 года. Булгаков отправился в Саратов.

Николай Николаевич Лаппа, человек в городе известный и весьма уважаемый, возглавлял губернское казначейство. Семейство обитало в имевшей отдельный вход служебной квартире, в том же здании, что и Казенная палата, — элегантном краснокирпичном особняке под номером 65 на углу Большой Кострижной (ныне Сакко и Ванцетти) и Вольской. Теперь уже Тася показывала гостю любимый город. Прогулки по заснеженному Саратову чередовались с любительскими спектаклями и концертами, в которых принимали участие и домочадцы, и многочисленные друзья дома. Кстати, любовь к театру Татьяна сохранила на всю жизнь и даже некоторое время подвизалась на провинциальной сцене в небольших ролях. Но той памятной зимой она блистала исключительно в главных, ведь режиссировал спектакли без памяти влюбленный в нее Миша.

Знакомство со старшими Лаппа успеху матримониальных планов Михаила не способствовало. Он возвратился в Киев ни с чем. Но летом снова приехал в Саратов и на этот раз забрал любимую с собой. В марте 1913 года студент Булгаков подал на имя ректора университета прошение о разрешении жениться и таковое получил. О будущем молодые, верившие в свою удачу и обладавшие завидной настойчивостью, несколько не беспокоились. В апреле 1913 года они расписались. Молодая жена, бросив учебу на историко-филологическом отделении Высших женских курсов, всю себя посвятила семье.

Лето 1914 года Булгаковы проводили на даче в пригороде Саратова. Там их застало известие о начале войны с Германией. Везде царил тревога, будущее рисовалось смутным. А потом для саратовцев начались военные будни. В городе начали формировать резервные

полки, сюда направляли раненых и эвакуированных. Был образован губернский комитет для оказания помощи раненым. Губернатор предоставил под госпиталь свой особняк. По предложению Николая Николаевича в здании Казенной палаты тоже обустроили лазарет. Служащие решили ежемесячно отчислять из жалованья по 500 рублей на его содержание. Евгения Викторовна взяла на себя заведование.

Под лазарет отвели первый этаж, где разместились две палаты, по десять коек в каждой, перевязочная, комната для врачей и сестер милосердия и кухня. Михаил сначала помогал Евгении Викторовне в организационных хлопотах, а когда пришел первый эшелон, приступил к своим прямым обязанностям. Не будучи саратовским жителем, Булгаков не мог быть официально включен в состав персонала лазарета. Он работал на добровольных началах, пропадая там с утра до вечера. Однако к началу занятий в университете Михаил с Татьяной вернулись в Киев.

Вместе Булгаковы еще дважды приедут в Саратов: в феврале и в ноябре — декабре 1917 года. Оба раза ненадолго, и, как и три года назад, визиты эти проходили под знаком глобальных катаклизмов. Впрочем, главные испытания были у них впереди. То, что Татьяна Николаевна совершила для горячо любимого мужа, без преувеличения можно назвать подвигом самоотверженности. Но брак это не спасло. В 1924 году они расстанутся, и Михаил Афанасьевич обратится к бывшей жене с просьбой никому не рассказывать того, что ей о нем известно. Она сдержит обещание.

С первой женой Булгаков прожил одиннадцать лет. Успел написать несколько пьес (в том числе первый вариант «Турбиных», дав героям фамилию Тасиной бабушки), «Дьяволяду», «Роковые яйца»,

«Ханский огонь», несколько глав из «Записок на манжетах» и «Белую гвардию», которую посвятил уже новой своей любви — Любови Белозерской. Со второй женой он проживет семь лет, с третьей — восемь. А под занавес жизни будет умолять: «Найдите Тасю, я должен перед ней извиниться».

Алексей Варламов, автор не так давно вышедшей в серии «ЖЗЛ» биографии писателя, уверен: «Булгакову невероятно повезло с первой женой, ей с ним — нисколько. Если бы не было рядом с Михаилом Афанасьевичем этой женщины, явление писателя Булгакова в русской литературе не состоялось бы. Без Любови Евгеньевны Белозерской состоялось бы, без Елены Сергеевны Булгаковой — тоже, пусть это был бы совсем другой Булгаков, без Татьяны Николаевны Лаппа — не было бы никакого. Он просто не выжил бы без нее физически, и это хорошо понимал, не случайно говорил ей, когда они расставались, что Бог его за нее накажет».

Не нам, смертным, судить о воле Провидения. А город хранит память о человеке, которого спасла для русской литературы встреча с шестнадцатилетней саратовской гимназисткой. Здание, в котором некогда размещалась Казенная палата, а ныне областная федерация профсоюзов, уцелело. Его нынешний адрес — Сакко и Ванцетти, 55/Вольская, 71. В 2015 году на нем была установлена мемориальная доска: отодвинув штору, Михаил Афанасьевич всматривается в прохожих, на подоконнике мирно дремлет кот, а над ними, подобно загадочной планете, парит лик его возлюбленной. Надпись гласит: «В юности писатель Михаил Булгаков, посещая Саратов (1911–1917 гг.), останавливался в этом доме, где жила его первая любовь Татьяна Лаппа».

Продолжение следует

Михаил Булгаков

ЗВЕЗДЫ ПРОРОЧАТ

Представляем вниманию читателей подборку новых стихов Анатолия Арестова

Фото: Александра Сапожникова / Unsplash

А в полях тишина простоит до апреля.
В замороженной корке родимой земли
отсыплются травы. Знакомые трели
принесет с облаками – то птицы вдали
на полете к полям разругались немного,
опьяненные воздухом поздней весны.
Облетели полмира, увь, не родного
и вернулись обратно. Закончились сны –
разморозило корку родимой землицы:
зеленеют поля, зеленеют луга.
И с утра до утра песнопение длится,
воспаряя на крыльях с земли в облака.

Весенний сон

С небом разное снова творится:
то сияет, то мокнет дождем.
Наломала на тополе птица
тонких веток предпраздничным днем.
Распахнули подъездные двери,
из колонок хрипящий шансон
вознесет в небеса, что доверят
безмятежность и сладостный сон
в конуре одинокой зверине,
обглодавшей заветную кость.
Вдруг приснилось: она на перине
возлегает. Но загнутый гвоздь

упирается в спину, как шило.
Улетучился сладостный сон,
и собака тревожно завывала,
разбавляя хрипящий шансон.

Ласковость света

Избушку заносит холодными хлопьями,
в оконный проем проливается свет
огня из печи, а на улице копытами
метель отбивается, словно в ответ
на чуждое ей состоянье покоя,
где ласковость света рождает тепло,
и злом обуянная избы покроет
холодными хлопьями свету назло.
Но утром случится рождение солнца,
лучи прикоснутся заснеженных крыши,
и холод покажет на роспись оконца,
и станет разглядывать роспись малыши:
изгибы, побег, высокие горы,
фигурки людей в ледяных поездах
и мамы лицо в филигранных узорах
увидит малыши, и в счастливых глазах
сверкает лучами вся ласковость света,
сверкает любовь неподкупностью дней!
И с слочкой мама заходит: «Ну, где ты?
Пойдем наряжать! Ты проснулся, Андрей?»»

Мысли о минувшем

Вспомнил в стеклянных бутылках кефир
и молоко в небольших пирамидках,
вспомнил цветной ароматный зефир
и шоколад удивительный в плитках!
Вспомнил дворовый потрепанный мяч,
вспомнил: сдавали тогда «чебурашки»,
вспомнил девчоночий сдержанный плач –
куклу украла у бедной Наташки.
Вкладыши помню. Когда-то копил,
что прилагались к резиновым жвачкам.
Помню, дедуля машинку купил
на небольшую, но в тайне заначку –
время тяжелое. Первый звонок.

Запах столовой. Румяные булки
с теплым компотом и школьный урок.
Ранец. Тетради. Со школы прогулки
в парке далеком, где горы листвы.
Радости море! Моря по колено!
Сколько всего... К сожаленью. Увы!
Время летит в бесконечность Вселенной.

Туча грозовая в высоту растет,
К небу призывает, в поле пропадет.
Стрелы заблестели. Притаился страх.
Полевые трели прекратились птах.
Раскачало травы, и с дороги пыль
унесло в канаву, где растет ковыль.
Оглашает властно повелитель – гром.
За рекою ясно, ясно за бугром.
Туча грозовая в высоту росла,
к небу призывала, в поле полегла.

Подсказка

Молчу и смотрю в глубины высокие.
Душой отдыхаю от будничных дел
в алтайских степях своенравных с осокою,
с полынью, ромашкой... Где множество тел
невиданных трав прикасается к почве
живой, пропитавшейся волей. Простор
влечет в никуда вдохновением ночи.
Луна заливает с избушкою двор,
и что-то витает в пространстве далеком:
в степях ароматных иль в той глубине,
что искрами блещет. Где звезды под Богом
рождаются, гаснут, и мысли во мне
сливаются вдруг в ограниченную фразу:
«Цени бесконечное – вечность вернет!» –
момент озарения. Властвует разум:
«Но как же судьбы независимой гнет,
что ставит преграды?» Молчание ночи.
В алтайских степях седовласый ковыль
под ветром качается. Звезды пророчат,
и ветер сметает дорожную пыль.

Анатолий Владимирович Арестов родился в 1985 году в городе Рубцовске Алтайского края, где проживает и сегодня. Публиковался в журналах «Юность», «Наш современник», «Волга – XXI век», «Традиции & Авангард», «Дарьял», «Сура», «Сибирский Парнас», «Ротонда», «Невский альманах» и др. Автор книги стихотворений в четырех частях «В потоке поэзии» и книги малой прозы «Человек дальнего неба». На сайте «Русской мысли» можно найти более ранние публикации стихов Анатолия Арестова в №154/03–04 (5025) и №166/3–4 (5037).

СИБИРСКИЙ ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

В московском издательстве «Вече» в 2025 году вышел роман Равиля Зарипова
«Енисейский сплав. Сибирский приключенческий роман»

АНАТОЛИЙ БАРАНОВ

Нельзя сказать, что Равиль Зарипов «ворвался в современную прозу». Нет, это не его стиль. Вошел – солидно, не сутулясь, не заискивая взглядом. Даже постучал перед тем, как открыть дверь, но не стал ждать, пока ответят, – вошел. И зашел, что называется, по делу.

В «Библио-Глобусе» я купил его книгу на следующий день после поступления – предпоследнюю. «Енисейский сплав. Сибирский приключенческий роман», что не вполне правда: приключения там есть, и происходит все в Сибири, но не только... Ну все равно что назвать «Преступление и наказание» неплохим детективом или «Героя нашего времени» военным мемуаром.

Собственно, герой нашего романа Ильдар, московский студент, которого занесло на енисейский сплав за длинным рублем и из желания немного самоутвердиться, и есть герой нашего времени. Нашего с автором, но для многих уже довольно давнего прошлого. Конец 70-х, время застоя и предбанник перестройки.

Время это уже прошло, да и мы, его герои, собственно, проходим. А след от нас какой-то слабенький остается. Хотя по жизням и судьбам наше время прошло таким промышленным трактором!.. Или стремительным домкратом? Палеофитологи разберутся...

История, которая легла в основу сюжета романа (прямо как

из школьного сочинения), известна мне со слов автора (как из протокола) давно, уже почти лет сорок. Ничего, в общем, особенного. Поехал далеко с мыслями об одной девушке, в этом далеке увлекся другой, а остался в финале сам с собой.

И хотя сюжет романа приключенческий, все происходит как бы на фоне сюжета, а не внутри него. Ну и еще, конечно, такой фон, как Енисей, – это впечатляет. Автору удалось передать не только величие природы и колорит характеров, но и вписать это в историю – настоящую историю этого, до конца еще не познанного края, присоединенного к России Ермаком, но так и полностью ею не освоенного.

А началось все, конечно, в Москве, в стенах МЭИ, где между лекциями, занятиями самбо и выпивкой студент встретил студентку.

В советское время не принято было говорить о социальных барьерах внутри единого «бесклассового» советского общества, однако они были. И перелезть через эти барьеры было тем труднее, что формально их как бы и не было.

Но был номенклатурный папа девушки и совсем не номенклатурная мама Ильдара, а папы у него фактически и вовсе не было. И на этом строится завязка романа: богатырь, чтобы получить руку прекрасной княжны, должен совершить подвиг, а лучше сразу

несколько. Причем подвиги в современном нам мире исчисляемы в рублях либо конвертируемой валюте. И енисейский сплав должен не просто стать проверкой для Ильдара на его маскулинность, но и заложить основу далеко не былинной, а вполне осязаемой совместной жизни в том мире, который сам вскоре рухнет.

Но герои этого, конечно, не знают. Хотя и чувствуют: что-то должно поменяться.

Автор, разумеется, в курсе, что будет. Для него это прошлое, причем его личное и дорогое: его мама, образ которой детально выписан в романе, его город – разумеется, Москва, где его предки жили с незапамятных времен в Марьиной Роще и для которого он тоже сделал что-то, работая в московской прессе.

Герой романа – одновременно и герой нашего времени. Он не принадлежит к правящему классу номенклатуры, как Печорин или Онегин к классу служилого дворянства.

Номенклатура – это и есть осовремененный вариант служилого сословия, дорвавшегося до власти. И погубившего себя этой близостью к власти, так и не осознав ни своего места в мире, ни роли в истории. И даже не оставив следа в литературе. Ну вот разве что Равиль Зарипов отметился.

А это досадно. В России правящий класс пишет историю буквально сначала гусиным пером

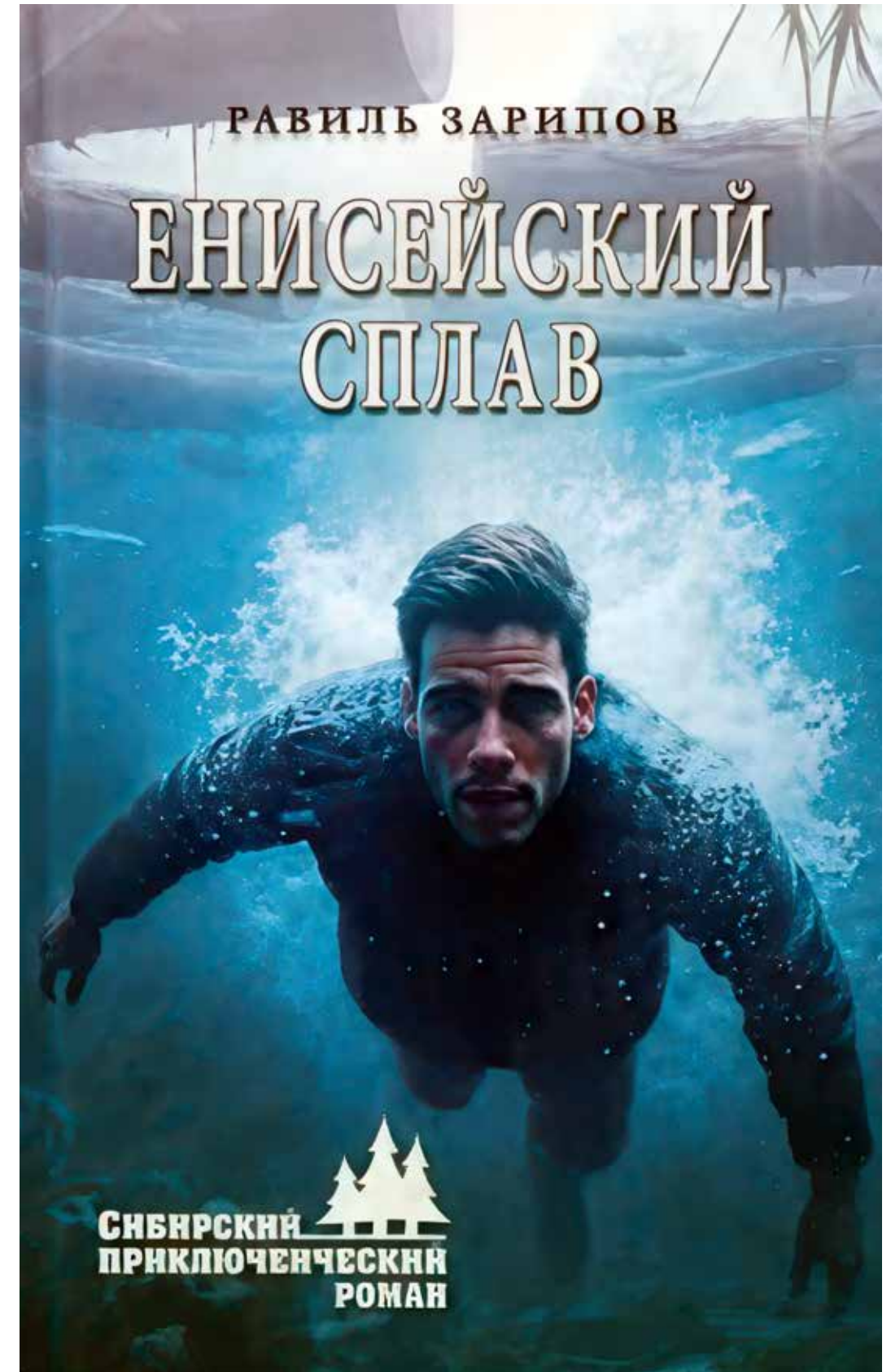
у сальной свечи, потом на «ундervуде», теперь вот на компьютере.

Пушкин был коллежским секретарем, Лермонтов – поручиком, Шолохов – бойцом ЧОНа, Фурманов – комиссаром в чапавской дивизии.

Равиль Зарипов работал в «Московском комсомольце», потом в «Комсомольской правде», позже перешел на дипломатическую службу. Это не просто наложило отпечаток на роман, это привнесло в его стилистику некоторую газетность, что для художественной прозы раньше считалось недостатком, но после Нобелевской премии по литературе, полученной Светланой Алексиевич, которая не беллетрист, а публицист в чистом виде, следует признать: газетный стиль – часть художественной прозы, как газета – неизбежный элемент современной жизни последние сто лет.

Ну или изгнать из литературы Горького, Бабеля и Солженицына.

Или принять в литературу Равиля Зарипова.

ТРЕТЬЯКОВСКАЯ ГАЛЕРЕЯ: 170 ЛЕТ СЛУЖЕНИЯ ЛЮДЯМ

Павел Третьяков: «Для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может быть лучшего желания, как положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств»

КАРИНА ЭНФЕНДЖЯН

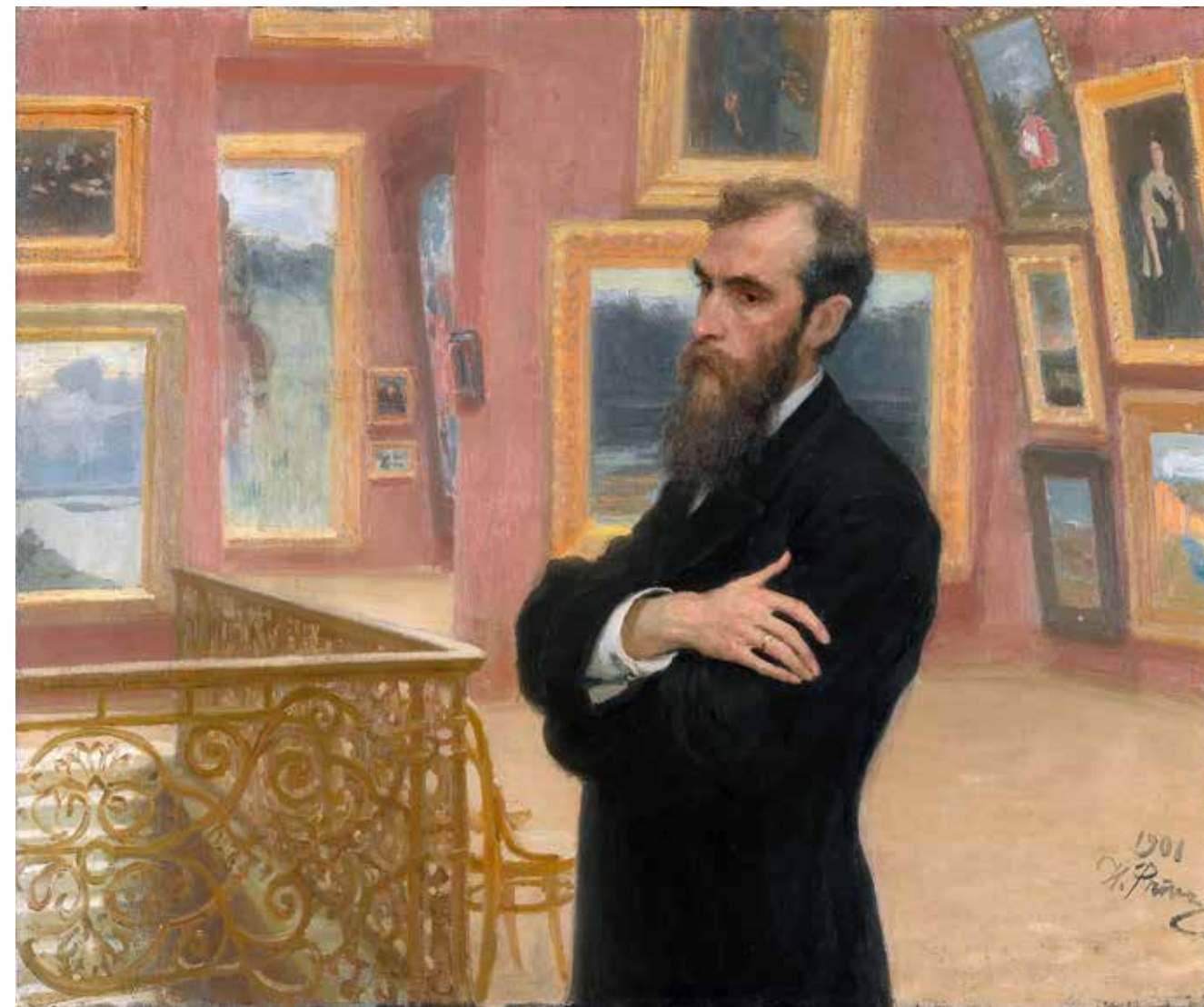
Фасад Государственной Третьяковской галереи

История Государственной Третьяковской галереи неразрывно связана с именем предпринимателя, коллекционера и мецената XIX века Павла Михайловича Третьякова. Благодаря его деятельности в России появился музей, в котором широко представлено национальное искусство: шедевры отечественной живописи, графики и скульптуры – от древнерусских икон до модернизма.

В отличие от многих коллекционеров своего времени, Третьяков собирал картины не ради украшения дома или демонстрации статуса, а из желания поддержать отечественных художников и, показав, по его словам, «русскую школу как она есть в последовательном своем ходе», сохранить для общества русское художественное наследие.

Родился будущий выдающийся меценат в 1832 году в московской

купеческой семье. Унаследовав в первой половине 1850-х дело отца, он и его брат Сергей смогли преумножить состояние семьи. При этом Павел Михайлович считал, что богатство обязательно должно приносить общественную пользу. «Моя идея, – говорил он, – была с самых юных лет наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу (народу) в каких-либо полезных

Портрет Павла Третьякова работы Ильи Репина. 1901

учреждениях; мысль эта не покидала меня во всю мою жизнь...»

Именно эта мысль стала основой всей его деятельности. Его целью было создание национального художественного музея, открытого для всех слоев общества. Павел Михайлович был убежден, что искусство должно воспитывать общество и формировать культурный вкус людей независимо от их происхождения и социального положения.

Интерес к искусству у Третьякова сформировался еще в молодости. В середине XIX века он начал приобретать произведения

русских художников. Первые картины – в 1856 году. Именно этот год считается датой основания будущей галереи.

Третьяков внимательно следил за художественной жизнью страны, посещал выставки, знакомился с молодыми художниками и стремился поддерживать именно русское искусство. Финансовые возможности коллекционера были немалые, и собрание, поначалу небольшое, стало ежегодно пополняться десятками, а то и сотнями работ.

«Для меня, истинно и пламенно любящего живопись, не может

быть лучшего желания, как положить начало общественного, всем доступного хранилища изящных искусств, принесущего многим пользу, всем удовольствие, – писал Третьяков в 1860 году. – Я желал бы оставить национальную галерею, то есть состоящую из картин русских художников».

Третьяков-коллекционер был в своем роде личностью феноменальной. Многие современники отмечали его безукоризненный художественный вкус, и даже мэтры живописи признавали авторитет Павла Михайловича.

Зал Карла Брюллова в Третьяковской галерее. Павел Третьяков приобрел для своего собрания 11 живописных работ Брюллова

Не имея профессионального образования, он, невзирая на моду, безошибочно определял истинные шедевры, угадывал каким-то феноменальным чутьем их будущую востребованность. Как, кстати, и Сергей Иванович Щукин и Иван Абрамович Морозов (тоже потомственные купцы и промышленники), открывшие для России

импрессионизм: они скупали «непонятное» искусство во Франции еще тогда, когда над ним смеялась вся парижская публика, презрительно именуя художников «впечатленцами».

Павел и Сергей Третьяковы получили обычное для своего времени и социального статуса домашнее образование, которое должно было

помочь им в ведении семейного дела. Но благодаря самообразованию братья приобрели широкие познания в области искусства, литературы, музыки.

Они не просто покупали понравившиеся полотна, а тщательно изучали творчество художников, историю живописи и развитие художественных направлений.

половине XIX века они стали развивать новое реалистическое направление в живописи, стремясь показывать настоящую Россию: обращались к социальным проблемам, пытались правдиво представить исторические события и жизнь простых людей.

Кто знает, возможно, судьба Виктора Васнецова, Ивана Крамского, Исаака Левитана, Василия Перова, Ильи Репина, Василия Сурикова и многих других художников сложилась бы совсем иначе, не будь поддержки Третьякова.

По словам Ильи Репина, приобретение картины коллекционером воспринималось художниками как высокая профессиональная оценка, и многие из них старались показать свои новые работы именно Павлу Михайловичу, так как нередко именно после появления работы в коллекции мецената художник становился широко известен в России. «Прошу Вас картину считать за мной», – эта фраза Третьякова была равноценна общественному признанию художника.

В 1865 году Павел Михайлович женился на Вере Николаевне, урожденной Мамонтовой, которая приходилась двоюродной сестрой знаменитому русскому предпринимателю, промышленнику и филантропу, основателю Московской частной оперы Савве Ивановичу Мамонтову и двоюродной тетужкой Вере Мамонтовой, ставшей моделью для картины В. А. Серова «Девочка с персиками» (1887). В браке родились шестеро детей – двое мальчиков и четыре девочки.

«Третьяков по натуре и знаниям был ученый», – напишет о нем в 1902 в своей «Истории русского искусства» Александр Бенуа, главный идеолог общества «Мир искусства».

Третьяков одним из первых оценил творчество художников-передвижников и начал активно приобретать их работы. Во второй

Со временем коллекция настолько выросла, что для нее пришлось перестраивать дом семьи Третьяковых в Лаврушинском переулке. Первое здание галереи по проекту архитектора Александра Степановича Каминского, мужа сестры Третьякова, было построено рядом с домом Третьяковых в начале 1874 года. Новое двухэтажное строение имело отдельный вход для посетителей и два просторных выставочных зала. С этого времени частная коллекция стала постепенно превращаться в настоящий музей.

К концу 1880-х годов здание галереи значительно расширилось. Новые пристройки окружили семейный особняк с трех сторон вплоть до Малого Толмачевского переулка. Работы русских мастеров были представлены уже в четырнадцати залах. Галерея приобрела особый статус: оставаясь частной собственностью Павла Третьякова, она фактически являлась общественным музеем, открытым для всех желающих вне зависимости от социального статуса. Для того времени это был поистине революционный шаг.

А в 1892 году произошло событие, ставшее важной вехой в истории русской культуры. Третьяков передал свою галерею в дар Москве. К этому времени собрание мецената насчитывало более двух тысяч произведений живописи, скульптуры и графики и считалось одним из лучших в Российской империи.

Передача коллекции вызвала большой общественный резонанс. Газеты писали о поступке Третьякова как о примере бескорыстного служения обществу. Многие современники подчеркивали, что подобного художественного собрания в России еще не существовало.

Вместе с коллекцией русского искусства в собственность города перешло и собрание западноевропейской живописи, принадлежавшее

Иван Шишкин. «Полдень. В окрестностях Москвы». 1869. Первая картина мастера, приобретенная Павлом Третьяковым. В последующие годы им было куплено еще 14 живописных полотен и множество графических работ Шишкина

Сергею Михайловичу Третьякову. Он собирал главным образом произведения западноевропейских художников середины и второй половины XIX века.

По решению Московской городской думы музей получил официальное название «Московская городская художественная галерея Павла

и Сергея Третьяковых», а сам Павел Михайлович был назначен ее пожизненным попечителем.

Впоследствии картины из собрания Сергея Третьякова были переданы в Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина и Государственный Эрмитаж.

По мнению искусствоведов, Павел Третьяков сумел создать не просто галерею, а настоящую художественную летопись России XIX века. Благодаря историческим картинам, русским пейзажам, портретам писателей, композиторов и общественных деятелей галерея стала отражением культурной жизни страны.

Историк искусства Игорь Грабарь называл деятельность Третьякова «великим гражданским подвигом».

Размах собирательской деятельности Третьякова был поистине грандиозным. Будучи деловым человеком, Третьяков не останавливался даже перед очень значительными расходами, если считал приобретаемое им произведение безусловным шедевром. На организацию картинной галереи Павел Михайлович потратил около полутора миллионов рублей – огромная по тому времени сумма.

Даже после передачи галереи городу Третьяков продолжал расширять коллекцию и интересоваться судьбой музея. Он сохранял право отбора произведений, приобретая картины как на средства Городской думы, так и за собственный счет. В 1890-е годы по его инициативе были построены еще восемь просторных залов, что позволило значительно расширить экспозицию. Павел Михайлович стремился создать не просто собрание любимых картин, а первый в России музей национального искусства, отражающий историю развития русской живописи. До конца жизни он внимательно следил за развитием русского искусства и поддерживал художников.

Великий меценат скончался 16 декабря 1898 года. Дело Третьякова продолжил Совет попечителей, избираемый Государственной думой. В его состав входили в разные годы известные художники и коллекционеры: В. А. Серов, И. С. Остроухов,

Иван Крамской. «Неизвестная». 1883. Третьяков приобрел около 20 живописных полотен и ряд графических работ Крамского

И. Е. Цветков, С. А. Щербатов, И. Э. Грабарь. На протяжении почти 15 лет (1899–1913) бессменным членом Совета была дочь Павла Михайловича – Александра Павловна Боткина.

В 1902–1904 годах весь архитектурный комплекс галереи был объединен по Лаврушинскому переулку общим фасадом по проекту Виктора Васнецова. Выполненный в стиле древнерусского терема, фасад придал особый облик зданию (сегодня это одна из ярких достопримечательностей Москвы).

Новый этап в истории Третьяковской галереи начался в 1918 году, когда после национализации она превратилась в государственный музей. В советский период число ее

экспонатов увеличилось более чем в пять раз в связи с обобществлением частных коллекций и процессом перераспределения музейных ценностей.

По инициативе художника и историка искусства И. Э. Грабаря, бывшего с 1913 по 1918 год попечителем Третьяковской галереи, экспозицию галереи стали выстраивать по историко-хронологическому принципу, соблюдаемому и поныне и позволяющему наиболее полно показать развитие русского искусства от древнерусской иконописи до современности.

Сегодня Государственная Третьяковская галерея, как и мечтал ее основатель, входит в число

крупнейших художественных музеев не только России, но и Европы и по праву считается уникальной сокровищницей национального искусства. Ее коллекция насчитывает десятки тысяч работ мастеров живописи, скульптуры и графики. Практически все, что было приобретено великим меценатом, составляет подлинный золотой фонд не только Третьяковской галереи, но и всего русского искусства.

Галерея постоянно пополняется и продолжает выполнять ту миссию, которую видел для нее ее основатель Павел Третьяков: служить народу, сохранять культурное наследие и знакомить общество с лучшими достижениями русского искусства.

ЮВЕЛИРНЫХ ДЕЛ МАСТЕР

180 лет назад родился великий Карл Фаберже

НАДЕЖДА ИОНИНА,
автор книги «100 великих сокровищ»

Карл Фаберже

Изделия с клеймом Карла Фаберже вызывают восхищение как неискушенных зрителей, так и тонких ценителей и коллекционеров. Свой блистательный путь фирма начала в 1842 году, когда в Петербурге на Большой Морской улице никому не известный ювелир Густав Фаберже открыл небольшую ювелирную мастерскую.

Скромная поначалу мастерская и работы выполняла соответствующие своим размерам. Это были модные в то время золотые браслеты, броши и медальоны. Но со вступлением в дело сыновей Густава Фаберже – Карла

и Агафона – мастерская расширилась, и художественная сторона ювелирного производства стала предметом их особых забот.

Оба брата получили художественное образование за границей. Карл Фаберже, который впоследствии стал главой фирмы, учился в Дрездене, в торговой школе. После ее окончания он отправился в путешествие по Европе – совершенствовать ювелирное мастерство и одновременно изучать экономику.

В 1870 году Карл Фаберже вернулся в Петербург и сразу же приложил свои знания на практике. Кроме того, он имел редкий

дар организатора, был главным источником идей и окончательным судьей воплощенных замыслов.

Вскоре на изделия ювелирной фирмы обратили внимание и придворные круги России, которые на долгие годы стали главными клиентами Карла Фаберже.

Пасха в России всегда почиталась особо, и обычай делать подарки в виде пасхальных яиц был весьма распространен. И здесь фантазия Карла Фаберже нашла самое достойное применение, особенно изобретателен он был при создании подарков для членов императорской фамилии.

В 1885 году к празднованию Пасхи Карл Фаберже изготовил самый оригинальный сувенир: обыкновенное на первый взгляд яйцо было выполнено из золота и покрыто плотным слоем белой земли. Скорлупу можно было разъединить на две части и, подняв верхнюю половинку, заглянуть внутрь. Там, в полусфере золотого желтка, как в лукошке на яйцах, сидела маленькая курочка из цветного золота. Все детали были выполнены так тщательно, что можно было разглядеть не только невысокий гребешок или круглые птичьи глазки, но даже и самое маленькое ее перышко.

Однако чудеса на этом не кончались. Курочка в свою очередь тоже содержала сюрприз, и даже не один. В ней хранилось два миниатюрных предмета: рубиновое яичко и императорская корона. Это маленькое диво было выполнено по заказу императора Александра III для подарка жене – императрице Марии Федоровне. Сюрприз произвел самое благоприятное впечатление, и с этого времени

фирма к каждой Пасхе готовила новый подарок – всегда неожиданный и оригинальный.

Император Николай II заказывал к Пасхе два яйца и дарил одну матери – императрице Марии Федоровне, другое жене – императрице Александре Федоровне.

Карл Фаберже имел полную свободу в выборе сюжета. Работа эта была трудной, так как зачастую следовало отбирать события из жизни императорского дома или памятные даты русской истории. Например, по случаю двухсотлетия строительства Петербурга фирма Фаберже сделала к Пасхе 1903 года яйцо «Петр Великий». Яйцо украшено золотым орнаментом с мелкими алмазами и рубинами. На четырех миниатюрах на слоновой кости помещены портреты Петра I, Николая II, виды Зимнего дворца и Домика Петра Великого. Внутри яйца расположилась миниатюрная реплика знаменитого «Медного всадника», застывшего на скале из сапфира. Внутренняя крышка над памятником покрыта белой эмалью, как бы пронизанной солнечными лучами.

В Оружейной палате Московского Кремля хранятся десять пасхальных яиц, самое раннее из которых относится к 1891 году. Всего же фирма Карла Фаберже изготовила более пятидесяти пасхальных яиц для императорской фамилии, но в настоящее время известно местонахождение лишь 48 из них.

Частично изделия фирмы Фаберже были вывезены за границу русскими эмигрантами после революции. За границей оказалась редчайшая коллекция произведений Фаберже из собрания Юсуповых, составляющая теперь ядро музея Хиллвуд в Вашингтоне.

Судьба разбросала работы фирмы Карла Фаберже по всему свету.

Английское королевское собрание произведений Фаберже является самым крупным в мире и насчитывает более 450 предметов. Начала

Пасхальное яйцо «Петр Великий». 1903

собирать эту коллекцию еще королева Александра, последующие английские монархи продолжали ее пополнять. Из королевской коллекции особый интерес представляет яйцо под названием «Мозаичное», поражающее виртуозным мастерством и изысканностью ювелирной работы. На тончайшем платиновом камне вместо шелковых нитей зашвырнули и заискрились рубины, алмазы, сапфиры, зеленые гранаты. Сюрприз яйца – овальный экран на подставке с миниатюрными профильными портретами детей императора Николая II. На другой стороне экрана – корзина с цветами и надпись с датами рождения и именами новорожденных.

Особая заслуга Карла Фаберже заключается еще и в том, что он впервые использовал в своих изделиях удивительной красоты уральские и сибирские самоцветы, а также драгоценные камни Кавказа. Продавцы камней были желанными гостями в его доме, и сам он, естественно, был признанным знатоком минералов, недаром он стал оценщиком драгоценных камней при императорском дворе.

Известность приобрели и такие изделия фирмы, как часы, табакерки, портсигары, ювелирные украшения, подарки-сувениры, миниатюрные скульптурные фигурки людей, животных, миниатюрные игрушки и многое другое.

ПРЕКРАСНОЕ СИЯНИЕ

Они оставили сияющий след в духовном сердце России

АЛЕКСАНДР БАЛТИН

Анна Павлова

Портрет Анны Павловой. Начало XX века

Полеты Анны Павловой

Символ балетной высоты и фантастического полета – Анна Павлова. Несложно представить, как замирали сердца зрителей, видевших ее на сцене: воздушна и эфемерна, изящна и хрупка как северская статуэтка.

Обаяние ее танца соединялось с ощущением возможности нарушать земное тяготение – ради полета. Шедевры легкости, красоты, скульптурной пластики балерина создает словно играя, будто нет труда, будто и родилась в танце.

Мариус Петипа рано обратил на нее внимание. Минувя кордебалет, она сразу получает в Мариинке сольные, «афишные» партии. «Жизель», «Корсар», «Баядерка». Все классические образы перетолкованы ею по-своему. Нежно струится Жизель в балете Адана. Парит Низия из «Царя Кандава». Волшебством переливается образ феи Кандид в «Спящей красавице».

Дягилев, гений продюсирования, ожидает ее: мир раскрывается Павловой. Бушуют дягилевские сезоны, немыслимые без Павловой, как она – вне их.

Балет «Павильон Армида» открывает Русские сезоны Дягилева. «Сильфида» и «Клеопатра» продолжают их... Графика ее танца полна необычайной выразительности и обаяния, точно создаются эфемерные воздушные цветы.

Мир мелькает, пестрея калейдоскопом: в равной мере Египет и Новая Зеландия внемяют совершенству Павловой.

Легендарным становится сотрудничество с Михаилом Фокиным; учившийся на курс старше в театральном училище, он чувствует балерину, как никто другой, прекрасно понимая необычные возможности ее. «Танец семи покрывал» в балете «Эвника» делается специально для нее, как и «Танец со змеей» в балете «Египетские ночи».

Монолог-миниатюра «Умиравший лебедь», поставленный Фокиным, быстро становится одним из символов и эталонных сияний русского балета. Руки Павловой словно пронзают театральный воздух нервами красоты. Она порхает, превращаясь в лебедя...

Павлова любила птиц, в лондонском доме ее их было много. Она с удовольствием ухаживала за ними и также занималась цветоводством.

Ее называли Терпсихорой, воплотившейся в России. В ней выразился русский балетный романтизм.

Гастроли вихряются по миру, который заморожен, рукоплещет балерине, словно освоившей в неизвестном нам заповедье новые варианты творчества и красоты.

Не веря в возможность смерти, за два дня до оной просила приготовить свой балетный костюм и... ушла, растворившись в небесной метафизике танца, в завораживающей легенде.

Астральный свет Анны Ахматовой

Паруса поэзии ее, наполненные властной сдержанностью, прекрасно сияют, даже когда трактуется обыденность любовной драмы, трактуется так, что чистота строки и точность переданных ощущений завораживают:

*Сжала руки под темной вуалью...
«Отчего ты сегодня бледна?»
— Оттого, что я терпкой печалью*

Анна Ахматова на рисунке Амедео Модильяни. 1911

*Напоила его дотьяна.
Как забуду? Он вышел, шатаясь,
Искривился мучительно рот...
Я сбегала, перил не касаясь,
Я бежала за ним до ворот.
Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдишь, я умру».
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».*

Акмеизм как антисимволизм. Вместо туманов и зыбкости символов – предельная конкретика:

*Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.*

И на этом фоне будет твориться драма, вскроется рана трагедии: Ахматова – поэт психологии, бесконечных вариаций взаимоотношений... в том числе и с Модильяни, знающим, что он гений, пусть мир и не догадывается об этом:

*Мне с тобою пьяным весело –
Смысла нет в твоих рассказах.
Осень ранняя развесила
Флаги желтые на вязах.*

Все должно быть ясно, естественно и красиво: как красивый внешний мир.

Все должно быть торжественно: в каждом каскаде звуков заложен гимн.

Она вернется к символам, строя «Поэму без героя», зашифровывая в ней свое время, слишком многое заставившее принять в опыт.

«Поэма без героя» – современная мистерия, вращающаяся вокруг стержневой сложности мира, но голос Ахматовой не меняется, он вообще не меняется с годами:

*Я зажгла заветные свечи,
Чтобы этот светился вечер,
И с тобой, ко мне не пришедшим,
Сорок первый встречаю год.*

Но...

*Господняя сила с нами!
В хрустале утонуло пламя,
«И вино, как трава, жжет».*

*Это всплески жесткой беседы,
Когда все воскресают бреды,
А часы все еще не бьют...*

Лу Андреас-Саломе в 1897 году

Нету меры моей тревоге,
Я сама, как тень на пороге,
Стерегу последний уют...

Свечи часто вспыхивают в ее стихах,
загораются, сгорают...

Она творила библейские созвучия
так, будто расстояние между временами
стиралось, словно можно

войти было в эти библейские, осмысляемые
стихом панорамы:

И встретил Иаков в долине Рахиль,
Он ей поклонился, как странник
бездомный.

Стада подымали горячую пыль,
Источник был камнем
завален огромным.

Он камень своєю рукою отвалил
И чистой водою овец напоил.

Скорбь и сила дышали в поэзии
Ахматовой. Много скорби. И сколько
силы... Так и остается в памяти
людской, какие бы изощренные
технологии ни ткали паутину времени.

Световая сила Лу Саломе

Лу Саломе... Писательница,
философ, психоаналитик. Дружеские
отношения с Ницше, Фрейдом,
Рильке...

Сила, исходящая от Лу Саломе,
потрясала, воздействуя на такие
души, и сила эта была женственной,
полной очарования...

В фильме Л. Кавани, где Саломе
играет обворожительная Доминик
Санда, рассказывается история ее
отношений с Ницше: своеобразных
до предела, вихреватых... Красота
отношений условна, но они не
могли не обогащать, иначе бы
не возникли.

Говорят, мы получаем только то,
что необходимо для душевного и
духовного развития... Когда бы так...

Лу Саломе родилась в Петербурге,
отец был русским дворянином,
наследственное дворянство было
пожаловано Николаем I...

Ей было разрешено посещать
занятия братьев в старейшей
немецкой школе; в сопровождении
матери едет в Швейцарию
получать образование в Цюрихском
университете. Не отличалась
крепким здоровьем, отправляется
в Рим, где климат ласков. Там же
попадает в кружок М. фон Мейзенбург
— откуда и узнает Ницше. Духовное
единство... Девушка предлагает
ему создание своеобразной коммуны
с целомудренным житьем...

«Прожитое и пережитое». Она
осмысляла свою жизнь в книгах.
Эротику исследовала на грани,
одну из книг так и назвала — «Эротика».

Лариса Андерсен

С Рильке Лу познакомится,
когда ему только 21. Он еще
не разработал, не открыл свою
методу, еще не ввел в действительность
стихотворение-вещь, как потом
критики назовут его произведения.

На психоаналитическом конгрессе
Саломе знакомится с Фрейдом —
ради грядущих, долгих отношений.

Впрочем, мужчины разочаровывали
Лу. Рыцаря хотелось — да современность
противоречила. Ницше сошел с ума.
Рильке умер молодым...

А Лу Саломе осталась сгустком
неведомых чар, гипнотизировавших
великих людей, осталась и книгами —
сложно и разн.

Огни Ларисы Андерсен

Пестрой была ее жизнь... На ранних
фото Лариса Андерсен вполне
кинематографична, но, оказавшись
с первой волной эмиграции в Китае,
она становится поэтом и танцовщицей.

В Шанхае вышел сборник ее стихов
«По земным лугам» (1940).

Затем были Индия, Африка, Вьетнам,
Таити, куда командировали мужа,
сотрудника французской морской
компания.

С 1971 года жила в Париже. Все
счастливым складывалось... Она
входила в элитные литературные
круги. Ее ценил Вертинский, считая
«Божью Милостью талантом».

Игра ее стиха легка — естественное
дыхание строк словно сочетается
со своеобразной небесностью
мира. Грусть, однако, очевидно
томила всю жизнь:

Ведь совсем недавно я мечтала:
Вот как будут яблони цвести,
Приподнимет мрачное забрало
Рыцарь Счастье на моем пути.
Говорят, что если ждать и верить, —

То достигнешь. Вот и я ждала...
Сердце словно распахнуло двери
В ожиданье света и тепла!
Всё как прежде... Шевелятся тени,
Платье, зря пошитое, лежит...
Только май, верхушки яблонь вспенив,
Лепестками белыми кружит.
Месяц по стеклу оранжереи
Расплескал хрустальный образ свой,
Маленькие эльфы пляшут, рея
Над росистой, дымчатой травой...
Надо быть всегда и всем довольной.

Месяц — парус, небо —
звездный пруд...
И никто не знает, как мне больно
Оттого, что яблони цветут.

Жизнь слишком непонятное
предприятие, чтобы прояснилась:
даже через призмы творчества
не становится яснее; к тому же
больше остается, все не вмещается
во временной отрезок, отпущенный
всякому.

Анна Герман

Нежная гармония Анны Герман

День может быть тяжек, душен, зловещ; он может разбить надежды, которые все равно не сбудутся... Но если послушать вечером несколько песен Анны Герман, дуновением садов и тепла согреет душу.

Ее манера пения представляется простой, бесхитростной, однако именно она согрета таким внутренним раем, столь нежной гармонией, что хочется слушать и слушать, припадать к ее музыке вновь и вновь, обретая надежду, компас земной, понимая... насколько один раз в год цветут сады.

Какой-то год станет последним: у певицы их оказалось немного, но достаточно, чтобы раскрыться своеобразным цветком музыки и сценического мастерства.

Она не сразу определилась с призванием, поскольку хорошо рисовала и мечтала о школе изящных искусств. Но поступила на геологический факультет...

В вузе Анна записалась в молодежный театр «Каламбур». После получения диплома ей удалось добиться разрешения на концертную деятельность. Международный песенный фестиваль в Сопоте сделал ее известной... Она выступала там еще не раз, пока песня «Танцующие Эвридики» не позволила ей достичь гребня успеха.

Волна поднимала ввысь и ввысь: песни согревали. Москва. Мировое турне.

Она кажется мягкой, доброй, готовой вобрать все ваши переживания, и, погасив их своим пением, искупать вашу душу в нем, очищающем.

Она как будто лучится. Тонкое лицо светится добротой.

Пережив тяжесть автокатастрофы, вся переломанная, она жила и боролась. Не просто

выжила – вернулась в профессию, чтобы исполнить песни Александры Пахмутовой «Надежда», «Нежность», ставшие пиковыми в ее карьере.

Ее жизнь оборвется рано. Она не знает еще, расплескивая надежду, даря нежность, звуча эхом любви... Даря все то, что навсегда остается людям.

Альфа Анастасии Вяльцевой

Улыбка ее царила, сияя, одаривая слушателей, и строгий ценитель В. И. Немирович-Данченко признался, сколь большое удовольствие доставило ему пение Вяльцевой.

Экспрессия, вплетенная в тембр ее голоса, по свидетельствам современников, таила «странный наркотический аромат». Фразировка и дикция были точны. Каждый жест выверен.

Как крестьянка по происхождению могла стать чуть ли не эталоном женственности и изыска, остается тайной и загадкой ее судьбы, но популярность Вяльцевой была огромна.

Аристократические салоны, рафинированные артистические круги. Поэзия тлена и распада – звучит и играет серебро века. Цыганские романсы взрывались и, огнем опалив, заставляли биться быстрее любые сердца. Блок любил романсы в исполнении Вяльцевой.

А начинала она в балетной труппе. Театральный предприниматель Яков Щукин сыграл огромную роль в ее судьбе. В оперетте пришел первый успех. Затем начались сольные концерты.

Все должно кружиться, мелькать и сверкать. Яркие платья цыганок взвиваются разноцветно, страстно... Все бесконечно, как бесконечно и бессмертие Анастасии Вяльцевой.

Анастасия Вяльцева

СВЕТ, КОТОРЫЙ НЕ ЗНАЕТ ПРЕГРАД

Ольга де Лакруа создала не просто серию книг, а новую этическую координату в современном искусстве, где во главе угла стоит достоинство Человека Творящего

Иллюстрация Елены Кузнецовой к рассказу Галины Ушаковой «Домик в горах»

В нашем мире самая высокая и труднопреодолимая стена по-прежнему остается в человеческом сознании. Это стена между «мы» и «они», между «нормой» и «особенностью». Проект «Свет» (First Creative Association Light) возник как дерзкий и в то же время удивительно естественный

ответ на этот невидимый барьер. Его основательница Ольга де Лакруа сформулировала простую, но революционную в своей искренности миссию: вернуть искусству его изначальную роль – быть универсальным мостом, по которому может пройти каждый, у кого есть что сказать миру.

«Свет» – это не классический благотворительный фонд в привычном понимании слова. Это международный волонтерский хаб, живая гуманитарная сеть, которая объединила под своим крылом тех, кто долгое время находился в «слепой зоне» общественной жизни.

В эпоху, когда культурные связи между странами проходят через суровые испытания, «Свет» продолжает строить свои мосты. Более десятка наград, в том числе международных, участие художников из многих стран мира – это не просто статистика, это доказательство того, что искусство остается единственным пространством, где не существует санкций на доброту и таланты.

Сила проекта – в его бескомпромиссном отношении к качеству. Здесь не принято делать скидку на диагноз. Напротив, инклюзия в понимании Ольги де Лакруа – это союз высочайшего профессионализма и искренности. Высокое искусство здесь становится не просто декорацией, а мощнейшим инструментом социальной интеграции, когда читатель, открывая книгу, видит не «особого автора», а уникальную вселенную, созданную силой человеческого духа.

Ольга – потомок известной революционной династии российских промышленников Бакановых. В те времена звание промышленника накладывало на человека негласное, но священное обязательство: *noblesse oblige* – положение обязывает. Успешный бизнесмен был обязан быть филантропом, строить

не только фабрики, но и больницы, школы, библиотеки.

«Для меня преемственность – это не пышные титулы и не архивные документы, пылящиеся в шкафу, – признается Ольга. – Это живая ответственность за сохранение того этического кода служения обществу, который был фундаментом русской элиты. Я чувствую за спиной поддержку поколений, которые верили: богатство и возможности даются человеку для того, чтобы он мог менять мир к лучшему».

Эта связь времен получила свое официальное и статусное подтверждение. Деятельность Ольги и ее проект «Свет» официально поддержаны Союзом потомков российских дворянских семей под руководством Олега Щербачева. Это не просто рекомендация – это знак доверия от хранителей исторической памяти. В письме Олега Щербачева подчеркивается: проект «Свет» является «совершенным культурным мостом», объединяющим историческое наследие с современными социальными вызовами. Знаковая презентация проекта в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына стала моментом триумфа, где потомки дворянских семей и современные художники объединились вокруг идеи культурной дипломатии.

Ольга де Лакруа часто использует метафору «невидимого кокона» или «скорлупы», в которой вынуждены жить люди с тяжелыми заболеваниями. Общество видит только внешнюю оболочку – коляску, слуховой аппарат, белую трость – и совершенно не замечает ту необъятную вселенную таланта, которая пульсирует внутри. Миссия проекта «Свет» – помочь авторам проклянуться сквозь эту скорлупу и заговорить в полный голос на языке высокой литературы.

Одной из самых пронзительных героинь проекта стала Тамара Черемнова. Ее жизнь – это летопись

невероятного мужества. Проведя более 30 лет в закрытых социальных учреждениях с диагнозом ДЦП, она не только не сломалась, но и стала автором мирового масштаба. Ее история была отмечена в почетном списке *BBC 100 Women*, став глобальным посланием о человеческой стойкости. В проекте «Свет» голос Тамары звучит как манифест: талант не может быть заперт в четырех стенах.

Каждый автор книг проекта – это пример интеллектуального превосходства над физическими ограничениями. Десятилетняя Гюзель Гайнутдинова из Казани, имея множество сложных заболеваний, не может самостоятельно сидеть или говорить. Однако она набирает тексты на компьютере одним пальчиком, свободно пишет на русском, татарском и английском языках. Ее сказки – это не детские забавы, а глубокие философские размышления о смысле жизни, которые поражают даже опытных литераторов. «Я хочу ластиком стереть мою особенную жизнь и восторгаться миром в стихах и поэмах», – пишет Гюзель, и ее слова становятся реальностью благодаря проекту.

Интеллектуальный калибр участников союза разрушает любые стереотипы. Давид Урецкий, свободно владеет несколькими европейскими языками; Владимир Бухтияров победитель телевизионных интеллектуальных шоу; Татьяна Маркинова, по образованию учитель русского языка, не просто пишет сказки, но и является депутатом, а также паралимпийским призером; Дарья Добош, мужественная девушка с ДЦП, вошла в историю спорта как автор образа дельфина на лыжах – одного из претендентов на статус талисмана Олимпийских игр в Сочи.

Проект объединяет людей разных поколений и профессий. Здесь есть актер и телеведущий Евгений Берологовцев, чьи сказки наполнены

Ольга де Лакруа, основатель международного благотворительного проекта «Свет»

лондонским колоритом и верой в «рождественское чудо». Есть Марина Козикова, чемпионка по танцам на колясках, чьи ироничные детективы и юмористические рассказы вошли в шорт-листы престижных литературных премий. Библиотекарь Любовь Малофеева, заслуженный работник культуры, почти лишившись зрения, продолжает открывать для детей «двери в удивительную страну фантазий».

Особый феномен проекта – Диана Слипечкая из Хабаровска. Это единственный участник, выступающий в двух ролях: как автор глубоких текстов о народах Приамурья и как профессиональный художник-иллюстратор. Имея серьезные ограничения по зрению, Диана создает миры, которые уже хранятся в музейных фондах разных стран. Диана – пример того, что инклюзия может быть не просто «социальной», а элитарной и высокоинтеллектуальной.

Иллюстрации Игоря Олейникова к сказке Татьяны Чурзиной «Новый год в лесу»

«Мы все разные, но мы ТАКИЕ ЖЕ, как вы», – эта фраза из вступления к книгам «Света» стала девизом проекта. Ольга де Лакруа сознательно уходит от интонации сострадания. Она показывает своих авторов как героев нашего времени – вокалистов и ученых, журналистов и спортсменов, фотомоделей и создателей песен. Их творчество – это реальная социальная интеграция. Когда книга попадает в руки читателя, остается только чистый талант, перед которым отступают любые преграды.

Ольга убеждена: если история написана человеком, преодолевающим боль, то ее визуальное воплощение должно быть безупречным. Именно этот бескомпромиссный подход позволил объединить вокруг проекта «золотой фонд» современной иллюстрации.

К работе над книгами присоединился Игорь Олейников – единственный в России обладатель Золотой медали имени Ганса Христиана Андерсена (своего рода «Нобелевской премии» для детских художников). Его работы превращают сказку в монументальное полотно, где свет и тень рассказывают историю наравне с текстом. Рядом с ним трудятся мастера, чьи имена украшают лучшие издательства мира: Ольга Моница, семья художников Оболенских, Юлия Гукова (член Международной организации художников ЮНЕСКО), Александр Яковлев, Евгения Двоскина, Маша Коротяева, Виталий Дударенко, Екатерина Бабок, Владимир Распутин. Это не просто иллюстраторы – это визионеры, чьи картины находятся в частных коллекциях от Японии до Канады.

Сегодня география проекта – это восемь стран и три континента. Более 30 профессиональных художников из Франции, США, Австралии, России, Германии, Израиля, Черногории и Беларуси создали уникальный международный десант.

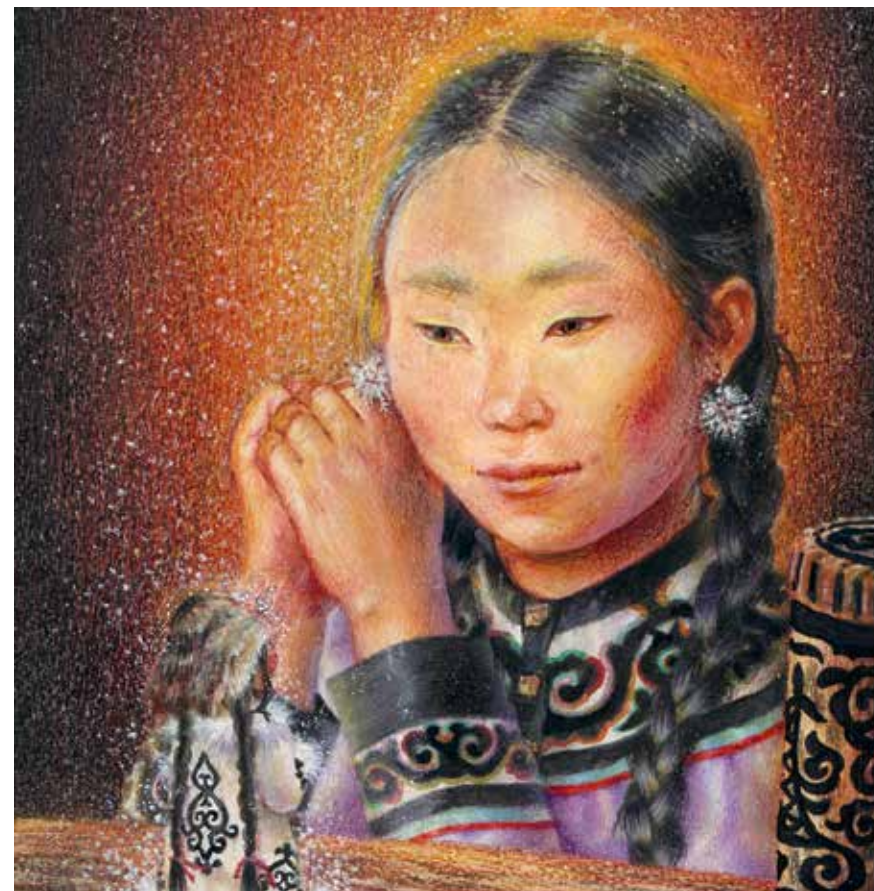
Среди них: Елена Кузнецова, сотрудничающая с парижским Лувром; Сергей Иванов, работавший главным художником крупнейших американских научных журналов; Суазик Ванне-Гатино, создательница схем вышивок для вышивальщиц всего мира; Андрей Попов, ироничный художник, участник нескольких сотен международных выставок и обладатель стольких же наград.

Над литературной огранкой текстов вместе с российскими коллегами трудится редактор из Франции Валентина Чепига-Шарье. Такая синергия культур и стилей делает проект «Свет» уникальным гуманитарным хабом, который продолжает работать вопреки любым геополитическим границам.

Институциональное признание проекта подтверждается цифрами и фактами, которые говорят сами за себя. В копилке объединения – 12 престижных наград. Среди них – диплом международного конкурса «Образ книги», признание Ассоциации книгоиздателей (АСКИ) за «Лучшую книгу для детей и юношества», приз «Короли изящных искусств» и победы в профессиональных книжных премиях.

Презентации «Света» проходят на таких знаковых площадках, как Мариинский дворец, Красная площадь, Российская государственная детская библиотека и Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына. Сюжеты о проекте в прайм-тайм на Первом канале и канале «Россия-Культура» открыли смыслы «Света» многомиллионной аудитории.

Василий Ливанов, легендарный «Шерлок Холмс» и почетный кавалер ордена Британской империи (МВЕ), не только дал высокую оценку проекту, но и подарил свой неподражаемый голос аудиовersionам сказок. Вместе с ним проект поддержали Инна Чурикова, Владимир Меньшов, Наталья Варлей, Сергей Никоненко. Когда такие

Сказка «Нанайская Снегурочка». Текст и иллюстрации Дианы Слипецкой

титаны культуры называют проект «подвигом», становится ясно: Ольга де Лакруа создала не просто серию книг, а новую этическую координату в современном искусстве, где во главе угла стоит достоинство Человека Творящего.

Сегодня проект «Свет» (*First Creative Association «Light»*) стоит на пороге открытия международной штаб-квартиры в Лондоне – городе, где инклюзивное искусство и социальная ответственность возведены в ранг государственной и общественной философии. Получение престижной британской визы *Global Talent* – это не просто формальный статус, а официальное признание Великобритании того факта, что проект «Свет» является исключительным вкладом в мировую культуру.

Планы Ольги де Лакруа выйдут далеко за рамки книгоиздания.

«Мы переросли формат бумажной страницы, – заявляет основательница проекта. – Наша следующая цель – создание мультимедийного хаба и профессиональной студии, которая займется производством художественных и документальных фильмов, основанных на невероятных судьбах наших авторов».

Ольга верит: когда история таланта, запертого в «невидимом коконе», обретает киноязык, она способна менять не только судьбы отдельных людей, но и ментальность целых наций.

«Свет» продолжает свое движение. Ведь в мире, который Ольга строит вместе со своими художниками и авторами, больше нет «слепых зон». Остается только чистое творчество и вера в то, что у человеческой фантазии действительно нет границ.

ИНТЕРВЬЮ

«НЕНУЖНАЯ» КОЛЛЕКЦИЯ

Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский поделился историей одной из своих коллекций

Беседу вели
ИРИНА ДИН (ХОХОЛЕВА) и МАРИЯ АФИЦИНСКАЯ-ЛЬВОВА

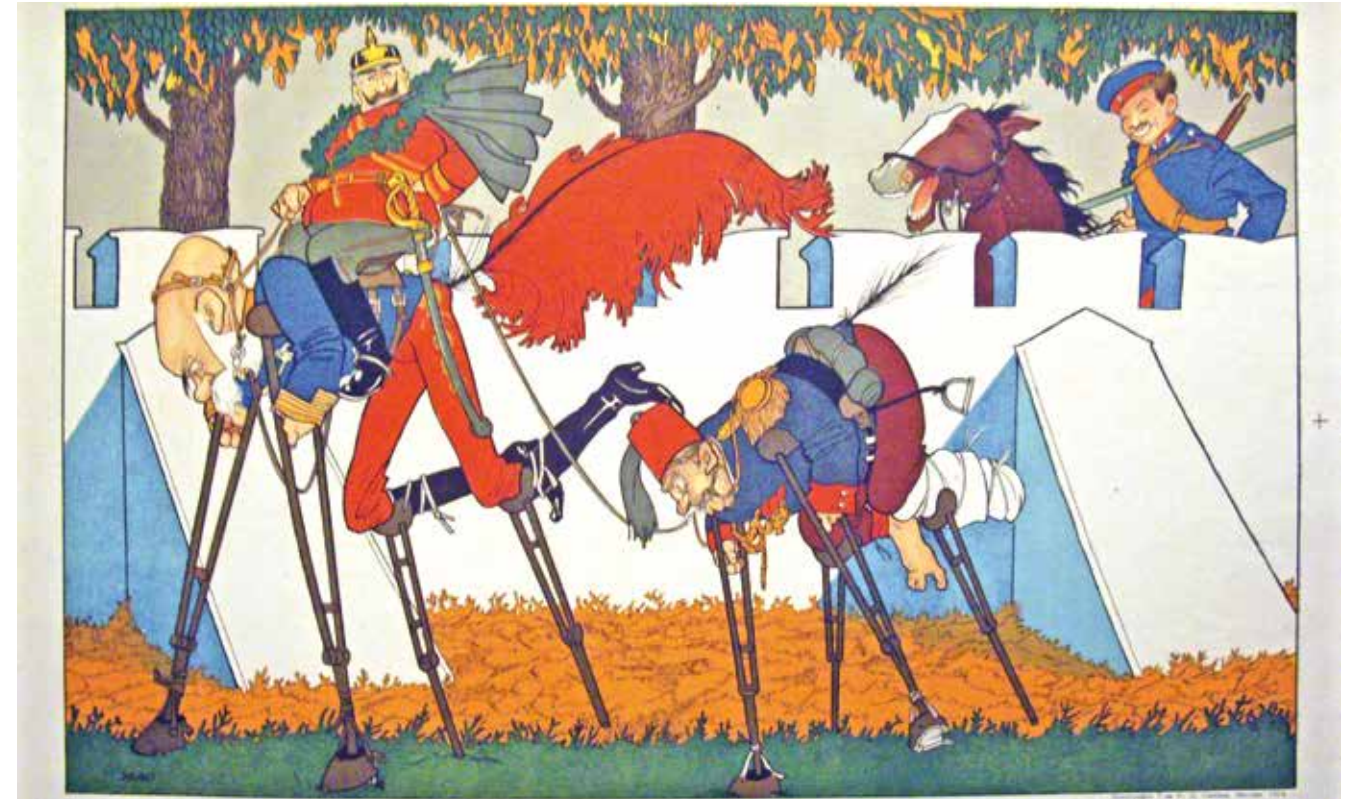
Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский в 2025 году / Фото: Алена Саммер

В Музее Виктории и Альберта в Лондоне хранится примечательная коллекция русских плакатов 1920-х годов, купленная у коллекционера, мецената и историка искусства Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского. В интервью журналу «Мир музея» коллекционер рассказал о том, как это было и почему он расстался с плакатами. В этом разговоре о конструктивистах и советской таможне, случайностях и людях – не просто история коллекции, но и метафора времени.

Ирина Дин: Никита Дмитриевич, почему у вас появился интерес к русскому революционному плакату?

Никита Лобанов-Ростовский: Потому что именно русский революционный плакат стал ведущим направлением в Европе 1920-х годов. Как за полвека до того Тулуз-Лотрек во Франции ввел новую концепцию плаката – лаконичную, выразительную форму, так и Эль Лисицкий с конструктивистами освободили плакат, сделали его предельно ясным и функциональным. Их цель была проста: чтобы пролетариат мог четко понять новую идеологию. Плакаты 1920-х годов – это значительная страница в истории русского искусства.

Мало кто знает, что в Лондоне, в Музее Виктории и Альберта, хранится обширная коллекция подобных плакатов. И среди них есть, безусловно, всемирно известные – например, «Клином красным бей белых» Лисицкого. История того, как эти плакаты

Лубочный плакат «Вильгельмовы скоты». М.: Литография Т-ва И.Д. Сытина, 1914 г. 56,2 x 40,8

Дмитрий Моор. Сельскохозяйственная коммуна. Ок. 1920–1930 гг. Гравюра на дереве. 36,5 x 54

В. В. Маяковский. Плакат-лубок «Царствование Николая Последнего». Издательство «Парус», Петроград, 1917 г. Тема этого плаката — государственная монополия на алкоголь. Печатный плакат сопровождали строки Маяковского: «Радуйся Саша! Теперь водка наша!» // «Как же знаю, Коля, я, // Теперь монополия!»

попали в музей, сама по себе показательна.

И. Д.: Расскажите, пожалуйста, как вы приобрели свою коллекцию? Это была разовая покупка или многолетнее собирательство?

Н. А.-Р.: В поисках театральных эскизов я по совету американского искусствоведа Джона Болта познакомился с русским еврейским интеллигентом Виктором Холодковым. Он был математиком, но подрабатывал, продавая книги, картины и плакаты. У него было две квартиры в Москве: в одной он жил, а другая была буквально забита разными вещами. Он и рассказал мне о своих плакатах.

Из 500 экземпляров мне показали интересными, может быть, 20.

Однако продавать их по отдельности Холодков категорически отказывался. Поэтому мне пришлось купить все.

500 плакатов — это огромное количество. Некоторые из них были размером в половину этого стола (показывает на стол длиной около двух с половиной метров). Это было в 1989 году. Представьте себе, как в советское время можно было вывезти 500 плакатов из СССР!

И. Д.: И как же удалось их вывезти? Они же уже считались культурной ценностью.

Н. А.-Р.: Холодков, эмигрируя в США по еврейской линии, вывез эти плакаты и множество книг. Как он это сделал? Очень просто. Он нашел транспортную компанию, возившую контейнеры между

Советским Союзом и Италией. Часто машины возвращались в Италию пустыми. Холодков договорился с водителями, по всей Москве скупал чемоданы, заполнял их книгами и плакатами, и грузовики увозили их в Милан.

Это был мелкий, не очень честный бизнес водителей грузовиков. Разрешение на провоз товаров выдавали за взятки, которые тогда были настолько малы, что поговаривали, будто при таком их уровне можно было вывезти даже слона, если знать нужных водителей и таможенников.

Так что все прошло гладко, я сразу получил всю партию. В Советском Союзе таможенные документы не описывали содержание вывозимого товара.

Запрет на вывоз почти всего — типичный подход всех неразвитых стран, где таможня является одним из главных источников дохода страны. Это наследие сохранилось и после распада СССР. Например, если вы приезжаете на Украину с чем-либо старше 50 лет, это изымается.

Я, к сожалению, сам попал в подобную ситуацию. Один мой друг летел в Москву, и я попросил его взять чемодан с книгами для музея в Ростове. Но ему по служебным причинам пришлось заехать в Киев, где на таможне чемодан задержали. Среди книг было старое (около 150 лет), но не редкое издание Гете. Этот пример хорошо показывает психологию: в Советском Союзе вывоз или ввоз чего-либо старого был практически невозможен.

И. Д.: Почему вас заинтересовали именно эти 20 плакатов?

Потому что они мирового уровня. Я уже упоминал Лисицкого с его «Клином красным бей белых». Подлинных экземпляров этого плаката чрезвычайно мало, фальшивых — множество. В Ленинской библиотеке (ныне — Российская государственная библиотека. — Прим. ред.), например, мне за последние 50 лет отказывали даже в возможности сфотографировать оригинал — под предлогом вечной «реставрации». Дело в том, что на подлинниках, как в Ленинке, так и в Музее Виктории и Альберта, есть типографские знаки, которые подделыватели не воспроизводят. По ним и можно отличить дешевую копию от настоящего шедевра.

Когда я получил эти плакаты, многие из них мне не особо были нужны, но стоимость тех 20, что меня интересовали, перекрывала цену всех остальных.

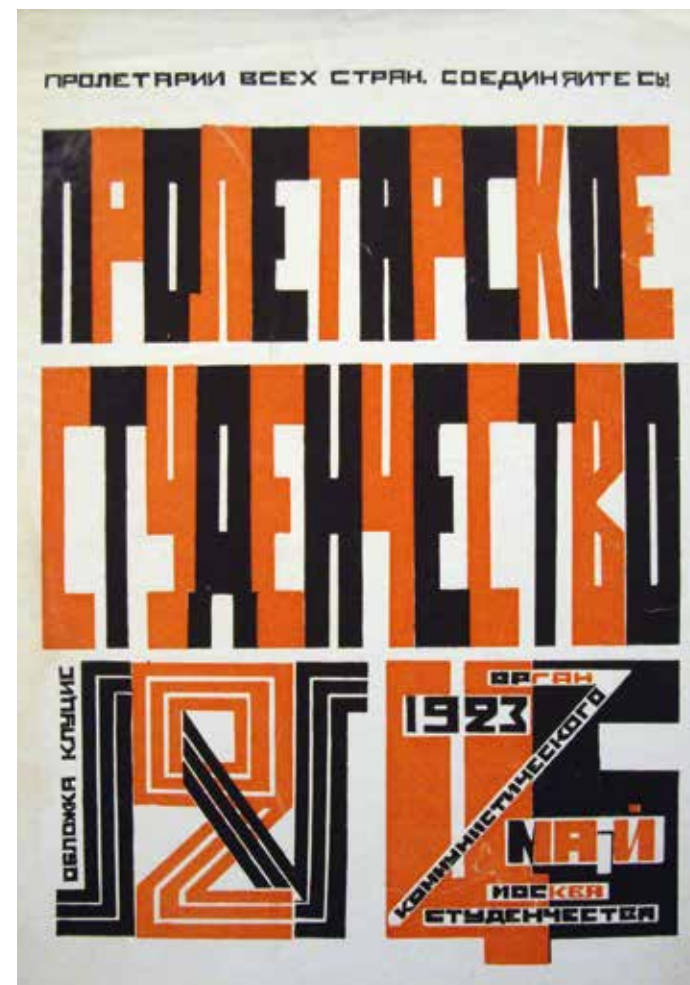
По счастливой случайности я был знаком с хранильницей плакатного архива Музея Виктории и Альберта. В четыре или пять этапов

у меня купили всю партию. Даже письмо сохранилось, где они удивлялись: «Почему вы так дешево продаете и так легко расстаетесь с плакатами?» Я бы их и просто так отдал музею, но по опыту знаю, что к дарам часто относятся небрежно. А когда за них заплатили, спрос с хранителей более строгий.

Некоторое количество особенно ценных плакатов я продал крупнейшему коллекционеру в мире — американцу Меррелу Эрдману. Он был брокером, торговал свиными потрохами на Чикагской товарной бирже и собрал самое обширное собрание плакатов в мире. Так, собственно, и объясняется, каким образом эти советские плакаты оказались в Лондоне, а часть их — в Чикаго. Я до сих пор храню папку с подтверждениями передачи плакатов музею.

Мария Афицинская-Львова: Вы обычно передавали свои коллекции российским музеям. Почему это собрание революционных плакатов решили оставить в Европе, именно в Музее Виктории и Альберта?

Н. А.-Р.: Просто так сложилось. Потому что эти плакаты никогда не входили в круг моих интересов.

Они достались мне почти даром и, по сути, были случайной покупкой. И откровенно говоря, я хотел поскорее избавиться от ненужного, пристроив коллекцию в надежные руки. Не везти же все обратно? А в Музее Виктории и Альберта в то время уже была значительная коллекция плакатов, и у меня там были знакомства.

И. Д.: Какие плакаты вы все же оставили себе?

Н. А.-Р.: Оставил театральные — они соответствовали тематике моего коллекционирования. Их стоимость, как я уже говорил, перекрывала цену остальных 480 плакатов. Так что я расстался с ними без сожаления. Театральные же вошли в мою коллекцию.

НАШИМ СООТЕЧЕСТВЕННИКАМ

ВИЛЛА В СОРРЕНТО: КОЧУБЕИ И ГОРЧАКОВЫ

Беседа Неониллы Пасичник с Александром Кочубеем

Александр Кочубей с супругой Анной перед собором Святого Александра Невского. Париж, Франция, август 2024. года

Общение с Александром Андреевичем Кочубеем всегда приносит новые открытия. Мы старинные друзья с 2013 года по Киеву, куда Александр Андреевич прибыл на церковный вечер, посвященный традиционным

семейным ценностям. Нет нужды напоминать о том, что Александр является прямым потомком пушкинского Кочубея, который «богат и славен». В свой 55-летний юбилей Александр с присущим ему мастерством рассказчика поделился

с нами захватывающими подробностями своей семейной истории. Самым невероятным оказалось то, что внучка министра иностранных дел Российской империи княжна Елена Константиновна Горчакова и ее дочь, которые жили на знаменитой *Villa Gortchacow* в Сорренто, – родственники семьи Кочубей!

Александр Андреевич, благодарю вас за согласие поделиться с нами историей вашей семьи.

Давайте сразу перейдем к истории семьи моей матери и Сорренто. Многое из прошлого, как и связь Горчаковых с Сорренто, затерялось в памяти нашей семьи. Случайность и любопытство помогли мне восстановить следы былого, что, в свою очередь, способствовало пониманию более широкого контекста исторического пути моей семьи. Совершенно случайно в Сорренто я забронировал номер в отеле под названием *Parco dei Principi* во время нашей с супругой Анной поездки по Амальфитанскому побережью. Мы уловили аристократический подтекст в названии отеля, отсылающий к итальянской и русской знати. Каково же было наше удивление, когда обнаружилось, что я не только забронировал номер в отеле с прекрасным садом! Как оказалось, на территории гостиницы находилась вилла, которая принадлежала моей семье в течение почти восьмидесяти лет.

Удивительное открытие! Кочубеям должно быть «страшно» путешествовать не только в России

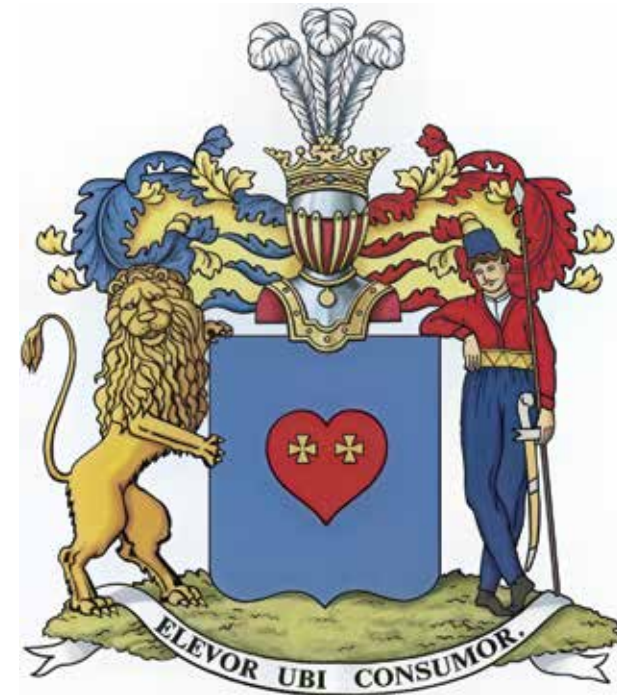
и Европе, США, но и на других континентах – везде ступала нога членов обширной семьи!

Я не знаю, с чего начать эту историю, учитывая, что о самом Сорренто и вилле Горчаковых сказано предостаточно самыми искусными мастерами слова и архивистами, о чем, разумеется, я узнал впоследствии. Например, из исследования Ренаты Де Лоренцо о семье Елены Горчаковой-Солдатенковой в очень хорошем переводе Михаила Талалая.

Но там нет ни слова о семье Кочубей...

Поэтому начну с моего прапрадеда светлейшего князя Константина Александровича Горчакова (1841–1926), сына последнего канцлера, министра иностранных дел, светлейшего князя Александра Михайловича Горчакова (1798–1883) и его жены светлейшей княгини Марии Александровны, рожденной княжны Урусовой (1801–1853). Читателям хорошо известно, что канцлер был одноклассником Александра Сергеевича Пушкина в Царскосельском лицее. Среди наиболее примечательных историй, связанных с их дружбой, можно вспомнить, что канцлер был не только последним оставшимся в живых одноклассником поэта. Именно он был тем, кто спрятал рукопись поэмы «Монах» в своем архиве, потому что всегда считал эти озорные строки недостойными пера Пушкина. До обнаружения автографа в 1883 или 1884 году литературный мир считал поэму утраченной.

Вы подводите меня к мысли об участии будущего канцлера

Герб рода Кочубеев

Горчакова в изъятии переписки Пушкина и герцога ди Серракаприола с последующей передачей части архива поэта в Италию? Впрочем, за шуточные строки 14-летнего Пушкина в поэме «Монах» («За ужином дремать у Горчакова») можно было рукопись не только припрятать, но и уничтожить. Слава Богу, что этого не произошло. Но у пушкинского персонажа прототипом был Святитель Иоанн Новгородский! Пожалуй, вернемся к Горчаковым.

История канцлера и его сыновей сама по себе заслуживает отдельного рассказа. К примеру, его сын светлейший князь Константин Александрович женился на богатой наследнице светлейшей княжне Марии Михайловне Стурдза, дочери последнего правящего господаря Молдавского княжества. К моменту свадьбы дочери в 1868 году, моя прапрапрабабушка княгиня Смаранда Стурдза (урожденная княжна Вогоридес) еще не владела вилой в Сорренто.

Ее зять князь Горчаков и сам сумел скопить значительное состояние в России. Одним из его предприятий была винодельня в Крыму, обладавшая исключительным правом на поставку церковного вина во все епархии Русской Православной Церкви.

Константин Александрович Горчаков был невероятно красив, что вызывало горячий восторг у женщин, но доставляло князю немало хлопот на протяжении всей жизни. К 1883 году в семье уже было пятеро детей. Тогда же умер его отец. Канцлер оставил своим двум сыновьям значительное состояние.

Великолепное поместье в Сорренто прежде принадлежало семье графа Сиракузского Паоло Леопольдо Бурбона, двоюродного брата короля Неаполя. По титулу владельца имение получило название вила Сиракуза. На гербе над главным входом, сохранившимся до наших дней, изображен слева орел – это герб города Чернигов. Надо сказать, что сейчас Чернигов находится на Украине, а во времена правления династии Рюрика – это было единое государство Киевской Новгородской Руси. Потомки Рюриковичей, а именно ветви Ольговичей, князья Горчаковы в качестве геральдической эмблемы используют герб Чернигова. Справа посетители видят голову быка – это часть герба молдавских господарей Стурдза.

Вы с супругой обнаружили герб и сумели определить принадлежность виллы чете Горчаковых!

Поместье, разумеется, еще не называлось вилой Горчаковых, когда мои прапрапрадеды Михаил Стурдза вместе с супругой Смарандой узнали о ее продаже.

Светлейший князь Александр Михайлович Горчаков (1798–1883). Портрет кисти Егора Ботмана. Около 1874

Принцесса, или по-русски княгиня Смаранда Стурдза (урожденная принцесса Вогоридес), была очень богатой женщиной и приобрела прекрасное имение в Париже (самый большой частный земельный участок в городе на тот момент), и, вероятно, именно ее деньги позволили супругам Стурдза приобрести виллу в Сорренто в 1870-х годах. Лишь после их смерти в 1884 и 1885 годах, их единственный выживший ребенок княгиня Мария Михайловна Горчакова

(1849–1905) поселилась на *Villa Gortchacow* после развода с князем Константином Александровичем Горчаковым.

Потрясающую виллу полностью отреставрировала княгиня Мария Михайловна и, должно быть, принимала невероятных гостей на не менее невероятных вечерах или балах в Российской империи. Не будем забывать, что супруги принадлежали к двум влиятельным и могущественным семьям. Оба были чрезвычайно

богаты, даже несмотря на то, что развелись в 1886 году. Как бы ни был болезнен развод, имущество осталось в руках семьи Горчаковых и, разумеется, в основном использовалось светлейшей княгиней Марией Михайловной. Будучи богатой разведенной женщиной, княгиня провела свои последние годы в путешествиях между собственными многочисленными владениями в Париже, Швейцарии и Италии.

Каждый из детей супругов Горчаковых в конечном итоге унаследовал имущество за пределами Российской империи. Поскольку младшая дочь Елена Константиновна переехала в Италию вместе со своим мужем Василием Васильевичем Солдатенковым, можно с уверенностью сказать, что чета пользовалась виллой в Сорренто.

А в каком родстве состоят ваша мама и хозяйка виллы в Сорренто?

Моя мама – Дарья Константиновна, урожденная светлейшая княжна Горчакова. А внучка выдающегося министра иностранных дел Российской империи светлейшая княжна Елена Константиновна Горчакова, владевшая виллой в Сорренто, – двоюродная бабушка моей мамы. Надо сказать, что супруг хозяйки виллы Василий Васильевич Солдатенков был сыном видного московского купца, не так давно получившего дворянский титул. Он служил в российской дипломатической миссии в Риме. Как и его супруга, присутствовал на Императорском балу 1903 года в довольно примечательном костюме сокольника. Через год после свадьбы, состоявшейся в 1901 году, у супругов родилась дочь Елена Васильевна. Спустя несколько лет после брака они расстались, а к 1913 году развод был окончательно оформлен. Солдатенков слыл настоящим плебеем, увлекался автогонками, играл в шахматы и, разумеется, волочился за красивыми

женщинами. Поговаривали, что его любовницей была Лина Кавальери (1874–1944). В числе поклонников оперной дивы оказался князь Александр Владимирович Бястинский, конечно, до того как он обвенчался в изгнании со светлейшей княжной Екатериной Юрьевской, дочерью государя Александра II от мorganатического брака.

В семье Бястинских сохранилось воспоминание о том, что итальянскую оперную певицу с русским князем связывала дружба до самой его смерти в 1910 году во Флоренции. Что же стало с виллой Горчаковых потом?

Пока шел бракоразводный процесс Солдатенковых, Елена Константиновна обрастала слухами про, как бы это сказать, якобы собственную потребность в исключительно женском обществе. Намек осведомленному читателю ясен. По иронии судьбы Елене Константиновне досталась вилла в Сорренто... Впоследствии на ее вилле поселилась компаньонка, занимавшаяся гончарным искусством. Наверняка и Елена Константиновна была искусным керамистом.

К слову, в собственном исследовании Михаила Талалая «Вилла Горчакофф в Сорренто – экзотический очаг русской жизни» есть упоминание о том, что этой компаньонкой была художница Надежда Любавина. Она в 1922 году вышла замуж за индуса (участника национально-освободительного движения), при котором состояла переводчицей. В 1924 году уехала с матерью и мужем из России через Константинополь в Милан, ездила к Горькому в Неаполь, написала его портрет. Так что же стало с Горчаковой-Солдатенковой?

Как и ее братья и сестры, княжна Горчакова, безусловно,

унаследовала значительное состояние, но обвал фондового рынка 1929 года, война и неудачные инвестиции оставили ее почти без гроша. По окончании Второй мировой войны ей пришлось продать и покинуть виллу. Скончалась Елена Константиновна в 1948 году, похоронена в Риме.

Бывший ее супруг Солдатенков добился наибольшего успеха в 1911 году на довольно престижной гонке, управляя Mercedes PS. Он занял третье место, а победителем стал итальянец Джованни Эрнесто Чейрано. Его главный вклад в теорию шахматных дебютов связан с одним из ответвлений королевского гамбита, который даже был назван в честь Солдатенкова.

Александр, расскажите, пожалуйста, подробнее о маминих родителях Горчаковых. Почему затерялись следы Villa Gortchacow в памяти семьи Кочубей?

Мой дедушка светлейший князь Константин Александрович Горчаков вместе с супругой светлейшей княгиней Марией Александровной (урожденной Вырубовой, 1912–2000), жили после 1964 года в Милане. По выходе на пенсию они часть года проводили в Порто-Эрколе. Там дедушка познакомился с дочерью второй жены Василия Васильевича Солдатенкова. Наверняка дедушка поддерживал контакт со своей двоюродной сестрой Еленой Васильевной Гарджуло (урожденной Солдатенковой). Ни об одном из этих знакомств дедушка семье не сообщал. Это наводит меня на мысль, что присутствие Горчаковых в Сорренто в первой половине XX века оставалось в значительной степени незамеченным моим дедушкой и его братом, которые выросли в Лозанне в Швейцарии. Полагаю, что ранняя смерть их отца, светлейшего князя Александра Константиновича

в 1916 году, может объяснить отсутствие связей с более широкой семьей Горчаковых.

Каковы истоки столь тесных контактов вашей семьи с Италией?

Мой отец и его сестра родились во Флоренции в 1930-х годах, но я хотел бы начать со стихотворения, написанного в 1863 году князем Петром Андреевичем Вяземским и посвященного его другу, моему прапрадеду Николаю Аркадьевичу Кочубею (1827–1865), который умер в городе «Серениссим» (как мы с друзьями между собой любим говорить о старой Венецианской республике):

Николаю Аркадьевичу Кочубею

Венеция прелесть, но солнце ей нужно,
Но нужен венец ей алмазов и злата,
Чтоб все, что в ней мило, чтоб все,
что там южно,
Горело во блеске без туч и заката,
Но звезды и месяц волшебнице нужны,
Чтоб в сумраке светлом, чтоб ночью
прозрачной
Серебряный пояс,
нашейник жемчужный
Сияли убранством красы
новобрачной.
А в будничном платье под
серым туманом,
Под плачущим небом,
в тоске дожденой
Не действует прелесть своим
талисманом,
И смотрит царица старухой
несносной.

Не знаешь, что делать
в безвыходном горе.
Там тучи, здесь волны
угрюмые бродят,
И мокрое небо, и мутное море
На мысль и на чувство
унынье наводят.

Светлейший князь Константин Александрович Горчаков в костюме боярина времен царя Алексея Михайловича на Императорском костюмированном балу 1903 года

Под этим уныньем с зевотой
сердечной,
Другим Робинсоном
в лагунной темнице,
Сидишь с глазу на глаз ты
с Пятницей вечной,
И тоиных семь пятниц сочтешь
на седмице.
Тут вспомнишь, что метко сказал
Завадовский,
До прозы понизив морскую красоту:
«Здесь жить невозможно,
здесь город таковский,
Чтоб в лавочку сбегать –
садися ты в лодку».
27 октября 1863, Венеция

Это стихотворение всегда не давало мне покоя, и вот еще один счастливый случай. Мы с женой приехали в Венецию на годовщину свадьбы наших друзей и забронировали номер в отеле на улице Заттаре. Мы шли по тротуару вдоль канала и остановились всего в пяти минутах от отеля, чтобы почтить мемориал великому поэту Иосифу Бродскому. И вдруг я вспомнил, что у семьи Кочубеев был палаццо в Венеции, у которого теперь новые владельцы. Я поискал адрес в телефоне и с удивлением обнаружил, что он находится всего в нескольких метрах от того места, где мы стояли. Это было место, где мой прапрадед умер в 1865 году. Территория была окружена стеной, и я смог разглядеть лишь некоторые детали через одни из ворот. Тем не менее я нашел место, где он умер. Его вдова Елена Сергеевна Кочубей (урожденная княжна Волконская) приехала в Венецию из имения своего покойного мужа Воронки в Малороссии (ныне Украина. – Н. П.) вместе с Александром Поджио. Итальянец Поджио был декабристом и верным другом ее родителей – княгини Марии Николаевны Волконской (урожденной Раевской) и генерал-майора Сергея Григорьевича Волконского, который родился князем, но был лишен титула императором в наказание за участие в восстании декабристов.

А итальянцы в России вступали в браки с представителями семьи Кочубей?

Семья Поджио, прибывшая из Пьемонта, к 1865 году уже была русской, и их род навсегда переплелся с семьями Волконских и Кочубей, поскольку члены семьи были похоронены вместе в склепе в имении семьи Кочубей в Воронках. Спустя годы вдова Елена Сергеевна вышла замуж снова, на этот раз за местного помещика Александра Алексеевича Рахманова. У них родились две дочери, сводные сестры моего прадеда Михаила Николаевича Кочубея, – Мария Александровна и Елена Александровна. Старшая сестра вышла замуж за полковника Александра Ивановича Джулиани, русского дворянина из Санкт-Петербурга итальянского происхождения. В годы, предшествовавшие революции, Италия была для них как родная страна: Елена Сергеевна и ее брат князь Михаил Сергеевич Волконский часто ездили в Италию, то же самое делали и члены их семей. Они были укоренены через семью Поджио во Флоренции и через русскую общину в Риме. Мой прадед сопровождал свою мать в этих поездках, и много лет спустя, когда его сын, мой дед Сергей Михайлович поселился во Флоренции в начале 1930-х, местный фотограф, у которого была студия в городе, подарил ему фотографии Михаила Николаевича, сделанные полвека ранее.

Теперь понятно, почему после переворота в Российской империи 1917 года, Кочубей очутились в Италии.

Революция привела многих членов семьи в Италию, где они провели последние годы своей жизни. Это были Джулиани и их сыновья, Елена Рахманова, Волконские

и даже Кочубей. Мой дед Сергей Михайлович, воевавший в Белой армии в ОСВАГ под командованием генерала Деникина, не планировал переезжать в Италию. Мой дедушка учился в Киеве во 2-й Киевской гимназии (судя по фотографии, где он в школьной форме), а затем продолжил обучение и окончил Николаевский кадетский корпус в Петербурге. Когда началась Гражданская война, сразу же присоединился к двум своим братьям, воевавшим в кавалерии, в то время как четвертый брат продолжил изучение права в Киевском университете. Братья Кочубей покинули Севастополь в ноябре 1920 года, но только троим удалось добраться до Болгарии, где они на некоторое время и поселились. После десяти лет жизни в Болгарии и начала гастролей с Донским казачьим хором атамана Платова под руководством Николая Кострюкова, мой дед решил оставить Софию и свою первую жену, чтобы изучать бельканто во Флоренции. Там жила его семья, и это был центр оперного образования в Европе. Он познакомился с моей бабушкой Ириной Георгиевной Габричевской, и они обвенчались в греческом православном соборе Святого Георгия в Венеции. В том самом соборе, где в 1865 году, вероятно, читались молитвы об упокоении Николая Аркадьевича.

А как Кочубей оказались в США?

Мой отец вырос во Флоренции и отчетливо помнит военные годы, особенно бомбардировку союзниками в 1944 году квартала Марсово поле, где они жили. Повсюду лежали тела... Это было мучительное воспоминание, которое осталось в памяти всей семьи. Примерно в это время мой отец тяжело заболел и нуждался в госпитализации. Князь Эммануил Владимирович Голицын (1918–2002), личный

помощник вице-маршала авиации сэра Уильяма Диксона, был направлен в Италию на базу во Флоренции. Были задействованы связи с Россией, и Голицын организовал лечение моего шестилетнего отца в британском госпитале. Мой отец до сих пор помнит, как князь Голицын навещал его в больнице и читал ему сказки.

По мере разгорания войны моя бабушка добровольно вступила в Американский Красный Крест. Но дружба, которая изменила ход жизни нашей семьи, – это дружба с дальней родственницей моего деда Соней Томарой-Кларк. К слову, ее предком был Степан Васильевич Томара (1719–?), который был женат на Анне Васильевне Кочубей (1722–1800). Соня Томара была второй женой американского судьи Уильяма Кларка, который в 1949 году стал председателем Верховного апелляционного суда союзных войск в Нюрнберге в Германии. Он оставался на этом посту до 1954 года.

К 1953 году экономические перспективы моих бабушки и дедушки Кочубей были неутешительными, а всеобщие выборы в Италии, которые должны были состояться в июне, создавали неопределенность, особенно во Флоренции, которая была оплотом оппозиционных коммунистических и социалистических партий. У моего деда было слишком много проблем с коммунистами, и он с облегчением воспринял предложение Кларков оплатить проезд на пароме «Андреа Дориа» для эмиграции Кочубеев в Соединенные Штаты. Они эмигрировали в марте 1953 года.

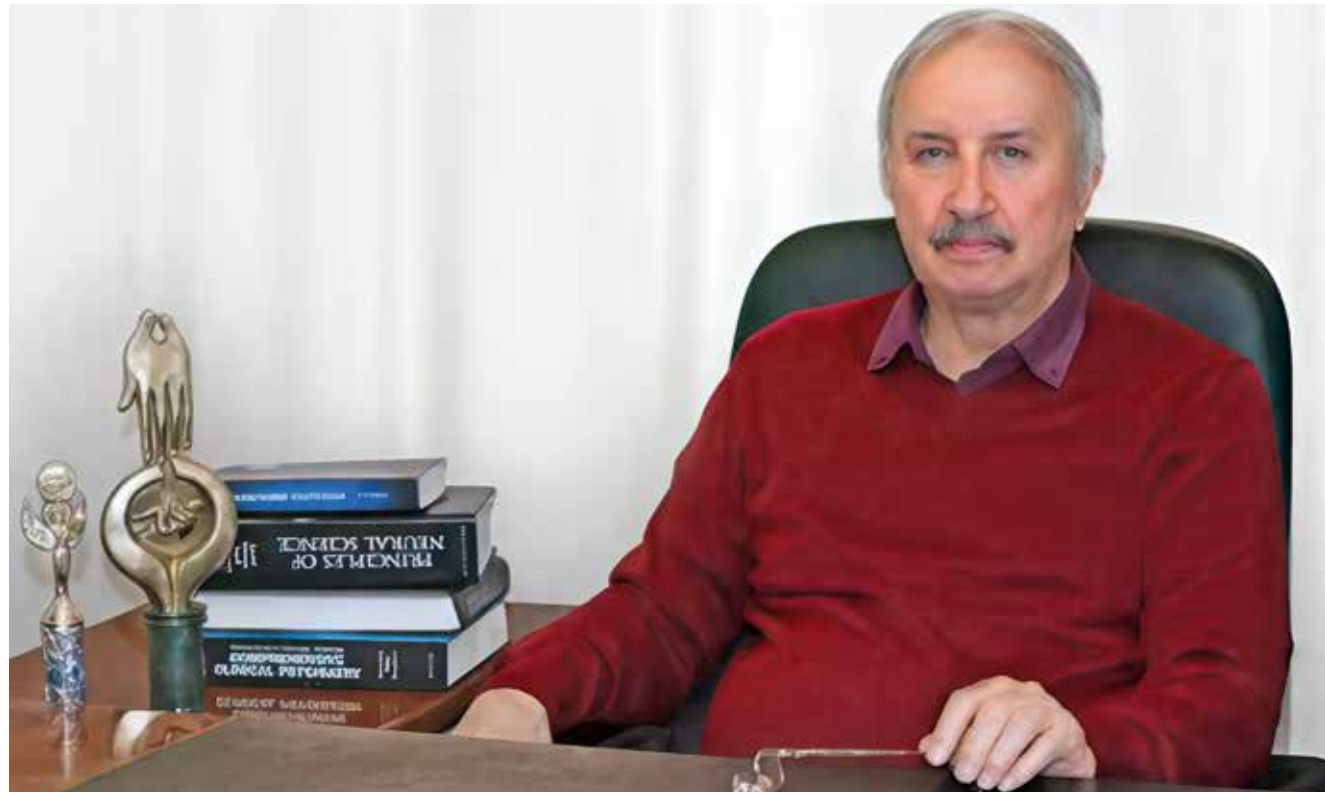
Это ни в коем случае не исчерпывающая история отношений Кочубеев с Италией, а лишь рассказ, охватывающий несколько поколений, который помогает читателям понять отношения одной русской семьи с югом Италии.

ОЧЕРК

НЕСТАНДАРТНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Во все века врачу надо было вырваться из прокрустова ложа диагнозов и находить тот единственно верный способ лечения, который выявляет корни болезни, устраняя ее причины, а не отдельные симптомы

АЛЕКСАНДР СЕНКЕВИЧ

Виталий Леонидович Минутко

На своем жизненном пути я встречал много известных и талантливых людей – закрытых и нараспашку. Я не всегда понимал (иногда это приходило позже, когда воссоздавал тот или иной образ), почему некоторые из них оказались героями моих книг. Сейчас предполагаю, что я их выбрал по причине уникальности и необычности поступков. Это личности из ряда вон выходящие, потому-то их трудно не заметить.

В этом очерке речь пойдет о враче, который выделяется среди своих коллег непривычным стилем и особенностью работы.

Родился Виталий Леонидович Минутко в 1954 году в Новосибирске. В выборе профессии пошел по стопам своих предков (бабушка – выпускница Харьковского медицинского университета, мать более 20 лет была главным терапевтом Курской области). В Курске окончил

с золотой медалью среднюю школу, с отличием медицинский институт, позже ординатуру при кафедре психиатрии. Со второго курса института стал заниматься научно-исследовательской работой, печатая статьи, посвященные философским проблемам медицины и психиатрии, был в числе руководителей студенческого научного общества, увлекшись темой «Научно-исследовательская работа студентов».

На протяжении восьми лет Виталий Леонидович заведовал отделением психиатрической больницы № 23 в Подмоскowie. С 1987 по 1990 год был консультантом в госпитале Кантемировской дивизии. Практически с 1977 года его жизнь была связана с Московским научно-исследовательским институтом, здесь он написал кандидатскую и докторскую диссертации, работал в отделе биологической психиатрии под руководством директора института профессора В. Краснова.

Встретившись с Виталием Леонидовичем в его клинике, я заглянул в книгу отзывов пациентов. Один из них я переписал. Он принадлежал женщине и был датирован мартом 2026 года: «Первое, что меня удивило – прием Виталия Леонидовича шел около двух часов. Врач заранее ознакомился со всеми моими анализами и исследованиями, которые я присылала на почту. А также внимательно выслушал меня, вникая во все подробности. Было видно, что доктор хочет докопаться до причины возникновения болезни, а не спешит сразу выписать психотропные препараты. Оказывается, есть анализы, по которым можно определить, какое лекарство в точности мне подойдет. Жаль, что я не знала об этом раньше. Я очень рада, что нашла такого грамотного специалиста».

Казалось бы, простую и знакомую пациентам и врачам мысль Гиппократ, что надо лечить не болезнь, а больного, невозможно оспорить. Вместе с тем каждый больной стремится узнать свой диагноз, а врач – не ошибиться в характере заболевания. Сложность состоит в том, что надо лечить конкретного человека, с неповторимым характером и уникальным организмом.

Виталий Леонидович тем и отличается от некоторых своих коллег, что сопереживает страданиям больного.

Независимо мыслящих врачей в современной медицине, опутанной сетью стандартов, на самом деле не так уж много. Возможно, потому, что медицина сама по себе консервативна, да и опасно уклоняться от рекомендаций чиновников Министерства здравоохранения, то есть обязательных стандартов диагностики, требующих лечить не больного, а его диагноз. Да и зачем рисковать, когда можно лечить по старинке.

Однако во все века, чтобынастоящему исцелять, врачу надо было вырваться из прокрустова ложа диагнозов и находить тот единственно верный способ лечения, который выявляет корни болезни, устраняя ее причины и механизмы развития, а не отдельные симптомы. Такой врач, как это ни странно, специально не интересуется поставленными до него диагнозами, даже если это было сделано известным профессором.

Минутко предпочитает называть себя «психоневрологом», а не психиатром или неврологом, хотя я не раз убеждался, что он хорошо знает наркологию и психотерапию, анатомию и физиологию не только мозга, но и всего организма человека. Может быть поэтому отечественный сайт «Доктор на работе», объединяющий 150 000 врачей разных специальностей, назвал его «лучшим психиатром последнего десятилетия».

Психоневрологами были Владимир Бехтерев (1857–1927) и Сергей Корсаков (1854–1900). И наш герой, следуя по их стопам, также считает, что нет смысла разделять психиатрию и неврологию, что психическое расстройство – не вселение дьявола, а поражение мозга.

Пытаясь вспомнить забытое, он в 2019 году стал инициатором создания Российской нейропсихиатрической ассоциации и провел первую в новейшей истории

России конференцию, объединившую более 200 психологов, биологов и врачей.

В роду у этого врача – предки, которые пришли из Польши в Россию и остались в ней навсегда, даже поменяв свою веру. У стен Донского монастыря в Москве сохранилось их фамильное захоронение. Среди этих предков еще 200 лет назад уже был доктор – Антон Минутко, один из первых врачей, созданной в 1898 году в Санкт-Петербурге медико-хирургической академии.

Были в роду и предприниматели. Так, юрист и экономист Станислав Минутко открыл в XIX веке первую в Москве банкирскую контору на Никитской улице, но больше все же был известен как ученый и писатель, вошедший в биографический словарь русских писателей и ученых Семена Венгера (1855–1920) еще в 1886 году. Был и писатель, которого я очень хорошо знал. Это Игорь Минутко – не только писатель и сценарист, но и один из основателей объединения писателей «Апрель», поддержавших перестройку. Меня с Игорем Минутко объединял искренний интерес к фигуре Елены Блаватской.

Вероятно, гены врача, предпринимателя и писателя есть и у моего героя. Его первые, самые большие монографии были посвящены основным психическим расстройствам («Шизофрения», «Навязчивые состояния»). Он также автор первого в России «Справочника психотерапевта», выдержавшего два издания и не только в России, монографии «Алкоголизм» (2012) и ряда статей, опубликованных в отечественных и зарубежных журналах.

Еще в начале перестройки Виталий Минутко зарегистрировал первый в Советском Союзе кооператив, задачей которого было лечение больных с психическими расстройствами и сильно пьющих,

а в 1991 году провел первую международную конференцию (еще в Советском Союзе), посвященную реабилитации больных в период перестройки. Он также практически первым зарегистрировал в нашей стране благотворительный фонд помощи душевнобольным.

Кстати, стремление открывать и созидать у моего героя отмечалось и раньше. Так, в 1982 году он создал первую в Московской области лабораторию нейрофизиологии и был одним из немногих советских врачей, которые, минуя все формальные ступени, сразу получали высшую квалификационную категорию.

Скорее закономерность, чем случайность, что Витаий Леонидович в 2003 году открыл первую в России частную психиатрическую клинику со своим стационаром в Подмоскovie и первым из психиатров был награжден в Храме Христа Спасителя международной премией «Профессия – жизнь».

Как известно, чтобы быть первым, надо суметь разглядеть в привычном необычное. Минутку в простом общем анализе крови заметил пересечение многих систем организма и 10 лет назад на основе своего опыта предложил первую в Россию (бесплатную) экспертную систему поддержки принятия клинических решений (с помощью искусственного интеллекта) на основе общего анализа крови.

Начинать что-то новое непросто. Для этого надо выйти за пределы привычного, а это можно сделать тогда, когда ты как личность выходишь за пределы своей профессии. Поэтому неудивительно, что Витаий Леонидович восстановил в Орловской области музей-усадьбу Тимофея Грановского (1813–1855), на открытие которой отозвались Станислав Говорухин (1936–2018) и Иосиф Кобзон (1937–2018), племянница президента Рузвельта, а также

искусствоведы и историки из многих стран мира.

Витаий Леонидович много путешествует по всему миру (с ним я и познакомился почти 15 лет назад во время нашего путешествия по Индии), дружен с врачами разных стран и посетил множество зарубежных клиник. Путешествия по клиникам Европы он описал в одной из своих книг – «Неправильное питание».

Давно замечено, что если ты становишься известным в своей профессии, то невозможно уйти от общественной деятельности. Мой друг почти 20 лет проработал в Обществе Красного Креста и Красного Полумесяца, награжден знаком отличия и был в числе организаторов первого в Москве центра профилактики наркоманий среди молодежи и первого под эгидой Красного Креста объединения помощи больным с психическими расстройствами (АИСТ – «Реабилитация»).

Настоящий доктор – всегда исследователь и ученый, потому и наш герой – доктор медицинских наук (по двум специальностям) и учитель, поскольку несколько лет был профессором на факультете психологии и возглавлял кафедру психосоматической медицины. Он имеет патенты в области психотерапии и наркологии, в которых проследживается тенденция использовать механизмы выздоровления больных без препаратов.

Минутку считает, что быть патриотом своей страны почетно, в какое бы время и где бы ты ни жил. Подобной позиции придерживаются и его племянники – врачи, спасавшие раненых в Курчатове и Белгороде (один из них награжден орденом Мужества, второй – медалью «За отвагу» и в свое время был признан лучшим врачом скорой медицинской помощи России).

Немецкий писатель, критик, богослов и философ Иоганн Готфрид

Гердер (1744–1803) как-то обмолвился: «Два величайших тирана на земле: случай и время». Другой известный человек Джордж Каннинг (1770–1827), английский государственный деятель, премьер-министр, канцлер казначейства, министр иностранных дел Великобритании, внес в это заявление уточнение: «Время и случай ничего не могут сделать для тех, кто ничего не делает для себя самого».

Напомню, что наш соотечественник мыслитель и публицист Петр Чаадаев (1794–1856) вполне соответствовал этому мудрому замечанию просвещенного англичанина. Он относился к тем проницательным и мужественным людям, кто своим пытливым умом заглядывают в такие умозрительные дебри, о существовании которых большинство людей даже и не догадываются. Приведу три примера из его рассуждений: «Есть люди, которые умом создают себе сердце, другие – сердцем создают себе ум: последние успевают больше первых, потому что в чувстве гораздо больше разума, чем в разуме чувств». И второе: «Время и пространство – вот пределы человеческой жизни, какова она ныне». И наконец, третье: «Жизнь разумная прерывается всякий раз, когда теряется сознание».

Английский поэт-романтик Перси Биш Шелли (1792–1822) был убежден, что «разум представляет собой сумму лучших наших чувств».

Ему вторил наш соотечественник Константин Станиславский (1863–1938), режиссер, теоретик театра: «Мысль, прежде чем стать мыслью, была чувством». К тому же он твердо стоял на том, что «понимать – значит чувствовать».

Задолго до него Александр Герцен (1812–1870), революционер, писатель, философ, проповедовал, что «человек без сердца – бесстрастная машина мышления, не имеющая

ни семьи, ни друга, ни родины; сердце составляет прекрасную и неотъемлемую основу духовного развития».

Федор Достоевский (1821–1881), через творчество которого проходит проблема сохранения «маленьким человеком» достоинства в условиях социального неравенства, призывал: «Пробить сердце. Вот глубокое рассуждение: ибо что такое “пробить сердце”? – Привить нравственность, жажду нравственности».

В первой половине XIX века в европейских странах количество людей с психическими расстройствами возросло до такой степени, что в клинической медицине появилась отрасль, их изучающая и лечащая – психиатрия. Этот термин, предложенный в 1803 году немецким врачом Иоганном Рейлем (1759–1813) в его знаменитой книге «Рапсодии», состоит из двух древнегреческих слов. В переводе на русский язык: «дух», «душа», «характер» + «лечение» «исправление», «приведение в исходное состояние».

Нельзя сказать, что этот термин привел в восторг просвещенную интеллигенцию того времени. Так, известный русский писатель Владимир Гиляровский (1855–1935) его отвергал, полагая, что «душа или психика независима от тела и излечивается сама по себе». Да к тому же и не все врачи, это определение также приняли. Например, Владимир Бехтерев (1857–1927), невролог, психиатр и психолог, предлагал название «патологическая рефлексология», а основоположник патофизиологического направления в отечественной психиатрии Виктор Осипов (1871–1947) предпочитал термин «тропопатология» (от греческого *tropos* – образ действия, направление).

В отличие от многих моих друзей, в основном гуманистичнее, Витаий

Леонидович ежедневно встречается со страданием людей и сопровождает их в процессе выздоровления. Как психоневролог он применяет лекарственную терапию, но противник бездумного использования опасных психотропных средств. Как психотерапевт практикует методы познавательного-поведенческой терапии и был одним из тех, кто стоял у ее истоков в России. Более десяти лет он был первым председателем секции познавательного-поведенческой терапии в Профессиональной психотерапевтической

лиге, а позже секции инструментальной психотерапии, по сути, комбинирующей психотерапию с физиотерапией.

Любой врач, и в частности психоневролог, должен найти причину болезни и не «чинить то, что не сломано», а психотерапевт как бы настраивает «программное обеспечение для правильного мышления и поведения».

Свой врачебный опыт Витаий Леонидович в тайне не держит. Он автор увлекательной статьи в первой отечественной «Энциклопедии

Петр Чаадаев: «В чувстве гораздо больше разума, чем в разуме чувств»

психотерапии», а также захватывающей книги «Депрессия», в которой он и врач, и критик, и искусствовед, и немного теолог. Возможно, это и является причиной того, что данную книгу издали в далекой Японии.

Моя первая встреча с Виталием Минутко произошла в Индии совершенно случайно. Незадолго до нашего знакомства меня избрали президентом Общества культурного и делового сотрудничества с Индией. Для пропаганды этого проекта была издана красочная брошюра. Ее содержание составили статьи как видных чиновников, так и ученых, писателей, художников.

Среди них с российской стороны были Александр Кадакин (1949–2017), в то время чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации в Республике Индия, и Артур Чилингаров (1939–2024), в то время президент Государственной полярной академии, известный советский и российский исследователь Арктики и Антарктики, крупный российский ученый-океанолог, государственный и политический деятель.

Чилингаров выразил свой восторг проектом. Приведу отрывок из его статьи: «Мне нравится проект молодежных творческих экспедиций в Индию и другие страны. Собрать

вместе людей различных творческих профессий – задача непростая, чем-то похожая по замыслу на экспедиции Тура Хейердала. Мой друг Юрий Сенкевич не раз был участником подобных экспедиций».

Понятно, что в осуществлении таких проектов подразумевается присутствие психиатра. К сожалению, тогда по разным причинам наше путешествие не состоялось. Однако через несколько лет я собрал небольшую группу активистов Общества и мы отправились в Индию устанавливать в Дели контакты с заинтересованными в них организациями.

С помощью Российского культурного центра в Дели мне удалось познакомиться со многими индийскими интеллектуалами. Один из них пригласил меня и моих товарищей посетить долину Куллу в штате Химачал Прадеш, где в поселении Наггар в скромном доме когда-то жила семья Рерихов.

Среди тех, кто поехал со мной, был и Минутко. В этой поездке я убедился в его порядочности, самообладании и стрессоустойчивости.

Мне запомнилась реакция Минутко на увиденное: природу, индусские храмы, одежду местных жителей: «Здесь каждый камень такую историю расскажет, что дар речи потеряешь». И еще порадовало то уважение, которое он оказывал водителю нашего джипа из местных жителей: его умение вести машину по закрученному горному серпантину вызывало восторг.

После этой поездки я какое-то время не общался с моим другом. Погрузился в написание книг для серии «Жизнь замечательных людей» (ЖЗЛ): «Будда», «Блаватская», «Венедикт Ерофеев. Человек нездешний», а он также работал (и продолжает) над разными монографиями, большая часть, которых еще не опубликована (четыре тома, посвященных

общему анализу крови, «Генетика для психиатра» и «Физиотерапия для психиатра»).

Обращусь к цитатам из книг Виталия Леонидовича Минутко: «Психосоматика – это теория, рожденная дуализмом разума и тела. Именно имплицитная онтология западной медицины, рассматривающая психические и соматические болезни как два совершенно разных вида сущностей, послужила основанием для создания специальной области медицины, призванной объяснить и объединить “таинственный скачок от разума к телу”»; «В жизни многих известных людей, судя по их биографиям, были депрессивные эпизоды той или иной степени выраженности. Творчество помогло выйти из депрессии, “переплавляло” ее проявления в шедевры искусства и науки. Однако негативные стороны депрессии находили отражение в страданиях великих людей, были причиной творческого застоя, способствовали алкоголизму и наркомании, вели к самоубийству». («Депрессия». М., 2006, с. 25).

И еще одна цитата, на этой раз из его книги «Навязчивые состояния» (Курск, 2011, с. 70): «У многих пациентов с навязчивостями отмечаются трудности в межличностном взаимодействии с другими людьми, явные или стертые признаки социальной фобии. Кроме того, навязчивые состояния, которые вызывают чувство стыда, продолжительные и нелепые ритуалы также способствуют отстранению от общественной жизни, препятствуют социализации, трудовой адаптации пациентов».

В авторской клинике Минутко проводится лечение не диагнозов, а больных. Для этого в ней применяются лучшие методы лечения психоневрологических расстройств – например, транскраниальная магнитная стимуляция, то есть воздействие на структуры головного мозга сквозь кости

черепы без хирургического вмешательства и стимуляция таким способом коры и подкорковых структур головного мозга.

Психосоматический подход к пациенту позволяет учитывать биологические, психологические и социальные факторы, влияющие на возникновение и течение психоневрологического расстройства. В клинике доктора Минутко равное значение придается биологическим методам лечения (медикаментозным и немедикаментозным), психотерапии, физиотерапии, а также использованию микро- и макроэлементов, витаминов и аминокислот. Препараты здесь никогда не назначают методом проб и ошибок, а безопасность контролируют по концентрации лекарства в крови. Здесь применяются непривычные для пациентов лабораторные исследования: висцеральный и нейронный тесты, исследование стероидов мозга и др., которые позволяют предвидеть возникновение болезни еще до появления первых внешних признаков недомогания.

Виталий Леонидович уверен, что для лечения больных с психоневрологическими расстройствами необходимо первоначально обследовать больного с помощью современных лабораторных и инструментальных методов исследования мозга и организма больного человека. Например, используя достижения современной фармакологической генетики – полного генома путем исследования «трактов», пучков волокон мозга, оценивая связи между структурами мозга и их размеры, а также наблюдая за концентрацией препаратов в крови. Объективные исследования, по мнению Минутко, должны предшествовать началу лечения психоневрологических расстройств и сопровождать его, чтобы быть эффективным и безопасным. Большое внимание врач уделяет семье своего пациента, он

убежден, что как в стационаре, так и в амбулаторном центре следует лечить пациента под контролем родственников, предпочитает считать больного «симптомом» в чем-то нездоровой семьи. Герой моего рассказа много времени уделяет социально-трудовой реабилитации пациента, постепенно расширяя его социальные сети и вовлекая в трудовую деятельность.

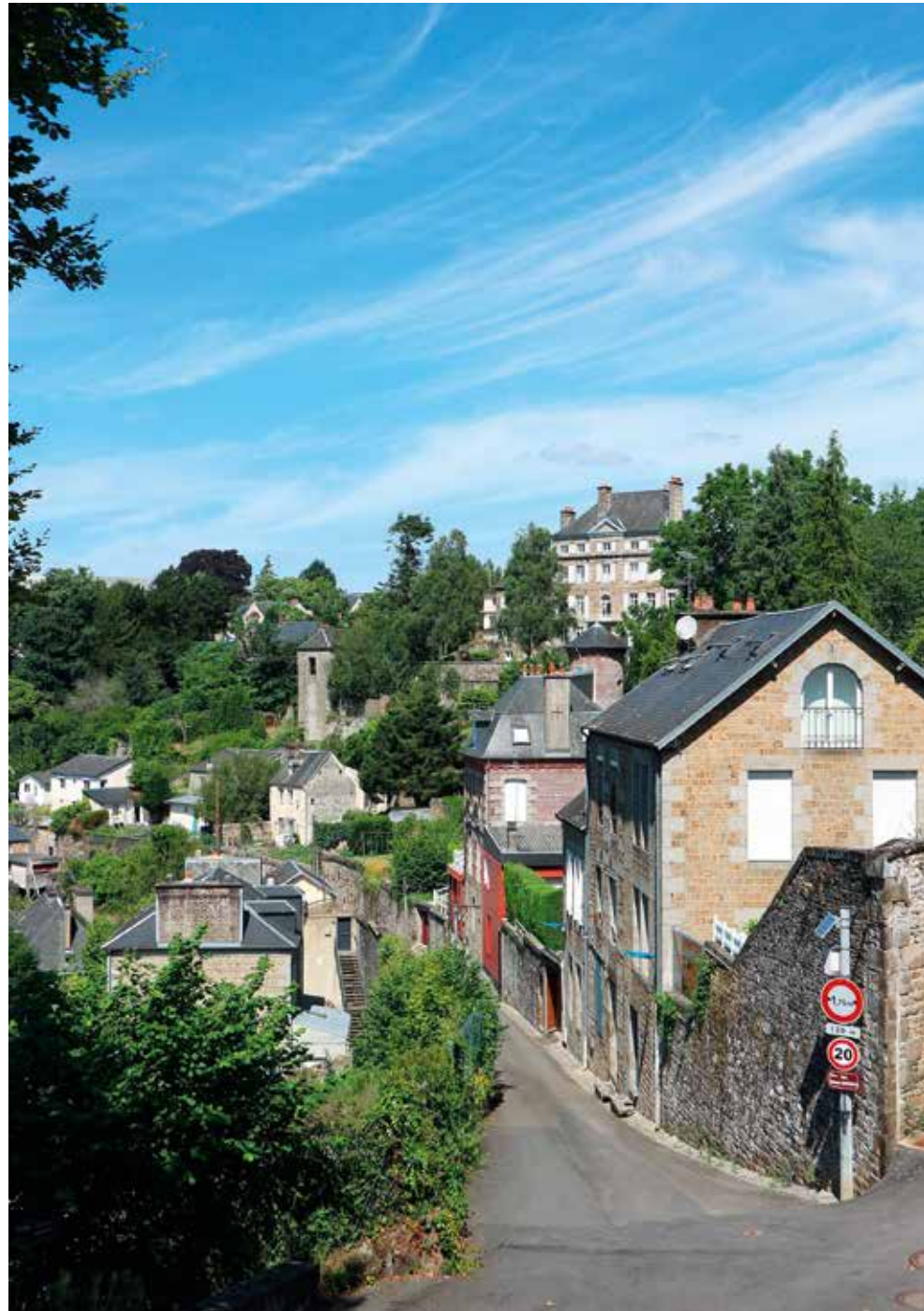
Взаимосвязь питания пациента, образа жизни и его душевного состояния анализируется в книге Виталия Леонидовича «Неправильное питание. Расстройство пищевого поведения» (2009). Приведу из нее отрывок о «ночном питании», которым еще недавно я сам увлекался: «Под “ночным питанием” понимают чрезмерный прием пищи вечером (вариант питания, распространенный в США, а возможно, и в нашей стране), при этом человек не может насытиться, сколько бы он ни съел. В результате такого питания человек плохо засыпает и часто просыпается среди ночи, может вновь принять пищу и снова лечь спать. На следующее утро аппетит, как правило, в данном случае отсутствует. Эпизоды переизбытка могут представлять собой реакцию на стресс. Психогенное переизбыточное питание в ответ на стресс проявляется тем, что при эмоциональном напряжении, волнении или после стресса резко усиливается аппетит. Отношение к пище при этом лишено избирательности, однако доминирует потребление сладкой и жирной пищи. Если стрессовая ситуация сохраняется на протяжении длительного периода времени, частое переизбыточное питание приводит к избыточному весу и ожирению».

В нейропсихиатрической клинике Виталия Леонидовича Минутко персонал хорошо понимает, что исцелить больного, не испытывая к нему сострадания, невозможно.

В НАЧАЛЕ БЫЛ CHANSON...

Продолжение. Начало – в № 169/09–10 и № 171/01–02

КИРИЛЛ ПРИВАЛОВ

Улица Оливье Басселена в Вире. Нормандия

Еще одним началом водевиля как самостоятельного песенного жанра послужили застольные песни. И тут нельзя не рассказать о нормандском мельнике и поэте Оливье Басселене и продолжателе его дела нотариусе Жане Ле-Гу. В некоторых источниках Басселена называют «суконщиком», но если учесть, что ткани в ту пору замачивались и отбеливались в запрудах у мельниц, большого противоречия в двух этих ремеслах не наблюдается. Оливье Басселен был родом из местечка Вир (Veaux-de-Vir) в Нормандии. И славится Вир до сих пор своей гастрономией и прежде всего мясными и молочными продуктами. Неслучайно, что именно в местных тавернах-кабаре, куда нередко заезжали в поисках народных гастрономических изысков господа из городов и замков, родился (и в значительной степени благодаря Басселену) особый жанр вакхических – жизнелюбивых и наивных – застольных песен.

Душевная простота творений мельника-суконщика вовсе не являлась свидетельством его необразованности. Оливье Басселен был человеком, достаточно

обкатанным жизнью: он много странствовал, неоднократно страдал от захлестывавших Нормандию войн между французами и англичанами, владел латынью. Созданные им песни положили начало целому жанру, его называли «во-де-вир». Ставший легендой еще при жизни и убитый при невыясненных обстоятельствах, Басселен, «умевший весело петь и весело жить», в XVI веке вольно или невольно дал импульс основанию первой школы шансонье, которую стали именовать «Друзья Валь де Вир», то есть долины реки Вир. По одной из версий, именно это название и трансформировалось с годами в «водевиль».

Еще одна версия происхождения этого слова. Пуркуа па? Почему бы и нет? Чем больше гипотез, тем интереснее история...

Вакхические песни Басселена так бы и остались, подобно сказаниям бардов, лишь частью устного фольклора и, вероятнее всего, исчезли бы без следа, если бы не нотариус Жан Ле-Гу, тоже из местечка Вир. Его порой называют еще и адвокатом, но по жизненному призванию он был прежде всего поэтом и издателем. Ле-Гу издал в 1610 году, после смерти своего кумира Оливье Басселена, его песни в сборнике под названием «Книга новых песен и Во-де-Вир». Церковь проклянет эту коллекцию вакхических песнопений и потребует уничтожения тиража, но птичка уже улетела из клетки: сборник будет неоднократно переиздан в разных краях страны. Водавиль стал народным достоянием, а традицию застольных песен, живущую во Франции (особенно в провинции) и сегодня, продолжают и разовьют в XVII веке другие мастера художественного слова.

Да-да, их так и будут называть «мэтр», что означает «мастер». Впрочем, это не только дань ма-сонской традиции, популярной

в самых разных социальных слоях Франции того времени. Некоторые из этих «маэстри» и в самом деле были мастерами в профанской жизни – простыми рабочими. Скажем, Адам Бийо был столяром. «Мэтр Адам», неспроста окрещенный «Вергилием от рубанка», сумел поженить вакхическую песню и так называемую «песню ткацкую», рабочую, издавна существующую в среде французских ремесленников. Этот рабочий-поэт из города Невер пользовался покровительством принца Конде и кардинала Ришелье. Последний даже положил певцу небольшую пенсию. Сборники песен Бийо (одни их говорящие названия чего стоят: «Столярные шипы», «Сверло» и т.д.) вызывали восхищение Корнеля, а затем и Вольтера. Рассказывающая о сошествии пьянчужки в ад «Вакхическая песня» мэтра Адама, порой называемого «первым французским шансонье», с теми или иными вариациями до сих пор исполняется на пирушках в глубинной Франции.

Простолюдин Адам Бийо, хоть и считался самоучкой, ставил себя отнюдь не ниже столичных признанных поэтов. А в Париже в это время расцветала в салонах аристократов любовная лирика. На рубеже XVII и XVIII столетий появился песенный жанр, пышным цветом окрасивший предреволюционный период французской истории. Это романс. Вот как сформулировал его специфику в своем «Музыкальном словаре» энциклопедист Жан-Жак Руссо: «Мелодия, на которую поют маленькую поэму того же названия, разделенную на куплеты; их сюжет по обыкновению состоит в какой-нибудь любовной и часто трагической истории».

Романс – при всей кажущейся простоте его сочинения и исполнения – будет звучать в творчестве многих выдающихся музыкантов и авторов-исполнителей: Николо,

Госсека, Керубини, Буалдьё, Спонтини... Сколько улиц, бульваров и площадей во Франции носят сейчас их имена! Но истинным корифеем романса, его «супер-стар» – как бы сказали сейчас – был Пьер-Жан Гара (1762–1823).

«Гара был самым удивительным певцом, которого когда-либо имела Франция», – писал об этом музыкальном феномене известный бельгийский музыкальный критик прошлого Франсуа-Жозеф Фетис. И в самом деле: голос Гара, баритонального тенора, был такой силы и глубины, такого богатства, что современники по праву называли певца из Бордо «новым Орфеем». Сын провинциального адвоката, Гара с детства проявлял недюжинные музыкальные способности. Еще мальчиком, услышав один раз оперу, он мог по памяти воспроизвести ее без малейшей ошибки. Он пел с такой же легкостью, как дышал. Самоучка, никогда не обучавшийся ни пению, ни музыке, Гара стал первым апостолом романса как самостоятельного жанра. Явился предтечей будущих поколений французских певцов и авторов-исполнителей. Более того – как бы сказали в шестидесятых годах прошлого столетия, Гара был «идолом» молодого поколения – тем кумиром, которому молодые люди подражали по всем статьям.

В двадцать лет Гара был послан отцом в Париж учиться юриспруденции. Но юноша выбрал другую карьеру. Его заметил герцог д'Артуа, будущий король Карл X, и представил королеве, и она была очарована невероятным голосом и приятной внешностью молодого провинциала. Песня, которая особенно понравилась Марии-Антуанетте, будет названа певцом «Романс для королевы». Эта композиция едва не приведет Гара на гильотину, когда начнется революция с ее якобинскими «чистками». Подозреваемый в «тайном роялизме»,

Французский певец и композитор Пьер-Жан Гара

Гара отсидел несколько месяцев в тюрьме Руана и вернулся в Париж совершенно разоренным... Там, где другие люди умирали от тоски и безнадежности, «французский Орфей» черпал вдохновение – сочинял новые прекрасные песни. Один из романсов, созданных Гара в ту тяжелую пору, так и называется:

«Вам, которые знакомы с тяготами жизни».

С приходом к власти Директории и особенно с появлением во главе страны Наполеона Бонапарта Пьер-Жан Гара возрождается для новых музыкальных подвигов. Быстрому успеху певца в парижских театрах и салонах способствует и тот

факт, что его дядюшка Доминик-Жозеф Гара становится сенатором и графом империи. Певцу больше не надо суетиться в поисках случайных заработков, государство начинает выплачивать ему постоянную ренту. Гара выступает перед самим Наполеоном и его многочисленной семьей, которая сразу подпадает под очарование голоса, уникального по красоте тембра, диапазону, гибкости и чистоте. (Впрочем, сам Бонапарт певцу не доверял, помня о его не столь давнем «роялизме»).

Королева Голландии Гортензия, падчерица императора, на некоторое время становится покровительницей Гара. Он достигает такой общенациональной известности, что даже после падения Наполеона остается на виду.

С 1816 года Гара – профессор Парижской консерватории, среди его учеников крупнейшие певцы и певицы той эпохи: Луи Нури, Антуан Поншар, Каролин Браншю... Звезда шансона много гастролирует по Европе, доезжает до России, где производит на Санкт-петербургских званных вечерах фурор. Именно Гара, как считают некоторые специалисты, вводит во французских песнях особое, то самое не грассирующее произношение «р», которое мы можем наблюдать у большинства певцов конца XIX века и начала XX – от Аристиды Брюана до Мориса Шевалье. Все модники столицы старались походить на Гара, одеваться, как он. Это означает сюртук до колен – полосатый или бутылочно-зеленого цвета, – рейтузы «плиссе» с застешками у колен, остроносые туфли, плюс рубашка-жабо и маленькая треуголка... Гара был первой в истории звездой шансон, создавшей свой от-кутюр. В начале XIX века даже родился специальный термин: «гаратизм» – мода на все, что касается Пьера-Жана Гара.

С Гара связано немало, как тогда говорили, «анекдотов», то есть – острых словес и выражений, ставших впоследствии крылатыми. Так, будучи однажды приглашенным в числе других светских знаменитостей в салон братьев Камбасерес, известных политиков, Гара осаждается публикой, которая просит его спеть. Певец сперва отнекивается... Потом демонстративно достает карманные часы, бросает взор на их циферблат и вздыхает: «Ах, как поздно! Мой голос уже уснул...»

Великий трубадур умрет в Париже в шестьдесят лет в полном забвении. Перед смертью певца голос его «не уснул», а предательски покинул. И Гара скажет в сердцах: «Я всю жизнь пел... Сейчас же мне не остается ничего иного, как петь про себя, только для меня одного». Публику же он проклянет: «Негодяи! В былые времена они бежали бы за мной до самого Булонского леса...»

«Французского Орфея» похоронили на кладбище Пер-Лашез в Париже. Романсы же, которые он исполнял, сделались поистине народным и поются до сих пор. Их множество. Самый яркий пример тому шлягер «Plaisir d'amour» («Наслаждение от любви»), кем только не исполнявшийся по обе стороны Атлантики! От Брижит Бардо (помните фильм Робера Энрико «Ромовый бульвар», где Брижит Бардо сыграла главную роль?) до Элвиса Пресли. Старинная песня, написанная в Нанси поэт-ом Флорианом и композитором Мартини, превратилась в исполнении Пресли во всемирный хит века XX века: «Can't help falling in love». Слова, актуальные и для грядущих поколений: «Наслаждение от любви длится мгновение, тоска по любви растягивается на всю жизнь...»

Хотя, надо сказать, этому романсу на все времена несказанно повезло: авторы его остались

в анналах. Тогда как абсолютное большинство песенных шедевров XVIII и XIX столетий приписывается анонимам. Имена их авторов не задержались в памяти народной, песни же передавались из поколения в поколение – как устно, так и в песенниках... Пусть шансон во Франции и считается «малым искусством», но при этом искусством, совершенно самодостаточным и вовсе не герметичным – открытым для всевозможных влияний и веяний. Песня уличная, салонная, строевая... И, конечно, профессиональная, артистическая. Еще в конце XVII века на волне Фронды и ее «мазаринад» в Париже начали возникать питейные заведения, куда люди приходили не столько для того, чтобы промочить горло и заморить червячка, сколько с целью послушать авторов-исполнителей.

От Эпикура до «Интернационала», или Мелодии из «Подвалов»

Обычно, рассказывая об истории первых кабаре, парижские гиды начинают с 1881 года, когда Рудольф Салис открыл на Монмартре «Ша нуар» – «Черную кошку». На самом же деле, рассказывая о первых артистических кабаре, резонно отступить на полтора столетия назад. Ибо в 1729 году несколько известных в столице авторов-исполнителей собрались вокруг стола с пятью-шестью бутылками «красненького» в Париже на улице Трюандери в доме Пьера Гале, аптекаря и бакалейщика. Эти талантливые певцы, поэты и музыканты – Шарль-Франсуа Панар, Шарль Коле, Проспер Жолио Кребийон и его сын Клод (имена их благоговейно произносятся знатоками шансона и по сей день!) – договорились устраивать вскладчину обеды, а на десерт подавать... песни!

Прошло еще два года, прежде чем друзья реализовали задуманное. И главным закоперщиком тут был сын аптекаря Шарль-Алексис Пирон, драматург, автор комических опер. Обладавший великолепным чувством юмора, он даже свою эпитафию написал в свойственном ему едком стиле: «Здесь покоится Пирон, который был ничем... Даже не был членом Французской академии!»

Те, кто бывали в Париже, наверняка знают неизменно представляемый справочниками для туристов как самое старое питейное заведение Парижа ресторан «У Прокопа», расположенный между перекрестком Бюси и площадью Одеон с ее памятником Дантону... Так вот, рядом с таверной 1686 года палермского дворянина дон Франческо Прокополио деи Кольтелли, около старого здания «Комеди франсез» – театра «Французской комедии», – располагался на улице Бюси под № 4 дом месть Ланделля, богатого бретонского бакалейщика и любителя песен. Никто бы и не помнил сегодня об этом простодушном, если бы не одно немаловажное «но»: именно у него было создано общество певцов и гурманов, которое стало устраивать «Эпикурейские обеды».

«Обеды» проходили почти с периодичностью выплаты современных зарплат: первого и пятнадцатого числа каждого месяца. Вначале – еда (изысканная!) и возлияния (обильные!), затем – песни и стихи... Задавалась тема – и слались песни. Тот, кто писал самую неудачную, был приговорен пить на протяжении всего вечернего собрания академии шансона только воду. Цена за все – два ливра или около этого. Среди исполнителей был весь цвет артистического Парижа середины XVIII столетия: драматург Фюзелье и философ Гельвеций, писатель Дюкло и адвокат Сорен, поэт Бернар и автор

церковных кантик Монкриф... Некоторые из певцов платили за обеды собственными песнями и песенными эпиграммами.

Антреприза процветала десять лет, после чего артисты – как, увы, часто случается – разругались между собой. Причем началось все с ссоры между родственниками – отцом и сыном Кребийон... Компания распалась. Щедрый Галле – бескорыстный энтузиаст шансона – так и не «поднялся на ноги» после этого фиаско. Бакалейщик все эти годы был – как сказали бы сегодня – основным спонсором предприятия и вложил в него все свое состояние. Брошенный всеми, весельчак Галле запил и, едва не попав в долговую яму, нашел последнее прибежище в богадельне, где и скончался в полной нищете в 1757 году. Он оставил потомкам на память сборник прекрасных собственных песен, некоторые из которых два века спустя включит в свой репертуар сама несравненная Эдит Пиаф...

Но название штаб-квартиры «Эпикурейских обедов» осталось: «Сосьете дю Каво» (*"Société du Caveau"*) – «Общество Подвала» или просто «Подвал». Любопытно, что в дальнейшем так же станут называть многочисленные кабаре по обе стороны Атлантики – от Антверпена до Нового Орлеана. Тем более что вскоре вместо первого «Подвала» в 1762 году появился второй, вслед за ним – третий... В этих веселых заведениях французская песня стремительно «дозрела» к концу XVIII века. Она обрела свою современную, столь знакомую нам форму. А именно: куплеты непременно перемежаются запоминающимся, доходчивым и желательно простым припевом. Поэт и драматург Луи Фюзелье и композитор Пьер Лаужон, завсегдатаи многочисленных «Подвалов», вводят это положение в негласное песенное правило на все времена... Французская песня вступала в иную эру

и напряженно искала своих героев и героев новых песен.

«Присоединить песни к нашим пушкам: первые – для хижин, вторые – для дворцов», – сформулировал задачи шансонье новой Франции адвокат из Арраса и вождь революционеров-якобинцев Максимилиан Робеспьер. С салонными романсами теперь, казалось бы, покончили навсегда: «Музыка – это гражданский акт, подчиняющийся официальному контролю; у нее будет свое место на форуме, среди толпы и, ясное дело, – на поле боя...» Отныне вместо Бога – Высшее Существо, вместо церковных торжеств – народные празднества вроде церемонии открытия Деревя свободы. На этом фоне медь труб решительно заглушила аккорды виолы. В напечатанном в 1904 году Каталоге гимнов и песен Революции, составленном Констаном Пьером, заместителем директора секретариата Национальной консерватории музыки, указано более 2500 произведений, родившихся в ту бурную пору... И это, как говорится, лишь верхушка айсберга.

С песней нередко так бывает: одна и та же мелодия, незаметная и безвестная, в новой трактовке вдруг становится истинным гимном. Например, знаменитая, восторженно энергичная «Ca ira» – классика шансона на протяжении двух столетий – ранее преспокойно существовала в форме контрданса «Национальный перезвон».

Еще витиеватее история другого революционного гимна – легендарной «Карманьолы», мелодия которой представляет собой откровенную кальку пьемонтского народного танца, а название заимствовано у сюртука, изготавливавшегося в Северной Италии. Есть версия о том, что слова песни написаны в 1792 году. Кем? Имя автора покрыто тайной, оно никому неизвестно. Правда, некоторые эксперты полагают, что первоначальная

версия «Карманьолы» – вариантов этой песни существует множество! – была создана женщиной. И какой! Красавицей Манон Филиппон, дочерью мастера-гравера, ставшей в замужестве виконтессой Ролан де ля Платьер, женой королевского министра и будущего революционера. Она была одной из самых ярких и просвещенных женщин своей эпохи. Мадам Ролан ненавидела Людовика XVI и в особенности королеву-австриячку Марию-Антуанетту. И в первом куплете «Карманьолы» надсмехалась над супругой короля.

Манон Ролан создала в Париже один из самых влиятельных салонов революционной Франции. За что и пострадала во время сведения счетов между якобинцами и жирондистами, соперничающими фракциями революционеров. Ее, предполагаемого автора «Карманьолы», казнили на гильотине при расправе якобинцев с активом Жиронды в ноябре 1793 года. «Как тебя обманули, Свобода!» – воскликнет муза Революции, прежде чем на площади Революции (нынешней площади Согласия) ей отсекут голову на глазах любопытной толпы. Через несколько дней покончат с собой, узнав страшную новость, ее муж Жан-Мари Ролан, бывший министр внутренних дел революционного правительства, и ее официальный любовник Франсуа Бюзо, один из главных ораторов жирондистов. Перед смертью они надели на себя блузы, сшитые по итальянскому образцу. Такие блузы после успеха зажигательной песни с острыми словами были прозваны в народе «карманьолами»...

Да, бывало так, что всего из одного куплета, из одной ритмичной музыкальной канвы рождались песни-гимны. И с ними одержимо шли на смерть со знаменем или с оружием в руках вначале санкюлоты, а потом воины Конвента и усачи наполеоновских армий.

Алексис Пирон. Бюст работы Жан-Жака Каффиери. 1762

«Вперед, дети родины!» – увидел призыв на стене одного из домов в Страсбурге капитан революционной армии Клод Жозеф Руже де Лиль. Так из одной строки родилась всего за несколько ночных часов песня, ставшая на века национальным гимном Франции. «Военная песня Рейнской армии», написанная сразу после объявления имперской Австрией войны революционной Франции, вскоре получит имя «Марсельезы» (*"La Marseillaise"*)... Впрочем, мало кто помнит, что на первых порах этот марш соперничал в праве быть главной песней страны с другим патристическим гимном, написанным в 1795 году, – «Пробуждение народа» (*"Le Réveil du peuple"*).

Однако после того как Наполеон Бонапарт объявил себя в 1804 году императором, «Марсельеза» получила отставку. В качестве национального гимна ее сменила «Походная песня» (*"Le Chant du départ"*), написанная к пятилетию взятия Бастилии в 1794 году по заказу дирекции Национального института музыки композитором Этьеном Николя Меюлем и поэтом Мари-Жозефом Шенье.

Воины-республиканцы прозвали эту песню «сестрой Марсельезы», хотя по своему построению «Походная песня» (ее название можно перевести и как «Прощальная песня»: герои, перед уходом в военный поход прощаются со всем, что у них было раньше, а порой прощаются

и с жизнью) существенно отличалась от марша солдат Рейнской армии. «*Le Chant du départ*» – это целая музыкальная постановка. Каждый из семи ее куплетов – ровно столько же, сколько и в «Марсельезе», – исполняется одним из героев революционных событий. Открывает песню депутат-патриот, призывающий солдат доблестно бить врага, во втором куплете появляется мать, трогательно отдающая сына-добровольца Отчизне, в четвертом – рассказывается о подвиге юных героев Бара и Виала, решивших скорее погибнуть от рук контрреволюционеров-вандейцев, чем предать дела Революции...

И по сей день «Походная песня» часто исполняется различными

Ноты к «*Chant du Départ*» Этъена Николя Меюля и Мари-Жозефа Шенье, изданные Э. Галле

коллективами французских Вооруженных сил. Валери Жискар д'Эстен в 1974 году сделал ее гимном своей президентской избирательной кампании.

Революции с их войнами, кознями и казнями приходят и уходят, а люди после пережитых испытаний хотят мирной обеспеченной жизни. Как только перестали ножи гильотины задавать ритм жизни

всей Франции, в Париже принялись возрождаться песенные «Подвалы». Уже на рубеже 1796–1797 годов стараниями композитора Пьера Лаужона появились «Водевильные обеды», которые продолжили традиции «эпикурейцев» прошлого. Вначале собирались у ресторатора Мео, затем на улице Вивьенн, у ресторатора и актера Жюлье. «Шансонье» становились

«шантер» – певцами: политика и религиозные сюжеты строго-настроено исключались из возможных тем песенного репертуара. Кроме того, сочинения участников начали публиковать в специальном бюллетене – немало, почти в пятьдесят страниц небольшого формата. Вслед за столицей подобные очаги песенной культуры стали расти как грибы после дождя и в провинции. В Бордо, Сент-Этьене, Лионе, Марселе...

Имена певцов, композиторов и поэтов-песенников, творивших во Франции с той поры вплоть до 20-х годов XIX столетия, с благодарностью вспоминают в Пятой республике по сей день. И действительно, кто не знает эти имена? Пьер-Жан де Беранже (1780–1857) и Марк-Антуан-Мадлен Дезожье (1772–1827). Во многом благодаря им «Современный Подвал» (это кабаре на улице Монторгей в Париже еще называлось «Канкальская скала»), созданный в 1806 году певцом, поэтом и книготорговцем Пьером Капеллем, станет мощной организацией со своим президиумом и секретариатом. Это общество гурманов – еды, вина и песни – превратится в главный клуб французских эпикурейцев.

По предложению Беранже новый «Подвал» начнет публиковать сочинения членов общества и зарабатывать деньги на его содержание. Слова песен станут печатать в ежемесячной «Газете гурманов и красоток», которая после выхода двадцать пятого номера будет переименована во «Французского эпикурейца, или Обеды Современного Подвала». Эти издания обзаведутся даже сетью иностранных корреспондентов. А 1812 году у столичного «Подвала» появится первый филиал – в Лионе. Беранже, вступивший в «Подвал» в 1813 году, специально для церемонии своего посвящения сочинит песню «Академия и Подвал». Певец

не случайно сравнит «Канкальскую скалу» с Институтом Франции: немало «бессмертных» – так французы называют академиков – посещают «Подвал» и с удовольствием выступают там. Достаточно назвать графа де Сегюра-старшего, Пьера Лаужона, Реньо де Сен-Жан д'Анжели...

Пьер-Жан де Беранже с огромным репертуаром песен, самых разных – антиклерикальных, социальных, политических и гривуазных, – станет первым понастоящему «литературным певцом». Альфонс де Ламартин, один из крупнейших беллетристов эпохи, назовет певца «человеком-нацией» – так популярны были сочинения Беранже во Франции. 25 октября 1821 года выйдут в свет два тома песен Беранже, и только за восемь дней будет продано десять тысяч экземпляров. Весь тираж! Издатель Фирмен Дидо ринется допечатывать сочинения «первого анти-барда Франции» («бард» – понятие религиозное!), но и новый тираж уйдет с прилавков в считанные дни:

*Жил да был один король, –
Где, когда – нам неизвестно.
(Догадаться сам изволь).
Спал без славы он чудесно,
И носил король-чудак
Не корону, а колпак.
Право, так!
Ха, ха, ха! Ну не смешишь ль?
Вот так славный был король!..*
(«Король Ивето» в переводе
И. Ф. и А. А. Тхоржевских)

От гонораров автор «Короля Ивето» (одной из самых острых и знаменитых песен Беранже) отказывается, как и от работы, которую ему время от времени предлагают. Он желает оставаться независимым. Власти – особенно королевские – его ненавидят, но относятся к нему с опаской: певца принимают и в аристократических салонах, и в народных тавернах. Беранже словно сцементировал

между собой две разные, даже полярные эпохи – славную наполеоновскую и тягучую, аморфную Реставрацию. Сорок лет становления французской песни накануне мощного прорыва конца XIX столетия. Как писал об этом времени Шарль Огюстен де Сент-Бев, великолепный литературовед и критик, эпоха Реставрации представляла собой «нечто вроде искусственного озера, в котором долгое время отражались иллюзии, блески искусства, философии, поэзии; летом там плавали на лодках, а зимой катались на коньках. В середине озера ощущалось течение... А в центре этого течения спорили и скрещивали шпаги ораторы, воинство, молодежь, народ и, наконец, поэт-либерал, единственный настоящий среди них, – Беранже со своей лирой».

Певца периодически сажают в тюрьму, где Беранже, пользуясь казенным кровом и скудным питанием, продолжает писать. Приговаривают к огромным штрафам, которые за него выплачивают его поклонники, объявляющие на улицах сбор средств в поддержку поэта. «Бессмертные» члены Института Франции предлагают Беранже стать членом их Академии (никогда ничего подобного никому из певцов не предлагалось!), но поэт решительно отказывается. Престижность его трудов определяется вовсе не бархатным креслом под куполом величественного дворца на набережной Конти. Для Беранже гораздо важнее совсем иное признание. В 1848 году он входил в общественный комитет помощи, который заседал во дворце, совсем недавно бывшем резиденцией императоров и королей, а в годы Второй республики отданном народу.

– Месье Беранже, сделайте что-нибудь! – камердинер Елисейского дворца (сегодня здесь главная резиденция президента Франции) пребывал в растерянности. – Их сотни, тысячи...

Поэт подошел к окну и увидел, как через боковые ворота дворца вползает во двор огромная толпа. Шарманщики со своими музыкальными коробками через плечо, скрипачи с собачками, обученными держать в пасти шляпы для собирания мелочи, слепые певцы с детьми-поводырями, теноры с Нового моста в засаленных цилиндрах... Впереди всех важно шествовал пузатый старик с румяными, словно выкрашенными свеклой щеками.

– Обер, это ты, старина? – расплылся в улыбке Беранже.

Он узнал в старике знаменитого бродячего баритона Обера, прозванного «синдиком сообщества парижских уличных певцов». И в самом деле: вся коммуна певцов и музыкантов с мостовых Парижа явилась в Елисейский дворец, чтобы приветствовать первого певца Франции и выразить ему свою признательность.

Потом биографы певца проникновенно напишут, что на встречу с ним на Елисейские поля явились восемь сотен его парижских уличных собратьев и сестер.

– Где он? Где? Неужели Беранже сейчас вместе с нами? – кричала, цепляясь за девочку-кларнетистку, слепая старуха, обычно выступающая на рынке улицы Муфтар.

– Благословите нас, месье Беранже! – просила со слезами на глазах седая певица-сопрано с перекрестком Одеон.

Обер, важный и торжественный, как никогда, взял слово и произнес возвышенную речь, в которой поблагодарил «певца и гражданина Беранже» от имени республиканской Франции. После чего два старика обнялись, и в едином порыве артисты-бродяги затянули знаменитую уличную песню: «Мы нищие и бездомные, но счастливые...» Беранже знал, что это самый большой день в его жизни.

Продолжение следует

ПАДЕНИЕ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Окончание. Начало читайте в № 169/9–10 и 171/01–02

АНДРЕЙ БУРОВСКИЙ

Разный Рим

Империя стояла до тех пор, пока римлянин мог сказать варвару то, чего варвар не знает, превосходил варваров техникой и дисциплиной. А если варвар уже и так все знает? Рим объединял и создавал инфраструктуру? Но он уже объединил, уже построил дороги. Рим манил

соблазном гражданства и римских законов? Но теперь все граждане, все живут по римскому закону. И вообще, теперь все римляне, все говорят на латыни. Все граждане. Все умеют строить дороги, стены и башни. Все умеют торговать. Все умеют спланировать людей.

С III века Рим разделен на провинции, которым одна цена.

Но если это так, зачем нужен провинциям Рим? Истощившаяся Италия, из которой ушли самые активные и умные? Теперь история Римского государства – это история не города и даже не большой страны Италии. Это история многонационального и многокультурного государства, громадного и очень разного в разных местах.

В каждой провинции происходят важные для нее события, царят свои обычаи, нравы и образ жизни. История каждой провинции началась не с Рима. Каждая провинция имеет свою давнюю историю, которой можно посвятить книги, целые библиотеки. Первые попытки провинций отделиться происходят уже в III веке.

В 212 году греко-иудейский караванный город Пальмира стал римской колонией с италийским правом. И тогда местный уроженец, сенатор Септимий Оденат восстал, объявил Пальмиру самостоятельным государством. Его убили в междоусобицах, но сын Септимия Оденат II объявил себя «императором римлян».

При Зенобии, вдове (и убийце) Одената, Пальмира присоединила к себе Малую Азию, Палестину, Египет, Сирию. Странный гибрид Греции и Древнего Востока просуществовал до 273 года, когда Аврелиан завоевал Пальмиру и во время триумфального шествия провел Зенобию в цепях через Рим.

В Зенобии смешались арамейские, иудейские, арабские и египетские корни. Ее часто представляют как некую героическую защитницу Отечества от злобных римлян – как Боудикку в Британии. Но и сама Зенобия совершенная римлянка восточного происхождения. Тем более вся семья ее мужа – местные уроженцы с римским гражданством и римскими именами. Римская знать, родившаяся в Пальмире.

В 260 году в Колонии Агриппина (современный Кельн) возникла

Стена Аврелиана, построенная вокруг Рима в III в. н. э.

Настенная роспись в Помпеях, 20 г. до н. э. — 50 г. н. э., на которой изображены Марс и Венера

еще и Галльская империя. Создал ее римский полководец из германского племени батавов Марк Постум (германское имя неизвестно). Начав на Рейне, Постум присоединил к себе почти всю Северную Галлию, Испанию и Британию. Себя он провозгласил императором Рима, а Кельн столицей, где избрал Сенат и двух консулов.

Вскоре объявился еще один император – Лелиан в городе Могонтиаке (Майнце). Он опирался на местных ополченцев из разных германских племен. Постум захватил Могонтиак и убил Лелиана, но совершил большую ошибку: не позволил своим войскам разграбить Могонтиак. Огорченные легионеры убили Постума и все равно пошли грабить.

От Галльской империи отделились Британия и Испания, а новым «императором» стал правитель Аквитании, римский патриций Гай Пий Тетрик. Этот самозванец вместе с сыном завоевал часть Южной Галлии и Британию... Но в 274 году отец и сын, оба Тетрики, сдались без боя императору Аврелиану. Видимо, они оказались не в силах справиться с собственным войском и просто бежали от него к Аврелиану спасаться.

История не знает о каких-либо потрясениях, охвативших Галлию и Британию в эти 13 лет. Провинции жили, как жили, пока римляне, галло-римляне и романизированные германцы восставали и отделяли их от остальной Римской империи.

Вывод простой: провинции уже могут жить сами по себе и без центральной власти. Рим уже дал все, что был в состоянии дать.

Империя выращивает могильщика

Можно, конечно, искать самые фантастические причины падения Римской империи.

«Рим пал потому, что римляне растворились в разноплеменной толпе низких народов», – сказал французский аристократ Жозеф Артюр де Гобино, основатель расовой теории. «Римскую империю развалила революция рабов», – полагал советский историк Михаил Покровский. «Рим пал, потому что христианство победило древнее язычество», – объясняли Отцы Церкви. «Потому что римляне выродились», – отвечали германские аристократы. «Потому, что римляне ушли далеко от родных им морей», – полагал английский философ Томас Гоббс. «Потому что они были слишком привязаны к морям», – уверяли германские ученые.

Мы легко увидим вполне реалистичные причины, среди которых главная: империи гибнут блистательно. Гибнут потому, что уже всему научили, передали эстафету новым народам. Потому что народ, создавший империю, растворился среди завоеванных. Потому что империя утратила свое превосходство, и теперь провинции могут жить без объединяющего центра. Кроме того, империя никак не может преодолеть инерцию собственной истории: традицию демократии, страха единовластия.

Но есть у империй еще одна, поистине мистическая черта: каждая империя сама воспитывает своего могильщика. Для Римского государства главным могильщиком сделали германские народы. Обычно франков и саксов называют «племенами». Скорее, это небольшие народности. Наверное, завоевать Германию было труднее, чем Галлию: страна холоднее, реже населена. Расстояния велики, добыча мала, земли плохи для раздачи солдатам. Но освоили же римляне долину Рейна. Завоевать же Германию было необходимо уже для того, чтобы создать безопасную границу на севере.

Галлы тоже нападали на Рим, даже не раз брали штурмом древнейший город. Они были ничуть не цивилизованнее германцев и в такой же степени воинственны.

В планы Октавиана Августа входило завоевать Германию, но первый опыт оказался неудачным. Воюя с германскими народами, Октавиан и Тиберий заняли территории современных Австрии, Баварии и Венгрии. Германцы прекрасно понимали, что Рим готовится прибрать их к рукам. Риму противостояли вовсе не дикие племена, а небольшие государства: скажем, племенной союз маркоманов. Само название означает нечто вроде «люди пограничья». Вождь маркоманов Маробод воспитывался при дворе Октавиана. На территории современной Чехии он собрал войско – 70 тысяч пехоты и четыре тысячи конницы. Заключив с ним почетный мир, римляне в пятом году создали Провинцию Германия. Легионеры зимовали в лагерях по Рейну, а летом осваивали междуречье Рейна и Эльбы.

Военачальник Публий Квинтилий Вар летом жил в долине Везера. Он был уверен, что Германия практически замирена. Ему активно «помогал» сын вождя племени херусков Герман. Римляне называли его Арминий. Он служил в легионах, прекрасно знал латынь, имел римское гражданство и тайно готовил вооруженное выступление против империи.

9 сентября девятого года римская армия, до 30 тысяч человек вместе с германскими и римскими женами и детьми от них, с обозами и скарбом, направилась к Рейну в зимние лагеря, как делалось всегда с наступлением осени. И тут, в Тевтобургском лесу, на них напали германцы Арминия. Полил дождь, среди дубов держать строй было невозможно. Германцы прыгали с дубов, стреляли

«Зенобия в цепях». Скульптура Хэрриеты Хосмер. 1859

из луков. Римляне пытались построить лагерь... Для него не хватало материала. Обозы бросили. К германцам подходили все новые подкрепления.

Квинтилий Вар и его офицеры дружно покончили с собой. Захваченных офицеров германские жрецы принесли в жертву своим божествам, развешивая на дубах, приколачивая к стволам живых и мертвых. Обезглавленную армию истребили почти полностью...

Будь Арминий царем или полководцем цивилизованного народа, надо было ждать нашествия на Италию. Но чем Арминий сплавивал германцев? Только враждой к Римскому миру. То есть – долой дисциплину! Да здравствует разобщенность племен, своеволие отдельных людей, неподчинение никаким авторитетам. Парадокс, но Арминий мог сплотить Германию, мог бы даже стать Римским императором, если бы продолжал честно служить Риму. Он выбрал иное... Германцы бросились на римскую крепость Ализо в глубине Германии, при впадении реки Елизо в Липпе-Эльзен, близ современного Падеборна. Взять крепость не смогли и разошлись. А гарнизон в штормовую ночь прорвал форпосты оставшихся дикарей и ушел на Рейн.

Судьба Арминия печальна: против него не раз восставала собственная знать; в конце концов его убил тесть Сегест, чью дочь Туснельду Арминий захватил силой.

Октавиан тяжело переживал гибель армии. Он несколько месяцев не брил бороды и волос. Не раз он бился головой о косяк двери, крича: «Вар, верни мне мои легионы!»

Тиберий и Германик водили войска в Центральную Германию, били германцев, но в конце концов ушли – слишком велики были потери.

Германские историки, особенно нацистские, глубокомысленно говорили, что победить германцев нельзя: такие они героические и свободолюбивые. На самом же деле причина, по которой Рим фактически отказался завоевывать Германию, совершенно загадочна. Германцы ничуть не воинственнее галлов, а в долине Рейна были романизированы нисколько не меньше. Не было сил? Но против Паннонии бросили 15 легионов, а против Германии – 5. 15 легионов быстро привели бы страну в состояние благоразумия, тем более что союзные германцы сами предлагали сформировать новые легионы. Стоит поставить гарнизоны, обложить население налогом, начать вербовку в легионеры – и «германский вопрос» был бы закрыт навсегда, как давно закрыт «галльский».

Октавиан Август в образе Юпитера, 1-я пол. I в. н. э.

Боеций, обучающий студентов (инициал в итальянской рукописи «Утешения философией» 1385 года)

И без этого 60% римской армии веками стояли на германской границе. Новая граница по Эльбе или по Висле и Днестру кровоточила бы намного меньше. Но ни один император ни разу не пытался этого сделать. Ни один!

Пассивность Рима не объяснима рациональными причинами.

Октавиан включил механизм, обреченный погубить Рим: начал выращивать силу, которая спустя века похоронит Западную Римскую империю. Он начал завоевание Германии и бросил на подороге. Породил у германцев смесь раздражения, гнева, любопытства и веры, что Рим можно победить. Спустя четыре

столетия германцам удалось то, чего не смогли сделать ни галлы, ни пуны, ни греки, ни персы.

...И никаких Средних веков!

Историки XIV–XV веков рассказывали, что дикие варвары сокрушили высокую культуру образованных, но изнеженных римлян. Наступили Средние века... Почему «Средние»? Потому что началась упадок, одичание. А вот после Средних веков пришло время возродить высокую древнюю культуру. Эта схема красиво обосновывала, что надо учиться, почитая римских

предков. Схему переняли и позже – ученые XVIII–XIX веков. Схема по факту неверна.

Многие современные историки вовсе не считают, что в Средние века произошла культурная катастрофа. Название книги одного современного французского историка может быть переведено как «... И никаких средних веков!». История Европы V–XIII веков – это история грандиозного по масштабу синтеза римской культуры и культуры германских народов. Но какой Рим стал образцом для нарождавшейся Европы? Не варваризованный Рим V века. Рим высшего взлета. Рим, который учил и у которого учились.

Все империи знают час высшего взлета, когда к центру империи текут материальные ценности, когда в него вливаются лучшие люди завоеванных народов. Рим I века до Р.Х. – II века по Р.Х. Римский мир за неполные три века своего величия создал ценности, которые уже не зависят от существования Римского государства. Невозможно вынуть римское основание из здания Европы.

Вынь – и все здание обрушится.

Культура и государство

Культура Рима и не подумала умирать.

Сын Божий, которого первыми из людей увидели подданные Римской империи, сказал, что зерно может быть вечным, только умирая и прорастая в земле. Так и есть. Вечный Рим много раз умирал и прорастал. Это блистательная смерть. Та смерть, в которой – и бессмертие.

Сохранилась легенда, что в середине V века перед походом на гуннов Флавий Аэций, полководец Западной Римской империи, трехкратный консул, удостоившийся эпитета «последний из римлян», проводил смотр войскам. Среди солдат он увидел мальчика лет 17, с трудом державшего вертикально огромное боевое копье.

– Ты кто? Что тут делаешь?!

– Я римлянин, я иду воевать за Рим.

– Меня называют «последним римлянином». Значит, нас уже двое, – ответил Аэций.

Судьба мальчика неизвестна. Известно, что «последним римлянином» называли еще многих людей, включая служившего франкам Григория Турского, консула Римской империи Аниция Манлия Северина Боэция и по крайней мере еще десятерых человек. Кто из них последний? Последний

римлянин еще не родился. Скорее всего, он никогда не родится. Рим живет в нашем сознании и подсознании, в наших костях, душах и жилах. Мы – это и есть Рим. Рим еще стократ умрет, стократ воскреснет. История Рима продолжается. Рим вечен.

Если мы встретимся в космосе со змеелюдями или разумными минералами, мы опишем их словами, в которых будет немало латинских корней. Мы осмыслим их в понятиях, придуманных учеными Великого Рима.

Но государство-то погибло!

Империя не хотела умирать

Римская империя умирала долго и мучительно. Уже в конце IV – начале V века на территории Рима появляются «варварские королевства»: государства бургундов, вестготов и остготов, вандалов и маркоманов. Меньше известны государства, которые создавали сами римляне после ухода легионов из той или другой провинции.

В Северной Галлии император Майоран создал особую Суассонскую область, отдал ее в правление выходцу из старинной галло-римской семьи Эгидию. После смерти Майорана Суассонская область оказалась отделена от Италии германскими княжествами. Эгидий и его сын Афраний Сиагрий правили как самостоятельные государи до 486 года. Их страна так и вошла в историю как государство Сиагрия.

Больше известен галло-римский король Артур, которого современные англичане называют порой «последним римлянином» и первым британцем». В легендах и сказаниях упоминаются и «последние римляне» Британий, и кельтский жрец Мирддин, или Мерлин.

Благодаря рыцарскому эпосу XII–XV веков эти события стали невероятно романтичными и увлекательными... А ведь за сказаниями стоит память о римском государстве, пережившем Римскую империю, павшем только в VII веке... Независимо от того, насколько историчны легенды про короля Артура и его династию, этот осколок Рима ничем «не хуже» государства Сиагрия, а просуществовал он на два столетия дольше.

Но и варварские королевства, в том числе и государство франков, которое стремительно расширялось до 814 года, фактически продолжали римскую государственность. Не случайно же король франков Карл Великий в 800 году провозгласил себя императором, тем самым заложив основы Священной римской империи германской нации, дожившей до XIX века.

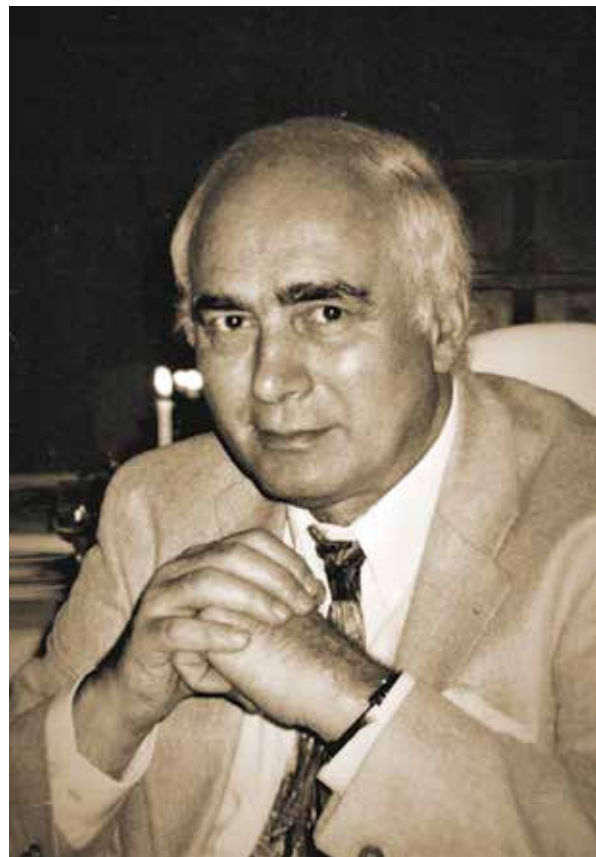
Но империя все же погибла!

Подведем итог: главной причиной гибели Древнего Рима стало то, что он дал все возможное: и своим подданным, и соседям. Все! Он уже не мог оставаться лидером. Рим изменялся потому, что в самой империи стало невозможно сохранять его наследие: гражданское общество, армию свободных людей, демократию. В языческие времена римлянин приносил жертву императору – живому богу, символу вечного Рима. Гражданин Рима чувствовал себя связанным с историей, жизнью, политикой своего государства. Нищий же платательщик налогов, лишенный права носить оружие, себя частью государства не чувствует. И своей знати не доверяет. И императору жертвы не принесет... Для него варвары даже лучше – они берут меньше налогов.

Примерно так оно и было.

ПАМЯТИ ВЯЧЕСЛАВА КАТАМИДЗЕ

Редакция журнала «Русская мысль» с глубоким прискорбием сообщает своим читателям о кончине Вячеслава Ивановича Катамидзе

Египте и других арабских странах, в 1973–1974 годах был военным наблюдателем ООН на Ближнем Востоке и заместителем председателя смешанной израильско-египетской комиссии по перемирию. Этот опыт нашел отражение в его книге «Ирако-кувейтский конфликт», в которой был дан глубокий анализ конфликтов на Ближнем Востоке. В 1973 году он в числе советских офицеров был награжден медалью ООН «На службе мира».

Позже Катамидзе работал комментатором на Гостелерадио СССР, снимал документальные фильмы

об арабских странах, руководил независимой студией документальных фильмов, создавшей такие телефильмы, как «Полуостров сокровищ», «Айвазовский», «Взгляд с высоты пирамид»; был автором популярного документального сериала «Москва Златоглава». С 1995 года жил и работал в Лондоне.

Человек энциклопедических знаний, всегда полный идей, он не представлял свою жизнь без творчества, без постоянной работы над новыми книгами,

некоторые из которых издавал под псевдонимами.

Он прожил яркую и достойную восхищения жизнь, оставив миру такие интереснейшие произведения, как «Прогулки по Лондону», «Кристофер Рен. Гений английского барокко», «Лондонские призраки и привидения», «Тайны Британского музея», «Тайна человека из Стратфорда», «Шекспир или Марло?», «Таинственная Библия» и многие другие.

В 2014 году Катамидзе была присуждена Беляевская премия за научно-художественную книгу «Тайна Ордена Храма». Его книги, переведенные на многие языки, имеются в 319 библиотеках мира, в том числе в Британской библиотеке и библиотеках Оксфордского и Кембриджского университетов. Последним романом Катамидзе, еще не вышедшим из печати, стал исторический детектив «Иван и Ева» о судьбах людей, оказавшихся в эпицентре драматических событий времен Второй мировой войны.

Трудно представить, что «Русская мысль» останется без ярких статей Катамидзе, полных глубокого анализа мировой и российской истории, проникновенного исследования творчества русских художников и писателей.

Мы выражаем самые глубокие и искренние соболезнования семье и близким Вячеслава Ивановича.

Светлая память!

Редакция журнала
«Русская мысль»

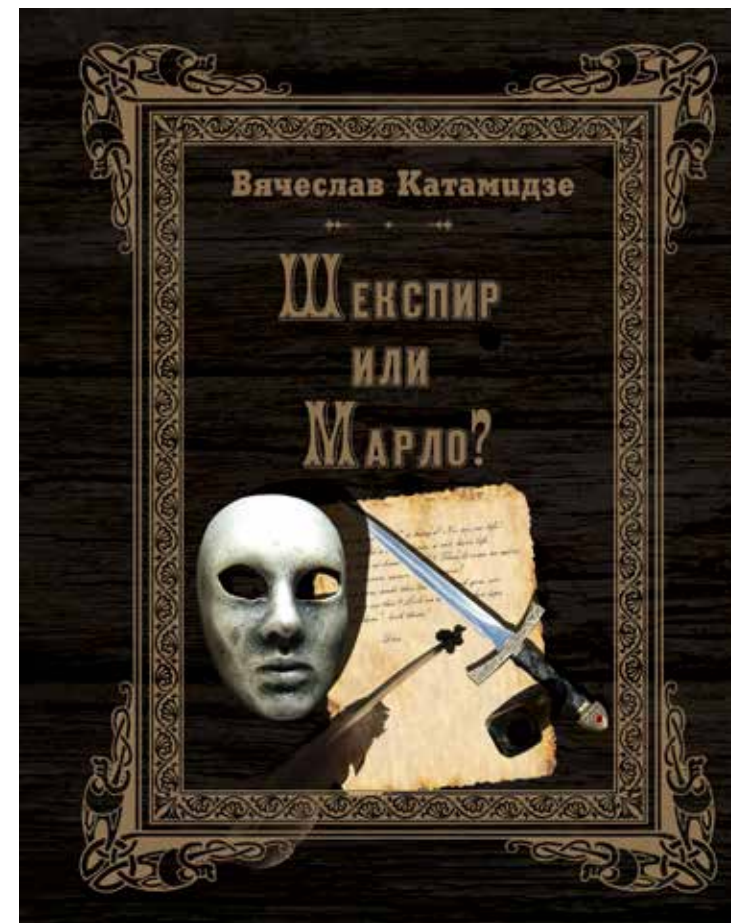
«ШЕКСПИР ИЛИ МАРЛО?»

В книге Вячеслава Катамидзе «Шекспир или Марло?» (издательство «Омега-Л», 2023. 504 с.) выдвигается смелая гипотеза, основанная на многолетних исследованиях автором британских архивов. По его мнению, Уильям Шекспир не мог быть создателем приписываемых ему гениальных пьес и сонетов хотя бы потому, что, в отличие от драматургов своего времени, не получил должного образования. Так кто же был истинным автором этих произведений?

Детство гения

Гениальный автор 39 пьес и множества других произведений родился, как полагают, 23 апреля 1564 года в Стратфорде-на-Эйвоне, в доме на Хенли-стрит, который в наши дни во всех справочниках и путеводителях называется так: «Место рождения Шекспира» (*Shakespeare Birthplace*). Его и показывают туристам как таковое.

Между тем авторы XIX века были более осторожны в своих высказываниях, чем наши современники. В историческом двухтомнике «Старая Англия» говорится буквально следующее: «... Согласно традиции, поэт родился в комнате в доме на Хенлистрит, который, как известно, принадлежал его отцу, стратфордскому олддермену». «Согласно традиции» – это вовсе не факт, это признание некоего слуха или предположения. Дом принадлежал (то ли полностью, то ли частично) Джону Шекспиру, отцу поэта, но ребенок мог родиться где угодно: у Джона было несколько домов, часть из которых он снимал – то ли для бизнеса, то ли для того, чтобы сдавать их в субаренду.

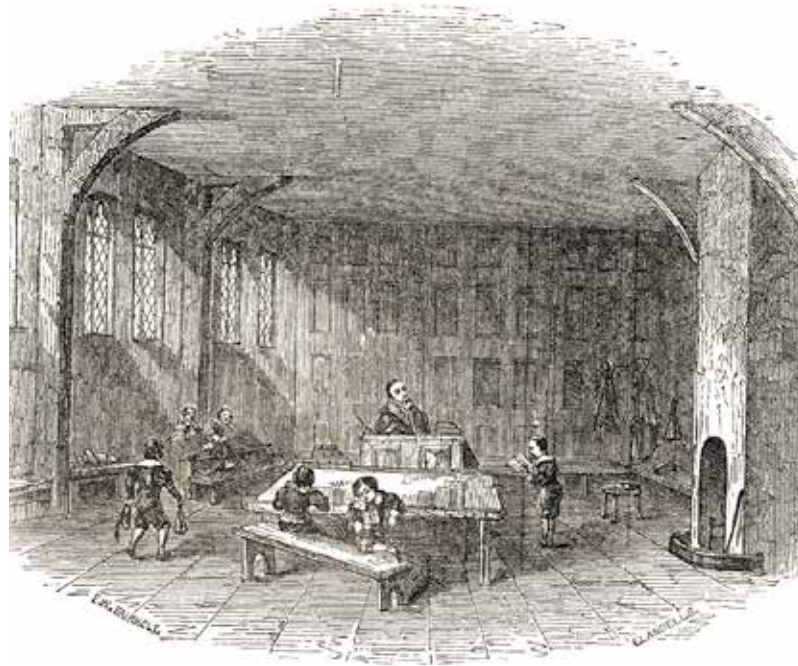
Дата рождения Шекспира тоже не установлена. Мы знаем, что его крестили в стратфордской церкви 26 апреля 1564 года, но это вовсе не значит, что он родился тремя днями раньше. Как и все остальное в биографии Шекспира, эта дата предположительна, и вполне возможно, что родился он 24 или 22 апреля: все зависело от состояния ребенка после родов, да и от состояния роженицы. О родителях Шекспира, значительно менее

известных миру персонах, чем сам бард, мы знаем на удивление много. Регистрационные книги, а также документы о различных договорах, сделках и свидетельствах рассказали историкам о жизни Джона и Мэри Шекспир, притом не только об их житье-бытье, но даже об их характерах и образовании.

Джон Шекспир, отец барда, родился в 1531 году. Он был из йоменов. Когда-то это был класс мелких землевладельцев, но со временем большинство йоменов стало профессиональными ремесленниками, небогатыми торговцами или безземельными фермерами, которые арендовали землю и обрабатывали

ее, обычно с помощью батраков. Ричард Шекспир, отец Джона, тоже арендовал землю.

< ... > Джон Шекспир помогал отцу на арендованной ферме до 1551 года, но затем решил начать свое собственное дело. Он стал торговать шерстью, зерном и солодом; так как все это производилось на ферме, которой управлял его отец, бизнес обещал быть весьма доходным. К тому же Джон овладел ремеслом кожевенного мастера

Слева — занятия в стратфордской школе (со старинной гравюры); справа — парта Уильяма Шекспира, которую показывали туристам много лет. В конце концов выяснилось, что парта сделана в XVIII веке

и был способен изготавливать женские кожаные перчатки и сумочки самого высокого качества.

Дела пошли в гору, и Джон то ли купил, то ли арендовал большой дом на улице Хенли-стрит, совсем недалеко от рынка, и разместил в нем и свою мастерскую, и лавку. <...> При этом он вместо подписи ставил значок в виде циркуля-измерителя, который применялся в перчаточном деле. Поразительно, впрочем, не это, а отсутствие у этого молодого человека, уже имеющего небольшое состояние, какого-либо желания овладеть грамотой.

В 1557 году он женился. Женой его стала 17-летняя Мэри Арден. <...> Мы знаем, что бракосочетание проходило в приходской церкви Св. Иоанна в деревне Астон-Кэнтлоу. Дворянка по рождению, Мэри была тоже неграмотна: она подписывалась, ставя значок в виде бегущей лошади.

<...> Мы не знаем, как прошло раннее детство Шекспира: на этот счет нет никакой информации.

В семь лет Уилл пошел в школу. Для шекспироведов-догматиков — это аксиома. Для всех остальных людей — это только гипотеза.

Существует две позиции шекспироведов по поводу образования, которое получил Уильям Шекспир. Одни утверждают, что он получил неплохое образование, хотя и фрагментарное. Это значит, что он несколько лет учился в стратфордской школе, а потом учился чему-нибудь и как-нибудь, пользуясь теми возможностями, которые у него время от времени появлялись: скажем, брал уроки у литераторов, которые его окружали с того времени, как он начал свою театральную карьеру в Лондоне.

Слабость этой позиции очевидна. Ранние произведения, приписываемые Шекспиру, считаются не менее интересными с драматургической точки зрения в сравнении с его более поздними произведениями и не обнаруживают слабости литературно-языкового багажа. Говорить тут о том, что Шекспир многие годы и работал,

и учился, нельзя. К тому же вечерних школ в Лондоне, как это понятно, в те времена не было. Поэтому большинство шекспироведов придерживаются более удобной точки зрения. Они говорят, что Шекспир получил в детстве хорошую базу знаний, главным образом в области английского языка, латыни и истории Англии, а потом усердно занимался самообразованием. Он, дескать, самостоятельно освоил всемирную историю и географию и к тому же прочел множество других книг, включая книги по истории военного искусства, юриспруденции и всемирной мифологии.

Туристам, приезжающим в город Стратфорд-на-Эйвоне, где родился Шекспир и где прошло его детство, показывают не только дом, в котором он родился, но и другие места, связанные с его биографией. Одним из таких мест является школа, которую он якобы посещал в детстве. Наши переводчики нередко называют ее «школой грамматики», потому что по-английски название ее такое: Grammar School. Между

тем так назывались — и, кстати, называются по сей день — начальные школы с классическим образованием, чаще всего принадлежавшие частным лицам и различным фондам или содержавшиеся на средства церкви.

Старое деревянно-каменное здание школы, окруженное такими же старинными зданиями, вызывает у туристов такой восторг, что они даже забывают спросить, в каком году будущий гений поступил в эту школу и в каком году ее покинул. Между тем, если бы такой вопрос прозвучал, на него не последовало бы ответа. Дело в том, что данных на этот счет нет никаких. Мы не только не знаем этого, но даже не знаем, учился ли он в этой школе вообще.

Но даже если учился, достаточно ли этого, чтобы стать великим писателем? Малограмотный литературный гений — явление крайне редкое, даже, пожалуй, исключительное. Давайте заглянем в историю.

Статистика тут самая неблагоприятная для шекспироведов-догматиков. Большинство литераторов Тюдоровской эпохи получили отличное образование либо во дворцах, так как принадлежали к высшему сословию, либо в университетах. Дэвид Линдси, один из пионеров британской драматургии, создатель «Забавной сатиры о трех сословиях», был шотландским аристократом, учившимся вместе с принцем Яковом (впоследствии королем Яковом V). Джон Бейл и Джон Хейвуд были на королевской службе, так что почти наверняка окончили колледжи. Николас Юдейл, автор первой английской комедии, учился сначала в Винчестерском колледже, а потом в колледже Тела Христова (Corpus Christi) в Оксфорде. Томас Нортон и граф Томас Сэквилл, авторы первой английской трагедии в белом стихе, тоже получили блестящее образование: первый учился и работал

в юридической корпорации Иннер-Темпл, а второй — в оксфордском колледже Харт-Холл.

Перейдем теперь к поэтам и драматургам шекспировской эпохи. Драматург Джон Лили, самый старший из современников Шекспира, окончил колледж Магдалины в Оксфорде, а потом учился в Кембридже. Кристофер Марло окончил Королевскую школу в Кентербери, а затем колледж Тела Христова в Кембридже. Бен Джонсон, драматург, режиссер и актер, окончил Вестминстерскую школу и учился в колледже Св. Иоанна в Кембридже. Фрэнсис Бомонт учился в колледже Пемброка в Оксфорде, а потом в юридической корпорации Иннер-Темпл. Так что абсолютное большинство известных авторов Тюдоровской эпохи получили образование, позволявшее им писать поэмы и пьесы на многие исторические темы и в разных жанрах.

Но, может быть, в других странах Европы находились гениальные самоучки, подобные Шекспиру, которые, не получив хорошего образования, стали известными драматургами?

Увы, и здесь шекспироведам-догматикам нечему порадоваться. Испанец Лопе де Вега учился в Мадридском колледже иезуитов, а потом в Королевской академии. Его соотечественник Кальдерон де ла Барка окончил Саламанкский университет. Француз Пьер Корнель получил высшее юридическое образование. Жан-Батист Мольер (Поклен) окончил самый знаменитый в его эпоху Клермонский колледж. Германец Лессинг окончил Лейпцигский университет; там же учился и Гете. Шиллер учился в Академии герцога Карла сначала на юридическом, а потом на медицинском факультете. Этот список можно продолжать до бесконечности, и читателю будет нетрудно убедиться в том, что широкое образование и общение

с учеными и творческими людьми были важнейшими факторами для формирования потенциала будущего деятеля культуры, особенно драматурга. Шекспир этого образования не получил. В плане развития он стоял на много ступеней ниже своих коллег-драматургов.

Но главным фактором тут является такой. Если заглянуть в историю театра английского Возрождения, то она вообще началась с выпускников кембриджских и оксфордских колледжей. В то время эти колледжи были, пожалуй, теми единственными островками культуры, в которых интерес к зрелищам, сатире, запретным темам никогда не угасал. В самом начале 1580-х годов группа молодых людей, окончивших эти колледжи и именно там развивших в себе вкус к театру, поселилась в Лондоне, где вела довольно веселую, можно даже сказать, разгульную жизнь, наполненную, однако, творческими исканиями. Это был как бы прообраз золотой богемы, в среде которой зарождались новые жанры литературного творчества.

А литературное творчество — это не только умение сочинять, писать, находить темы для новых произведений. Это еще и огромный объем информации, которая переваривается автором для того, чтобы он созрел для очередного творческого этапа, для очередного произведения. Эта информация приходит из книг, статей, из уст преподавателей, в результате общения с себе подобными, потому что огромное количество тем вызревает в результате споров, обсуждений и комментариев, в результате стремления создать нечто новое, интересное для всех.

Шекспир был лишен этой информации. Но все же стал автором десятков шедевров.

Как же это ему удалось?

Продолжение следует

ПРАЗДНИКИ И СМЫСЛЫ СВЯЩЕННОГО ВРЕМЕНИ

Все, что говорил и делал Иисус Христос во время Своей земной жизни, было неискаженным непосредственным божественным Откровением

АВГУСТИН СОКОЛОВСКИ,
доктор богословия, священник

Воскресение Иисуса Христа. Ярославская иконописная школа. XVII век

Отдание Пасхи

На сороковой день после Воскресения Господа Иисуса заканчивается празднование Пасхи и Церковь с Пасхой прощается. Как и всякий отрезок времени, она была непростой. Она проходила в чередовании молитвы и повседневности, создавая тем самым неповторимость взаимного общения верующих.

Приходская жизнь и неповторимое сочетание памяти святых с моментами пасхального календаря способствовали, сами того не желая, уходу Пасхи как одного из явлений богослужебного календаря.

Каждого из верующих на этой земле ждут новые празднования Пасхи, но число их ограничено, ибо все они, как времена и лета каждого, эти «волосы на голове» из Нагорной проповеди, подсчитаны у Владыки Христа. Для кого-то из нас Пасха на земле не повторится никогда.

Так человеческая жизнь отображается в структуре пасхального времени. Мы обращаемся ко времени, потому что для верующих людей время – это не только и не столько хронология в безысходности неизбежного ухода, но тот кадр, та рамка, в которой некогда Господь был явлен Сам. Так время становится одним из имен Бога. Ибо Он, будучи вне времени, сделался временным. Он, по словам «изобретателя времени»

в человеческом мышлении, святого Августина (354–430), «Сам стал временем, войдя в историю, чтобы освободить от времени нас».

Пасхальные дни делаются напоминанием об этом великом освобождении. Они превращаются в удивительную попытку побега через литургию и молитву в вечность Бога, где одесную Отца пребывает Иисус.

В этом смысле празднование Пасхи не заканчивается, но продолжается в Вознесении Господа, чтобы обрести свою кульминацию в Пятидесятнице. Ведь Сошествие Святого Духа – это сообщение Пасхи всей Вселенной, это Пасха Христова, данная всем и каждому, всей Церкви как Обществу верующих и каждому из нас. Бог не оставит человека никогда, ни здесь, ни тем более там, в Царстве Небесном, где принявшие Его воцарятся на престолах Апокалипсиса. Христос Воскресе! Благодарим Господа за Его Пасху, за его неизреченный великий пасхальный дар.

Вознесение

Нередко проповедники говорят о Вознесении как о скорбном событии. Будто бы Апостолы остались в замешательстве и пребывали в недоумении, переживая покаянный период в течение десяти дней с момента Вознесения до Сошествия Духа Святого в Пятидесятнице. Это совершенно не так.

Вознесение – это славное событие. Это кульминация великого достижения, одновременно божественного и человеческого. Действительно, если мы будем мыслить в терминах метафизики, то есть своего рода «сверхфилософии» о Боге, тогда все станет ясно. Бог стал человеком, был прославлен и вознесся на Небеса.

Но если мы отойдем от метафизики, которая в конечном счете

является всего лишь человеческим конструктом, не будет столь очевидно, что Всемогущий, Великий, Бесконечный Бог, воплотившись, успешно проживет эту человеческую жизнь, не уничтожит человеческую природу, не переступит человеческие границы, не будет раздражительным, не поддастся бунту и не останется равнодушным и покорным перед лицом любых обстоятельств. За пределами метафизики могло произойти все что угодно.

Но оказалось, что и это было немислимо. Ибо человек был создан от начала по образу Божьему, а Бог является истинным прообразом человека, а следовательно, и его будущего, так что эта совместимость между Богом и человеком проявилась удивительным образом. Сочетание Бога и человека в Иисусе Христе оказалось поразительным и великолепным. Бог – будущее человека, Вознесение – таинство великой богочеловеческой совместимости.

Во Иисусе настоящий человек был явлен: нет никого более красивого, прекрасного, доброго, великолепного, блаженного, счастливого и религиозного. Вершина этого происшествия исполнилась в Вознесении. Потому что Господь Иисус не только воскрес из мертвых, но, собрав вокруг Себя Свою первоначальную Церковь – апостолов и мироносиц, – Он благословил их и вознесся.

Иисус вознесся во славе. Любимый Учитель Господь Иисус вознесся во славе. Легко и свободно, как птица, как орел библейских символов на гербах и эмблемах, но в человеческом достоинстве, великолепно и торжественно Он взшел на Небеса. Не просто взшел и поднялся, но, как об этом свидетельствует Писание и Символ Веры, вознесся на Небеса и воссел одесную величества Божия на Небесах. Это значит, что у Бога бьется

человеческое сердце. Это истина во веки и догмат веры.

Для нас здесь великое предупреждение. Потому что у нас не получается быть по-настоящему людьми, никак не получается по-настоящему воплотиться. К примеру, мы недовольны своим возрастом. Желали бы жить в другом возрасте или в иной эпохе. Разделяющий слишком либеральные ценности хотел бы жить в эпоху больших свобод, а самые консервативные из нас хотели бы воплотиться в Средневековье. Иной никак не может стать человеком, потому что постоянно ведет себя, как животное. Не потому, что животные чем-то плохи. Напротив, они воплощаются должным образом, потому что смиренно соответствуют тому, что замыслил о них Бог.

Церковь как Общество верующих просит Бога послать нам Духа Святого, чтобы нам по-настоящему стать плотью, сделаться подлинными людьми. Ибо только через подлинное воплощение и вочеловечение сможет человек в конце истории, во Втором Пришествии, достойно вознестись и пребывать с Богом на Небесах, там, где Господь Иисус уже пребывает во славе и постоянно ходатайствует за нас, как наш Друг и Брат, чтобы то, что свершилось в Нем, произошло с нами. Христос вознесся на Небеса!

Памяти Отцов Первого Вселенского Собора

Седьмое воскресенье после Пасхи – исключительное. В отличие от прочих воскресных дней церковного года, оно посвящено не воскресному событию как таковому, но памяти Отцов Первого Вселенского Собора.

Первый Вселенский Собор состоялся в 325 году при императоре Константине в городе Никее. Первоначально он планировался

Первый Никейский собор. Работа Чезаре Неббиа. Около 1560

в Анкире (современная Анкара, столица Турции), чье название означает якорь, но был перенесен по соображениям логистики. Перенос оказался промыслительным. Для того времени событие такого масштаба после столетий гонений было событием небывальным, первым в истории, исключительным.

Вселенский Собор – это собрание епископата Церковью на территории Римской империи и некоторых епископов за ее пределами, приглашенных для участия самим императором. Это придавало Вселенскому Собору законодательный характер. Вселенной (по-гречески *экумены*) называла себя Римская империя.

На Первом Вселенском Соборе было принято двадцать канонов,

правил, значение которых для жизни всей Церкви чрезвычайно важно. Но в наше время об их содержании, увы, мало кто помнит и знает даже среди самых ревностных верующих. Главным постановлением Никей касательно практики было единое правило о праздновании Пасхи, которому по сей день в той или иной форме следует все христианство.

Главное – Никейский Собор принял Символ Веры, в котором было торжественно провозглашено единство Сына Божия, ставшего человеком во Христе Иисусе, Богу и Отцу. Это означало, что Сын Божий существовал всегда. Он не был создан, и не было времени или какого-либо периода до времени, когда бы Его, Сына Божия,

не существовало или не было. Это обязательный догмат веры.

Исключительная важность этого догмата в том, что только таким образом можно быть уверенным, что все, что говорил и делал Иисус Христос во время Своей земной жизни, было неискаженным непосредственным божественным Откровением. Мы спасены Самим Богом, Который вошел в историю, жил с Нами, стал нашим Другом и Братом. В Нем спасение непременно и даровано нам абсолютно и во веки. Вера в божественность Иисуса Христа – исключительная особенность христианства.

Празднование в честь Отцов Вселенских Соборов в ежегодном богослужении, а также в течение

года – это исключительная особенность Православия. Постараемся это запомнить. Значение Вселенских Соборов в том, что именно они подчеркивают суть апостольского христианства не как морали или учения, что также важно, но как догмат. Это также отличает христианство от иудаизма и ислама.

Православная Церковь признает семь Вселенских Соборов. Первый Вселенский Собор – исключительный и самый важный.

День памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия

Празднование в честь Первого Вселенского Собора совпадает в этом году с Днем памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, который отмечается 24 мая.

Некоторое время братья вели монашескую жизнь на святой горе Олимп в Вифинии – в том же регионе Малой Азии, что и Никея.

Святой Кирилл прожил 42 года и умер в 869 году в Риме. Он был учителем, богословом и философом. Святой Мефодий был на двенадцать лет старше своего брата,

Памятник святым Кириллу и Мефодию на Славянской площади в Москве

Андрей Рублев. Икона Святой Троицы. Начало XV века

прожил 70 лет и скончался в 885 году. Первый в истории славянский архиепископ, он подчинялся не германским архиереям, как это могло бы иметь место в то время, а был рукоположен в Риме и стал главой самостоятельной православной Церкви в Моравии.

24 мая – это также церковный праздник в честь основания Константинополя в 330 году императором Константином Великим. Исторически именно этому городу было суждено стать столицей Вселенского Православия с момента основания до, пожалуй, потрясений новейшего времени: революции 1917 года в России, падения Османской империи вследствие поражения в Первой мировой войне и изгнания православного населения из Малой Азии и Турции в 1922 году, известного в истории как Малоазийская катастрофа.

Празднование основания Константинополя отмечено в церковном календаре и имеет свой тропарь, который поется на четвертый глас: «Город Богородицы посвящает свое основание в дар Пречистой Владычице. Ибо он был создан, чтобы в Ней пребывать. Чрез Нее он живет и укрепляется, к Ней взывая: “Радуясь, надежда всех концов земли!”»

Из этого песнопения следует, что древние

православные гимнографы считали Константинополь «Городом Богородицы».

Совпадение основания Константинополя с праздником Кирилла и Мефодия неслучайно. Оно было введено болгарской православной общиной Константинополя в XIX веке именно в этот день с целью заменить собой греческое празднование и тем самым подчеркнуть самобытность и самостоятельность славянского Православия в ответ, как тогда казалось, на господство Константинопольского Патриархата.

Как это нередко бывает в истории, временная причина того или иного установления оказалась забытой, а Церковь получила замечательное празднование. День славянской письменности и культуры приурочен ко дню памяти Кирилла и Мефодия, создавших первую славянскую азбуку (глаголицу и кириллицу), и в прошлом веке отмечался даже в официально атеистических славянских государствах.

Подобно цветку из детской сказки Андрея Платонова, теологические истины буквально прорастают сквозь бетон и асфальт непробиваемой секулярности.

Пятидесятница

На пятидесятый день после Пасхи Церковь празднует Пятидесятницу. В Русской Церкви и в тех Церквях, которые имели с ней общую историю, этот праздник именуется Днем Святой Троицы. Сие означает, что некогда праздник был переименован. Как это обычно бывает в тектонически важных моментах церковной и литургической жизни, на это было по меньшей мере две причины: историческая и теологическая.

Дело в том, что воссоздатель духовной жизни на Руси, святой Сергий Радонежский (1314–1392)

посвятил свой монастырь Святой Троице. Престольный же праздник монастыря он праздновал в День Пятидесятницы. Из этой же практики, ставшей великой традицией, родилась впоследствии и знаменитая икона «Святой Троицы». Заметим, что в Греции подобная икона исторически именуется не «Святой Троицей», а «Гостеприимством Авраама». Икона-богословие как бы противопоставляется иконе-событию в этих разных православных мирах.

Историческая причина того, почему в Русской Церкви Пятидесятница стала днем Святой Троицы, в том, что во времена Сергия Радонежского Русь вела борьбу за освобождение от своего подчинения империям Востока, ханствам и ордам, правители которых незадолго до этого перешли из язычества в ислам и в отношении к православным стали гораздо менее толерантными.

Праздник Пятидесятницы, сделавшись Днем Святой Троицы, подчеркивал богословское основание Православного Христианства.

В этом году День Пятидесятницы пережил два замечательных совпадения. Одно из них можно назвать богословским, а другое историческим. По литургическому календарю Церковь в этот день, 31 мая, празднует память Святых Отцов Семи Вселенских Соборов.

В Православном Понимании Отцы Соборов явили всему миру, что Пятидесятница, как жизнь Святого Духа в Церкви, не закончилась с эпохой Апостолов, но продолжает жить в церковных постановлениях, в ее нравственной жизни и главное – в догматах. Это совпадение богословское.

Другое совпадение, историческое, заключается в том, что Пятидесятница совпадает с последним днем весны. Это напоминание

нам, что Весна Мира закончилась. Мы вступили в последние времена. Церковь ждет великие испытания, но и великая радость в приближении Второго Пришествия Христова.

Весна закончилась. Большинство из нас, православных верующих, является людьми взрослыми. Мы переживаем «возраст зрелости» (по названию романа Жан-Поля Сартра). Поэтому каждый по отдельности и все вместе – Церковь как Общество верующих – да будем духовно бдительны, да будем следить за собой, будем исправляться и улучшаться, чтобы Господь скорее вернулся к ожидающим Его делом и словом.

Религия – дело взрослых, благо для жизни и мира. Для этого пути добродетели и служения Иисус дал нам Духа Святого.

Отдание Пятидесятницы

На седьмой день после празднования Сошествия Святого Духа на Апостолов Церковь празднует Отдание Пятидесятницы. Таким образом, включая сам день праздника, Пятидесятница продолжается ровно семь дней.

Со следующего дня после Отдания, Недели Всех Святых, начинается новый отсчет воскресных дней. Поэтому праздник Всех Святых начинается собой новый счет воскресений, который, общим числом 33, по числу лет земной жизни Иисуса, продлится до начала подготовительных великопостных воскресений.

Это начало нового периода, перезагрузка времени, библейское мгновение, подходящий момент для православных христиан поздравить друг друга с Новым Временем Церкви и Новым годом!

НАСТОЯЩЕЕ ПРОШЛОЕ

ИЗ РЫБИНСКА В НИЦЦУ

Путь Святого адмирала Федора Ушакова

АНАСТАСИЯ ЛУЦЕНКО,
журналист Monaco Press Club

Портрет адмирала Федора Ушакова работы Петра Бажанова. 1912

В старинных стенах русского храма святителя Николая в Ницце 16 ноября 2025 года состоялось событие, значимое не только для прихода, но и для всех, кто хранит связь с православной традицией. Здесь, на берегу Средиземного моря, духовная память России обрела новый символ – икону святого Федора Ушакова, чья жизнь стала примером мужества, чистоты и редкой кротости.

Федор Ушаков – фигура особая даже в церковной истории. Он прожил жизнь так, как способны немногие: не проиграв ни одного морского сражения, не допустив жестокости, ни на мгновение не отступив от христианских принципов милосердия. После блестящей военной карьеры он добровольно ушел от мирской славы, поселился в Санаксарском монастыре, стал помощником обители, благотворителем и покровителем местных жителей.

За праведную жизнь, личную чистоту и сострадание к каждому человеку Русская Православная Церковь причислила его к лику святых в 2004 году. Сегодня он почитается как покровитель моряков, путешествующих и всех, кто ищет путь домой.

Создание иконы объединило людей, которые в обычной жизни никогда бы не встретились: художников и реставраторов, меценатов и священнослужителей, мастеров, журналистов и всех тех, кто просто хотел сделать доброе дело.

Особая роль в этом принадлежит настоятелю Свято-Николаевского собора протоиерею Андрею

Икона святого праведного адмирала Феодора Ушакова была торжественно передана в дар Свято-Николаевскому собору в Ницце в ноябре 2025 года

Елисееву. Человек редкой души и внутреннего достоинства, отец Андрей стал духовным вдохновителем проекта, связующим звеном между прошлым и настоящим.

Во время передачи иконы он произнес слова, которые стали смысловым стержнем происходящего: «Святой праведный адмирал-флотоводец Федор Ушаков – личность библейского масштаба. Библейский праведник – это чаще всего герой, победитель, который побеждает не только силой, но прежде всего верой. Человек видит свою зависимость от Провидения, особенно перед лицом опасности.

Ушаков соединил в себе все: смирение, служение народу, нестяжательность, ясность ума, талант военачальника от Бога и христианское милосердие. Каждое дело он

начинал и заканчивал молитвой. Как иначе, если не чудом, назвать его победу в 43 морских сражениях, когда ни один его корабль не был потоплен и ни один матрос не попал в плен?

При всем этом он оставался человеком своего времени. Глубокую веру, впитанную с детства, он умел естественно сочетать с культурой Возрождения, с заветами Петра Великого. У него не было ни тени самохвальства – лишь постоянное стремление учиться, даже у противников, уважать науку и опыт. Это сделало его не только идеальным военачальником, но и образцовым христианином – воином света.

Во Вильфранше стоит памятник адмиралу Ушакову. А теперь, здесь, в Ницце, будет его икона. Она будет напоминать нам великую историю России, которую мы часто

знаем так поверхностно, но которую знать обязаны. Потому что эту историю творит Бог – через таких Своих слуг, как Федор Федорович Ушаков, олицетворяющий собой “окно на юг”, которое вслед за европейским окном Петра открывала Екатерина Великая.

Частью этого открытия стало освобождение Бари, где почивают мощи святителя Николая, покровителя нашего храма, и освобождение острова Корфу, где праведный воин Федор нес на своих плечах мощи святителя Спиридона.

Частью той же истории было и прибытие русской эскадры в Ниццу и Вильфранш в 1850-е годы. И последовавшее примирение Франции и России через встречу монархов в Ницце в 1864 году. И дальнейшее укрепление связей между нашими странами – вопреки

логике разделения и вражды – через особую любовь русского человека к южному берегу Франции.

Икона – это не только окно в мир иной, но и приглашение заглянуть в историю. Через нее мы можем соприкоснуться с тем, кто на ней изображен, и почерпнуть вдохновение».

Эти слова задали глубокий, пронизанный памятью и светом тон всему происходящему.

Михаил Нефедов, прихожанин собора, меценат и резидент Княжества Монако, вспоминает, что идея создания иконы святого Федора Ушакова появилась внезапно: «Я не планировал ничего подобного. Все началось с внутреннего чувства благодарности. Когда-то именно здесь, в Ницце, я впервые по-настоящему помолился. Тогда я проходил через трудный период – борьба с зависимостью, потерянности, одиночество. И вдруг пришел мир. Я понял: я не один. С этого дня началась моя новая жизнь».

Михаил вырос в семье, где служение людям было нормой: «Мои родители были врачами Красного

Креста – работали в Йемене и Эфиопии. Я видел, как они лечили людей, не спрашивая, кто перед ними. Их сострадание сформировало меня».

Именно это помогло Михаилу особенно остро почувствовать один эпизод из жизни самого Ушакова.

Первая награда святого адмирала была вручена не за победу, а за то, что он спас свою команду во время эпидемии чумы. Он лично стоял у койки каждого матроса, добывая еду, лекарств, условий.

«Для меня его икона – символ милосердия, которое сильнее пушек», – говорит Михаил.

Его внутреннее стремление воплотилось в первом большом поступке: с благословения Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла владыка Мефодий передал собору Святого Николая дар Михаила – икону Неупиваемая Чаша, написанную братией Высоцкого монастыря и освященную иереем Игорем Балабановым у чудотворного образа в Серпухове.

«Это образ надежды, – вспоминает Михаил. – Мы молились ей

в России, проходя путь выздоровления. И позже, уже во Франции, я понял: здесь тоже нужно место силы».

Спустя несколько лет родилась мысль о новой иконе – образе святого Федора Ушакова.

«Нам всем сегодня нужен такой пример: сила без жестокости, вера без фанатизма, мужество без гордыни», – говорит Михаил.

За создание образа святого Федора Ушакова взялись супруги-иконописцы Сергей и Алла Смирновы из Рыбинска – семья художников, для которых иконопись давно стала не ремеслом, а формой служения. Их мастерская расположена в старой водонапорной башне на берегу Рыбинского водохранилища, которое местные называют морем. Это здание супруги выкупили на аукционе и годами восстанавливали собственными силами. Сегодня под его сводами – тишина, запах сусального золота и молитва, незримо сопровождающая каждый этап работы над иконами.

Когда им поручили написать икону святого Федора Ушакова, они восприняли это как особую честь. «Он ведь не просто адмирал, – говорит Сергей. – Он пример чистоты и стойкости. Сегодня, когда все меняется так быстро, людям особенно нужны такие образы – светлые, надежные, с внутренним стержнем».

Рыбинск для Смирновых – не просто место работы. Это земля, где родился Сергей и где появился на свет будущий святой – адмирал Федор Ушаков. Здесь, на берегу Волги, среди простора воды и неба, как будто сама история заранее соединила путь иконописца и образ того, кому суждено было стать святым покровителем моряков.

«Наше “море” – Рыбинское водохранилище, – улыбается Сергей. – Мы всегда любили эти просторы. Наверное, поэтому и наша работа так связана с пространством света и воды».

«Мы все работаем как одна семья, – говорит Алла Смирнова. – Иконопись – это всегда коллективное делание. У нас мастерская, а не одиночное ремесло».

В создании икон, включая образ святого Федора Ушакова и ранее написанную икону святителя Николая Чудотворца, участвовала вся команда мастерской Смирновых. Каждый мастер вносил свою лепту, соотнося собственному опыту и направлению работы. Над образами трудились Алла и Сергей Смирновы, Инга Савельева и Ольга Калинина, Александр Калинин, а также Игорь Васильев, Сергей Травин и Сергей Львов.

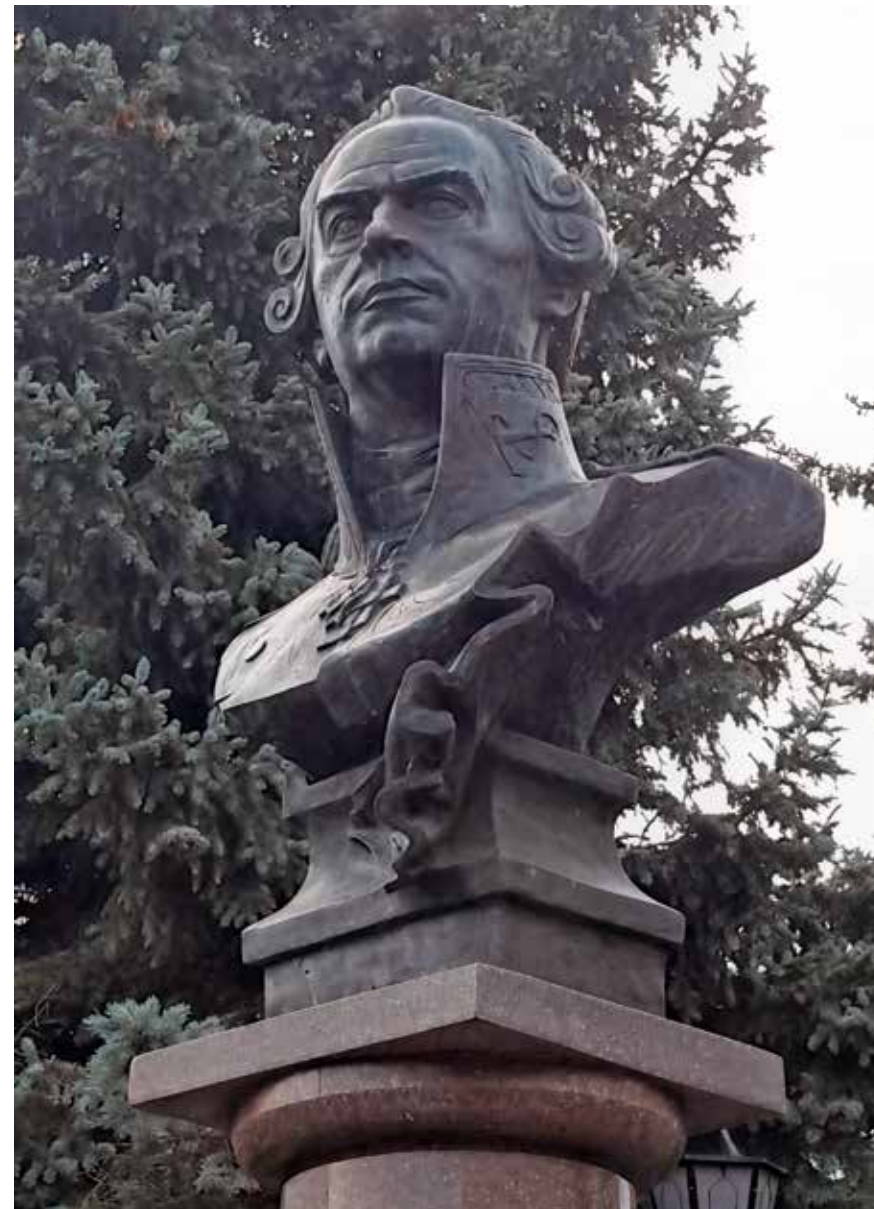
Работа над иконой святителя Николая Чудотворца началась и длилась почти два года. Это копия житийной иконы XVII–XVIII века редкого и сложнейшего типа, где весь жизненный путь святого раскрывается через многочисленные миниатюрные клейма. В каждом клейме – отдельный эпизод: рождение святителя, его деяния, подвиги милосердия, чудеса, совершенные при жизни и после кончины. Эти сцены написаны в формате тончайшей миниатюры и требуют предельной сосредоточенности.

Образ произвел глубокое впечатление на протоиерея Андрея Елисеева, настоятеля Свято-Николаевского собора в Ницце, он был поражен качеством исполнения и точностью соответствия канону. Для храма, освященного в честь святителя Николая, это оказалось особенно значимым.

Ковчег для мощей святого Федора Ушакова и оклад из золоченого серебра с горячей эмалью создал художник-реставратор Иван Анискин из подмосковной Дубны.

«Началось все с отца, – говорит Иван. – Он был реставратором еще в советское время. Я рос среди позолоты и инструментов. Понял: это не работа – путь».

Символично, что первый крупный заказ Анискина когда-то был связан

Бюст адмирала Федора Ушакова в Рыбинске

с образом Николая Чудотворца для храма в Бари. И теперь, спустя годы, его работа вновь обрела дом в храме святого Николая в Ницце.

«Иногда кажется, – улыбается Иван, – что образы сами находят тех, через кого хотят быть созданы».

Важную роль в осуществлении проекта сыграл и Алексей Лазарев, руководитель православного центра помощи зависимым «Реабилитация Live».

«Мы с Михаилом знакомы много лет, он поддерживает наш центр, – говорит Алексей. – Когда он рассказал об идее, я помог найти мастеров. Это радость – послужить добру делу. Настоящее исцеление приходит, когда человек встречается с Богом. Тогда он преображается».

В день передачи иконы в храме зазвучали колокола. За окнами шумело море – то самое Средиземное, по которому ходили корабли Федора Ушакова.

ПАМЯТНИКИ СОВЕТСКИМ ВОИНАМ В ГЕРМАНИИ

Рядом с этими мемориалами время словно замедляется, позволяя почувствовать масштаб событий, когда-то определивших судьбы мира

Мемориал в Тиргартене

В 1945 году в Тиргартене, неподалеку от Рейхстага и Бранденбургских ворот, был открыт мемориал в честь советских воинов, погибших в боях за Берлин. Здесь покоятся

около двух тысяч воинов, павших в последние дни Второй мировой войны. В течение всей холодной войны он находился под охраной советских войск.

Композиция мемориала, ставшего одним из первых крупных

Статуя «Родина-мать» в Панкове

памятников, посвященных советским солдатам в Западной Европе, удивительно гармонична. Центральное место занимает восьми-метровая фигура советского солдата с ружьем за спиной – символ завершения войны. Позади – колоннада, придающая ансамблю почти античную строгость. По обе стороны установлены танки Т-34 и артиллерийские орудия – реальные участники боев, а не символические копии.

Военный мемориал в Панкове

Советский мемориал в Панкове – крупнейший в Германии комплекс, посвященный памяти воинов Красной армии, погибших в ходе битвы за Берлин.

Мемориал расположен на территории народного парка Шенхольцер-Хайде в районе Нидершенхаузен и входит в число трех ключевых военных мемориалов Берлина наряду с Трептов-парком и Тиргартеном.

Мемориал, который занимает площадь около 30 тыс. кв. метров, был создан в 1947–1949 годах по проекту советских архитекторов К. А. Соловьева, М. Белавенцева и В. Д. Королева и скульптора Ивана Першудчева. Комплекс задумывался не только как памятник, но и как крупное воинское захоронение погибших воинов. Здесь покоятся более 13 тысяч советских солдат из примерно 80 тысяч, павших при штурме немецкой

столицы. Установить удалось имена лишь 3180 из них.

Центральным элементом композиции является обелиск из сиенита высотой 33,5 метра. Вокруг него – бронзовые плиты с именами погибших и восемь участков братских могил, каждый из которых содержит более тысячи захоронений. Под основанием обелиска находится траурный зал, где захоронены офицеры в звании полковников.

Перед обелиском установлена скульптура «Родина-мать» – важный символический элемент комплекса, у которого проходят памятные церемонии и возложение венков. На постаменте из черного порфира размещены 42 бронзовые таблички с именами погибших офицеров.

В 2011–2013 годах комплекс прошел масштабную реставрацию, позволившую сохранить его исторический облик и значение как одного из важнейших мест памяти о Второй мировой войне.

Трептов-парк

В центре Трептов-парка в восточной части Берлина расположен Мемориал советским воинам – один из самых значительных военных памятников за пределами постсоветского пространства. Он был открыт в 1949 году и посвящен более чем семи тысячам советских солдат, погибших в битве за Берлин во время Второй мировой войны.

Этот мемориал не столько о победе, сколько о цене, которую за нее пришлось заплатить. Посетитель проходит через массивную арку, словно вступая в иное измерение – пространство памяти. По обе стороны – барельефы, иллюстрирующими сцены войны и освобождения. Надписи на них – на русском и немецком – звучат как диалог двух народов, переживших трагедию.

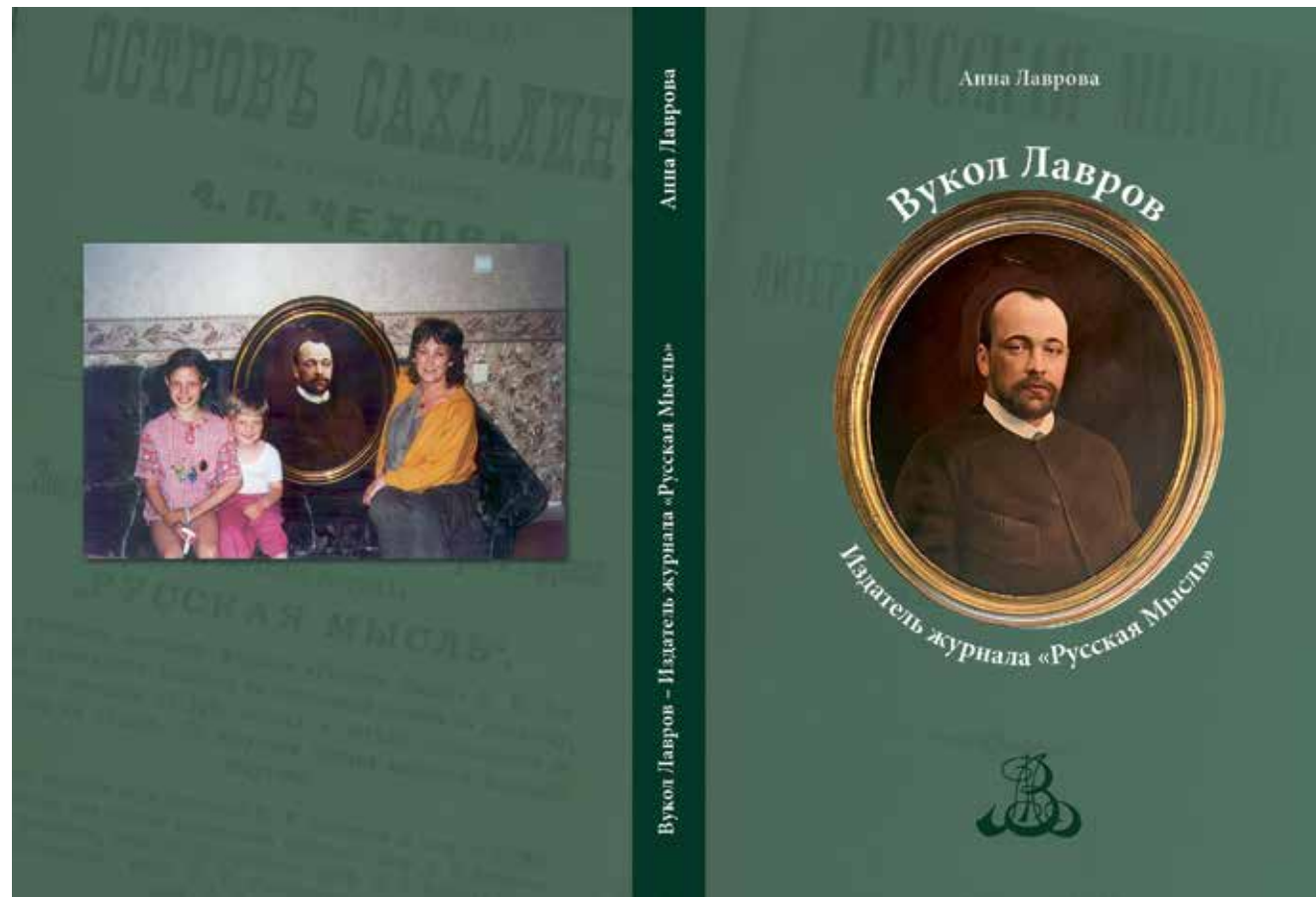
Панорама мемориала в Трептов-парке

В центре композиции – статуя Воина-освободителя (авторы: архитектор Яков Белопольский и скульптор Евгений Вучетич). В одной руке он держит спасенную немецкую девочку, а в другой – опущенный меч. Под его ногами – разбитая свастика.

При всей символике памятника это не просто абстрактный образ: 30 апреля 1945 года сержант

Николай Масалов действительно спас во время боев в немецкой столице маленькую немецкую девочку. У входа в парк возвышается скульптура скорбящей женщины «Родина-мать».

В Трептов-парке ощущается особое равновесие между нашей жизнью и уважением к прошлому. Он не навязывает эмоции, но призывает задуматься о судьбах мира.

«РУССКАЯ МЫСЛЬ» ВУКОЛА ЛАВРОВА

Книга «Вукол Лавров. Издатель журнала «Русская Мысль»» (Иркутск: Принт-Лайн, 2024. 440 с., ил.), несомненно, заинтересует наших читателей. Ее автор – Анна Михайловна Лаврова, правнучка Вукола Михайловича Лаврова (1852–1912), основавшего в 1880 году литературно-политический и научный журнал «Русская мысль», который выходил в Российской империи вплоть до 1918 года, когда был закрыт пришедшими к власти большевиками. Позже «Русская мысль» возродилась как эмигрантское издание.

В разные годы с «Русской мыслью» сотрудничали такие величайшие писатели и мыслители, как А. П. Чехов, В. Я. Брюсов, В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. И. Куприн, И. А. Бунин, А. Белый, М. А. Волошин, А. А. Блок, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, А. М. Ремизов, Н. А. Бердяев и многие другие.

Масштабный труд Анны Лавровой погружает читателя в блистательную эпоху русской литературы и культуры конца XIX – начала XX веков. В книге 575 иллюстраций, среди них – редчайшие фотографии из личного архива Лавровых. Уникальным приложением

к книге является Салонный альбом Вукола Лаврова.

«Достоинство книги состоит не только в использовании фотографий и документов, никогда не печатавшихся, – отмечает Анна Лаврова. – Главное в том, что я опубликовала Салонный альбом моего прадеда, в котором оставили свои автографы 37 писателей, поэтов, художников, артистов. Мой папа в свое время сфотографировал все автографы из этого альбома, поэтому мне и удалось воспроизвести их в моей книге, основанной на воспоминаниях моих дедушки, папы и других родственников.

Весной 2025 года утерянный из архивов нашей семьи альбом Вукола Лаврова был выставлен на продажу на аукцион PiterOldBook в Санкт-Петербурге и назван предметом музейного уровня мирового значения».

СОЮЗ МУЛЬТ ФИЛЬМ

90-ЛЕТИЕ «СОЮЗМУЛЬТФИЛЬМА»

Работы легендарной анимационной студии «Союзмультфильм» стали неотъемлемой частью культурного наследия России. Основанная 10 июня 1936 года в Москве, студия на протяжении десятилетий создавала мультфильмы, на которых выросло несколько поколений зрителей. Здесь было выпущено более полутора тысяч анимационных фильмов, многие из них вошли в золотой фонд мировой мультипликации.

История студии началась с объединения небольших мультипликационных коллективов, работавших при «Мосфильме», «Совкино» и «Межрабпомфильме». Первоначально студия получила название «Союздетмультфильм», однако уже в августе 1937 года была переименована в «Союзмультфильм».

С первых лет существования студия ориентировалась на передовые мировые технологии анимации. Большое влияние на советских художников оказали работы американского мультипликатора Уолта Диснея. Это способствовало развитию новых художественных и технических приемов, которые впоследствии были адаптированы к отечественным культурным традициям.

Настоящий расцвет «Союзмультфильма» пришелся на 1950–1980-е годы. В этот период были созданы десятки произведений, ставших частью культурной памяти общества и сохранивших свою популярность по сей день.

После распада Советского Союза студия пережила непростой период, связанный с экономическими трудностями и сокращением

производства. Однако в XXI веке «Союзмультфильм» начал активно возрождаться. Были восстановлены права на классические произведения, запущены новые проекты и современные версии известных мультсериалов. Студия также расширила свое присутствие на цифровых платформах и продолжила работу над полнометражными анимационными фильмами.

Сочетая богатое наследие и современные технологии, «Союзмультфильм» стремится сохранить лучшие традиции отечественной мультипликации и одновременно создавать проекты, интересные новым поколениям зрителей.

